

ДИПАК
ЧОПРА

ИИСУС

История просветления

FIC Chopra, Dee
Chopra, Deepak.
Rus : istoriia
svetlenia

Russian

NOV 14 2009

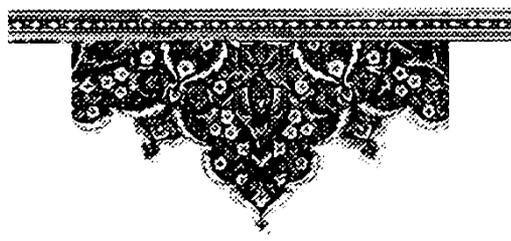
WITHDRAWN
May be sold for the benefit of
The Branch Libraries of The New York Public Library
or donated to other public service organizations

WITHDRAWN
May be sold for the benefit of
The Branch Libraries of The New York Public Library
or donated to other public service organizations

ИИСУС

ДИПАК ЧОПРА
ИИСУС

История просветления

Москва
ЭКСМО
МИДГАРД
СПб
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ч-75

Deepak Chopra
JESUS. A STORY OF ENLIGHTENMENT

© Deepak Chopra, 2008

Перевод с английского Л. Добросельского

Фото на переплете:
Frans Lemmens / Getty Images / Fotobank

Ч-75 Чопра Д.
Иисус : история просветления / Дипак Чопра ; [пер.
с англ. Л. Добросельского]. — М. : Эксмо ; СПб. : Мид-
гард, 2009. — 288 с.

ISBN 978-5-699-35136-7

Эта книга повествует не о том Иисусе, о котором говорит Новый Завет, но о том, который остался за пределами Священного Писания. За пределами евангелий остался иной Христос — Христос просветленный...

Знаменитый Дипак Чопра возвращается к читателю с историей просветления Иисуса Христа, сына человеческого и Сына Божьего.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Л. Добросельский, перевод, 2009
© Frans Lemmens, фото на переплете, 2009
© ООО «Издательство «Мидгард»,
издание на русском языке, 2009

ISBN 978-5-699-35136-7 © ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2009

От автора

Эта книга повествует не о том Иисусе, о котором говорит Новый Завет, но о том, который остался за пределами Священного Писания. Авторы евангелий умалчивают о «потерянных годах», как те принято называть, а именно — о периоде его жизни с двенадцати до тридцати лет. На этот промежуток времени Иисус словно исчез: после рождения в евангелиях встречается единственное упоминание о его детстве — и лишь у Луки, который упоминает, что на празднование Пасхи в Иерусалиме двенадцатилетний Иисус отстал от родителей. Мария и Иосиф заметили пропажу лишь на пути домой. Встревоженные, они поспешили вернуться в город и обнаружили Иешуа («Иисус» по-древнееврейски) спорящим о Господе с жрецами Иерусалимского храма. Если не считать этого поразительного упоминания, больше о детстве и юности Иисуса мы ничего не знаем.

За пределами Священного Писания остался иной Иисус — Иисус просветленный. Мне кажется, описание этих лет в Новом Завете могло бы подорвать христианскую веру... Христос уникален,

будучи сыном Господа и человеком одновременно, и эта уникальность оторвала его от прочих людей. Его святость и нашу обыденность разделяет грандиозная пропасть. Миллионы христиан принимают наличие этой пропасти как должное, но что, если на самом деле ее существование вовсе не обязательно? Что, если Иисус хотел, чтобы его последователи — и мы в том числе — достигли того же единения с Господом, какое обрел он?

Мое повествование основано на допущении, что он хотел именно этого. Проследившая жизненный путь юного пророка из Назарета, я рисую дорогу к просветлению. Причем мне не пришлось ее придумывать — ведь просветление и дорога к нему существовали всегда: можно сказать, что путь от страданий и одиночества к блаженству и единению с Божеством хорошо промерен и размечен. Я убежден, что Иисус прошел по этому пути. Конечно, христиане-фундаменталисты будут мне возражать, громко и горячо. Они хотят, чтобы Иисус остался уникальным — единственным человеком, который одновременно Бог. Но если Иисус принадлежит нашему, человеческому миру — а я уверен, что так и есть, — из повествования ни в коем случае нельзя исключать прочих, познавших Божественность. Безусловно, Иисус — спаситель, но не Спаситель, не единственный из них.

Поначалу, приступая к разысканиям о «потерянных летах», я чувствовал себя несколько неуютно. Написать новое евангелие — о таком я и не помышлял; а если рассказывать об Иисусе мирским тоном и слогом, велика опасность принизить его святость, каковая неоспорима. Мне хотелось подарить верующим — и всем, кто взыскует исти-

ны — новый источник вдохновения. И потому я все-таки решил показать Иисуса в повседневной жизни. Мой Иисус беспокоится по поводу насилия и недовольства народа, гадает, прислушивается ли Господь к мольбам тех, кого Он сотворил, и постоянно задается самым важным для него вопросом: «Кто я такой?» Я вовсе не намеревался опровергать учение Иисуса, запечатленное в Библии, а всего лишь стремился объяснить, как он пришел к своему учению.

Итак, каков же был юный Иисус, искавший ответы на множество вопросов? У меня было несколько вариантов повествования. Я мог бы выдать свое сочинение за утраченную биографию, однако биографии основываются на фактах, а об этом периоде жизни Иисуса мы знаем крайне мало — фактически только имена его земных родителей. Умел ли Иисус читать? Насколько хорошо он знал Тору? Жил ли он в отдалении от римской культуры или свободно общался с колонистами и солдатами? Сказать наверняка невозможно.

Недавние исторические исследования подвергают сомнению даже то обстоятельство, был ли Иисус плотником; некоторые ученые полагают, что он, подобно своему земному отцу Иосифу, был, скорее, каменщиком или просто «работником», то есть разнорабочим. Новый Завет нисколько не помогает узнать о жизни Иисуса. По большому счету, библейский текст представляет собой достаточно тенденциозную подборку фактов, доказывающих, что некий харизматический странник на самом деле оказался долгожданным Мессией; вдобавок текст был составлен в смутные времена, когда на мессианство притязали в немалом числе другие пророки.

Другой вариант состоял в написании своего рода «духовного романа», то есть в отпускании воображения на волю. Подобные романы ни в коей мере не опираются на факты и открывают простор фантазии. По воле автора Иисус мог бы получить магическое образование в Эфесе или посетить Афины и набираться мудрости под сенью Парфенона у учеников Платона. Но этот вариант я отверг как чересчур самонадеянный.

Наконец, я мог бы оттолкнуться от хорошо всем известного образа Иисуса, созданного в евангелиях. Пожалуй, это был бы самый безопасный и надежный вариант, своего рода «Приключения молодого Индианы Джонса», рассказывающие о том, как отлично знакомый персонаж стал тем героем, которого мы знаем и любим. Евангелия показывают нам человека, исполненного любви, сострадания, доброты и мудрости, и потому вполне логично предположить, что и любовь, и сострадание, и доброту, и мудрость он развил в себе еще в детстве. С годами обретенные черты характера проступали все ярче и четче, и наконец настал день, ближе к его тридцатилетию, когда Иешуа превратился в Христа и попросил своего двоюродного брата Иоанна окрестить его в водах реки Иордан.

Сопоставляя эти три варианта, я внезапно понял, что за пределами Библии остался отнюдь не один Иисус. Посему мне стало ясно, что необходимо показать самого важного из них. Для меня он не человек, а состояние сознания. Единение, которого Иисус достиг с Божеством, есть процесс, происходящий в сознании. С точки зрения Будды или древних индийских риши (провидцев), Иисус обрел просветление. И значит, вот о ком я собира-

юсь поведать — о юноше с потенциалом спасителя, который постепенно осознал свой потенциал и со временем сумел его реализовать.

Надеюсь, я смогу утолить любопытство читателя. Как ощущается слияние с Божеством? Доступен ли путь Иисуса другим людям? Я уверен, что да. Иисус — не просто образец духовного совершенства, он — учитель и наставник. Своим последователям он говорил, что те способны на все, на что способен он сам, и даже на большее. Он называл их «светом мира», как и самого себя. Царство небесное, по его словам, есть область вечного блаженства, отнюдь не тайное место, скрытое за облаками.

Если подытоживать, Иисус, оставшийся за пределами Нового Завета, во многих отношениях представляется наиболее важным для нашего времени. Его стремление к спасению рода человеческого отзывается в каждом сердце. Когда бы не оно, короткая, исполненная противоречий жизнь почти повсеместно презираемого ребе с задворок иудейского общества I века нашей эры не вызывала бы интереса, — но все мы знаем, что этот ребе сделался мифом и великим символом. Я вовсе не хотел изображать Иисуса объектом почитания и тем более претендовать на «единственно верное» описание его юношеских лет. События в моем романе вымышлены. Но на некоем более глубоком уровне Иисус для меня реален, поскольку я смог ощутить его сознание. Один проблеск сознания отвечает на многие молитвы. Надеюсь, читатели смогут почувствовать то же самое.

Дипак Чопра

Май 2008 года

Часть первая

ИЩУЩИЙ

Глава 1. Незнакомец в снегу

— **К**онь! — крикнул храмовый служка. Он тяжело дышал. — Скорее, пойдём!

— Куда? — спросил я, не поднимая головы. Как и каждое утро, я писал. Мои записи не предназначались ни для кого за пределами этой кособокой развалюхи, но я продолжал писать — для себя.

— Как куда? Надо его поймать, пока кто-нибудь не увел! Он такой здоровый!

— Кто-нибудь — это ты?

Мальчишка никак не мог успокоиться, из ведра в его руках выплескивалась на пол горячая вода: ему позволялось входить сюда, чтобы наполнять мою ванну.

Я нахмурился.

— Спокойствие, малец.

— Что? — переспросил он.

— Разве жрец не учил тебя сохранять хладнокровие?

— Это было раньше... до коня...

Для всякого, родившегося в этих горах, конь без хозяина — целое событие. Интересно, откуда взя-

лось животное? Наверное, из Западной империи, там разводили огромных черных боевых жеребцов. Местные распознавали животных, так сказать, по сторонам света. Слоны — юг и джунгли, верблюды — восточные пустыни... Я много странствовал, но лишь единожды видел двугорбое чудовище.

С севера, из-за перевалов, приходили низкорослые мохнатые пони, и уж они-то были для нас не в диковинку — купцы, захаживавшие в здешние деревни, навьючивали своих пони отрезами шелка, пенькой, мешками с благовониями, солью, сушеным мясом и мукой. Все необходимое, а шелк — чтобы украсить невесту перед алтарем или закутать хладное тело в час скорби.

Я положил черную от чернил кисточку на подставку и потер запачканные пальцы.

— Поставь ведро, пока мы с тобой не утонули. А потом подай мою накидку.

Снаружи бушевала пурга, сорвавшаяся накануне вечером с высоких пиков; ветер задувал резкими порывами, швыряя в окна горсти снега. Я вышел из своего приюта и огляделся.

Значит, конь...

Служке не терпелось. Он бросился вниз по склону.

— Найди седока! — крикнул я ему вслед.

Мальчишка остановился, обернулся. Не потому, что не расслышал, нет — ветер дул в его сторону, и он наверняка разобрал мои слова.

— Какого седока? — крикнул он в ответ.

— Который упал с коня. Найди его! Ищи как следует, не ленись!

Служка помедлил. Конечно, он предпочел бы пятиться на огромного коня, однако тело в снегу су-

лило поживу. Мальчишка кивнул и юркнул в щель между валунами, что возвышались по обе стороны тропы. За такими валунами легко укрылся бы и взрослый, что уж говорить о тощем юнце.

Я двинулся за ним — медленно, и вовсе не потому, что был гораздо старше. Честно сказать, я знать не знаю, сколько мне лет. Возраст утратил всякое значение давным-давно, однако суставы мои по-прежнему не скрипят.

Мне было видение чужака, два дня назад, но вот пурги я не предвидел. Снег незнакомца не погубит, а вот студеный воздух с горных вершин вполне на это способен. Внизу никто и не представляет, насколько тут может быть холодно. Я помогал селянам переправлять вниз заблудившихся путников, которым посчастливилось выжить, — у всех кончики носов и пальцев на ногах были черными. Поначалу они тупо молчали, а потом, стоило немного согреться, начинали вопить от нестерпимой боли.

Всякий в моей долине боялся вершин и опасностей, которые они насылали. А еще почитал горы, напоминавшие о близости небес. Но мне небесное блаженство ни к чему.

Селяне больше не обращались ко мне за помощью: их пугал скрюченный престарелый аскет, ступающий по снегу босыми ногами, когда сами они кутались в одежды из козьих шкур. Долгими зимними вечерами они судили и рядили между собой и наконец решили, что я спознался с демоном. Местные верят, что демонов тысячи, и уж один или два вполне могли снизойти до меня...

Я спускался по тропе, и вдруг до меня долетел звук, похожий более на писк крысы, чем на маль-

чишеский голос. Но я понял, что это за звук, повернул влево, откуда он донесся, и ускорил шаг. Хоть бы чужак выжил — мне хотелось этого по личным причинам.

За очередным гребнем я увидел небольшой сугроб. Рядом стоял служка. Сугроб не шевелился.

— Я ждал, пока ты придешь, — сообщил мальчишка. Лицо его выражало ту смесь страха и облегчения, какая свойственна лицам людей, полагающих, что они наткнулись на труп.

— Послушай, мне он нужен живым, так что не вздумай пинать, — предостерег я.

Мальчишка опустился на колени и принялся разгребать снег руками. Чужак ухитрился похоронить себя под толстым слоем снега, но удивительно было не это, а его поза — он стоял на коленях, сложив руки под подбородком. Мальчишка явно никогда не видел такой позы.

— Он что, свалился, как сидел?

Я не ответил. Меня приятно удивило, что этот человек продолжал молиться на краю смерти. Молитвенная поза подсказывала, что он из иудеев: на востоке люди молятся, скрестив ноги, а не на коленях.

Я велел мальчишке бежать в деревню за санями, и он не стал тратить время на вопросы. Вообще-то мы вполне могли донести чужака сами, но я хотел остаться с ним наедине. Едва служка исчез из вида, я нагнулся и припал губами к уху чужака, все еще ярко-розовому, хоть и тронутому инеем:

— Пробудись! Я знаю, кто ты.

Мгновение все оставалось неизменным. Чужак не шевелился, однако я не спешил поделиться с ним теплом своего тела. Если он — тот, кто мне

привиделся, в этом не было необходимости. Оставался еще один способ, позвать его по имени.

— Иисус, пробудись!

Большинство душ откликаются, когда зовешь по имени. Некоторые даже способны откликнуться из-за порога смерти. Чужак шевельнулся, едва заметно, с покрытых снегом темных волос осыпались снежинки. Нет, это не судорога. Люди — вовсе не карпы, что зимой замирают подо льдом, а по весне, когда солнце растапливает лед, вновь оживают. Этот человек силой воли обрек себя на полную неподвижность, а теперь той же силой пробуждался. Останься служба со мной, он бы наверняка решил, что я прибегнул к черной магии.

Иисус поднял голову, посмотрел на меня, не видя. Сознание пока вернулось к нему не полностью. Но вот взгляд сосредоточился.

— Кто ты? — спросил он.

— Не имеет значения, — отозвался я.

Приподнявшись с моей помощью, Иисус покачал головой.

— Я пришел к одному человеку. Если ты — не он, оставь меня.

Он был жилист и силен, несмотря на все тяготы проделанного пути, и его сопротивление заставило меня присесть.

О коне он не спрашивал, говорил со мной на грубом греческом, на каком объясняются на торжищах Западной империи. Должно быть, выучил за время странствий. Я понимал по-гречески благодаря купцам, научившим меня этому языку, когда я был в возрасте чужака — лет двадцати пяти или около того.

— Не упрямясь, — уговаривал я. — Я выкопал тебя из-под снега. Кто бы еще позаботился это сделать?

Он оставался настороже.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— В твоём вопросе ответ, — сказал я. — Правильный человек должен знать, как тебя зовут.

Иисус улыбнулся, и вдвоем мы распрямили его скованные стужей ноги. Он пошатнулся и незамедлительно оперся на мое плечо.

— погоди, — попросил он.

Я окинул его взглядом. Сам я на полголовы выше мужчин в деревне, а Иисус намного выше меня. Волосы и борода темные, подстриженные, не слишком аккуратно, словно наспех, как обычно стригутся в пути. Глаза тоже темные, темно-карие, кажутся черными из-за бледной кожи. Здесь, на высокогорье, у всех лица цвета бурдюка из козьей шкуры.

Иисус позволил мне отвести его — точнее, оттащить — чуть повыше, и я принял это за знак доверия. Моего имени он снова спрашивать не стал. Должно быть, предугадал ответ. Я предпочитаю безличие. Если ищешь полного одиночества, не называй никому своего имени и не спрашивай чужих. Селяне до сих пор не знают, как меня зовут, а я забываю их имена, едва услышу, даже имя служки. Порой я называю его Кот, потому что ему поручено гонять крыс, которых привлекают в храм благовония и масла.

Полмили спустя Иисус выпрямился, отпустил мое плечо и зашагал самостоятельно. Мгновением позже он нарушил тишину.

— Я слышал о тебе. Говорят, ты ведаешь все на свете.

— Вот уж нет! Люди болтают, что я — сумасброд, одержимый демонами. Открой правду, тебе ведь было видение обо мне?

На лице Иисуса отразилось изумление.

— Не прячь свое знание от меня. — Я искоса поглядел на него. — Во мне все открыто. Умеющий смотреть да увидит.

Он кивнул. Да, мы доверяли друг другу.

Вскоре мы достигли моей полуразрушенной хижины. Очутившись внутри, я пошарил за потолочной балкой и достал мешочек, обернутый грязным тряпьем.

— Чай, — пояснил я. — Настоящий, не те сушеные стебли, которые варят внизу.

Я поставил на жаровню котелок с талой водой. Жаровня чуть дымила — для повседневных нужд я топил ее кизяком. И на полу хижины тоже был кизяк, смешанный с соломой. Каждую весну женщины из деревни клали свежий слой.

Иисус присел на корточки, словно крестьянин, и наблюдал за мной. Будь мне и вправду ведомо все, я бы знал, где он приучился так сидеть — среди своего народа или за время странствий. После студеного и чистого воздуха снаружи глаза моего гостя заслезились от дыма. Я откинул одну из шкур, прикрывавших окно, чтобы проветрить хижину.

— Привыкнешь, — проговорил я и повел рукой.

У меня не было намерения записывать нашу встречу, хотя подобные ей за последние двадцать лет случались совсем не часто. Во внешности Иисуса не было ничего необычного. Предрассуд-

ки и суеверия людей невежественных превращают тех, кому уготована особая судьба, в чудовищ и великанов. Наяву же все иначе. Были ли глаза Иисуса глубоки, как океан, и темны, как вечность? Да ничего подобного! Для посвященного в его взгляде присутствовало нечто, чего не передать словами, но то же верно и для взгляда деревенской простушки, которая впервые увидела свое новорожденное чадо и исполнилась любви к нему. Души все едины, только мы отказываемся это признать.

По тому же правилу все слова суть слова Божества. И это люди тоже отказываются признавать. Иисус говорил, как всякий человек, но не всякий человек говорит, как Иисус, что загадка само по себе.

В первый час нашей встречи мы попивали черный чай, заваренный на славу в честь гостя, не такой слабый, каким я пробавлялся обычно (ведь мой запас следовало растянуть на всю зиму).

— Думаю, я понимаю твои затруднения, — сказал я.

— То есть, почему я пришел к тебе? — спросил он.

— Это одно и то же. Ты нашел Бога, но этого мало. Совсем мало. Нет голода жесточе, чем тоска по вечности.

Иисус, похоже, не удивился. И то сказать — правильный человек, которого он искал, заговорил бы именно так, без околичностей. Что же до меня, я повидал достаточно пылких молодых людей, приведенных в горы видениями. Они быстро сгорали и спускались вниз, унося с собой пепел своих надежд.

— Одно — найти Божество, — продолжал я, — и совсем другое — стать Божеством. Разве не этого ты взыскуешь?

На сей раз Иисус удивился. В отличие от прочих пылких молодцов, он отыскал меня не по собственной воле: его вела невидимая рука, направлявшая и подталкивавшая, как несмышленного малыша.

— Я бы выразился иначе, — произнес он.

— Почему? Ты ведь не кощунствуешь, правда? — Я рассмеялся сухим, лающим смехом. — Сколько раз тебя обвиняли в кощунстве? Сотню, не меньше. Не беспокойся, никто не заглядывает тебе через плечо. Когда я закрываю дверь, даже местные боги смиряются с этим.

— Но не мой.

После этого разговора мы замолчали, слушая шипение котелка с водой на жаровне. Молчание не было пустым. В нем зрело нечто, как вызревает ребенок в чреве женщины. Молчание — тайна, которую я познаю. Молчание и свет. И потому мне не составило труда увидеть свет, который принес с собой Иисус.

Было и кое-что еще. Его жизненный путь проложили до рождения. Он был молод и пока не успел разглядеть, что ждет впереди. Зато другой способен увидеть дорогу его жизни целиком. Вот почему незримая длань провела Иисуса сквозь снежную бурю — чтобы мы объединили наши видения.

Он заснул, как сидел, сломленный изнеможением. А на следующее утро начал рассказывать мне свою историю. Полумрак и холод хижины лишали его слова правдоподобия, словно превращали в

фантазии. Но этого он ожидал — за минувшие годы он почти уверился, что живет не наяву, а во сне.

Я слушал его рассказ и видел куда больше мысленным взором. Вот о чем он рассказывал — насколько правдиво, судить вам.

Глава 2. Два Иуды

Низкий, звучный голос заполнил каменное зернохранилище.

— И что дальше, братья? Когда солдаты в следующий раз придут в вашу деревню, кем вы будете? Змеей, которая кусает, если на нее наступить? Или черепахой, что прячет голову в панцирь?

Говоривший помолчал, зная, что эти галилеяне обуяны страхом. Он стоял прямо, горделиво, а они, будучи одного с ним роста, сутулились, жались, точно собаки, ожидающие палки. Он топнул ногой, и в воздух поднялось облачко пыли, золотистой в свете фонаря.

— Вы все меня знаете, — продолжал он. — Я Симон, сын Иуды Галилеянина. И что говорит вам мое имя?

— Что ты — убийца, — донесся голос из теней: в зернохранилище было темно, единственный свет исходил от одинокого прикрытого фонаря. Римляне хорошо платили доносчикам, и никто из заговорщиков не хотел оказаться узванным — ведь за тайные собрания полагалась смертная казнь.

— Убийца? — Симон презрительно скривился. — Я приношу жертвы, как велит Закон.

— Ты убиваешь священников, — возразил тот же голос.

Симон сощурился, стараясь различить обвинителя. Из каждого десятка тех, кто отваживался приходить на такие вот собрания, едва ли у одного хватало смелости, чтобы и вправду примкнуть к заговорщикам. И нынешняя десятка, встретившаяся в заброшенном зернохранилище на окраине Назарета, ничем не отличалась от прочих.

— Убийство противно Господу. — Голос Зелота сделался суровее. — Мы не убиваем, а устраняем тех, кто поддерживает наших врагов. Всякий, кто хочет добра Риму, есть враг Иудеи. А всякий враг Иудеи есть враг Господа. Или ты думаешь иначе?

Ответом была тишина. Симон презирал этих людей за их робость, однако обойтись без них не мог. Обычные деревенские мужчины, страшась голода. В иудейских деревнях из десяти младенцев четверо умирают в первый год жизни. Семьи едва перебиваются, добывая скудное пропитание с выжженных солнцем посадок пшеницы и узловатых оливковых деревьев, год за годом...

Убийцей Симона назвал вовсе не Иисус, хотя он тоже присутствовал — вместе со своим братом Иаковом, которому не терпелось присоединиться к повстанцам. Братья проспорили все утро.

— Просто приди и послушай, — убеждал его Иаков. — Большого никто не требует.

— Прийти и слушать — уже поступок, — возражал Иисус.

В чем-то он был прав: римляне полагали именно так. Но когда Иаков пригрозил, что отправится один, Иисус, как и полагалось старшему брату, не бросил младшего.

В зернохранилище было холодно, пахло соломой и крысиным пометом.

Симон примирительно развел руками.

— Я знаю, вы все хотите мирной и спокойной жизни, а я пришел к вам с мечом... Это меч моего отца Иуды. Вы зовете нас «людьми с ножами». Уверяю, ножи — лишь начало.

Драматическим жестом он извлек из складок плаща легионерский клинок. Послышались испуганные восклицания. Даже в неверном свете фонаря все узнали римское железо. Симон воздел клинок над головой.

— Мы так напуганы, что один вид вражеского оружия заставляет нас трястись от страха? Знайте же, что этот клинок не украли у зазевавшегося легионера, не стащили с постоялого двора, а добыли в честном поединке! И сделал это один из нас, иудеев!

Симон сделал шаг вперед.

— Давай, коснись его, — обратился он к ближайшему из слушателей, — коснись и понюхай. Он пахнет кровью врага.

Симон пристально оглядел собравшихся и возвысил голос:

— Все коснитесь меча!

— Пойдем, — молвил Иисус, взяв под локоть своего брата.

— Нет! — шепотом воскликнул Иаков. Его была дрожь — то ли от возбуждения, то ли от страха. Никто из них прежде не дотрагивался до оружия, да и вообще до железа, не считая плуга или долота плотника. Меч манил...

— Коснувшись его сейчас, сможешь ли ты очиститься от скверны? — негромко спросил Иисус. Двадцатилетний, он уже пять лет считался взрослым, однако братья к нему не прислушивались.

Симон с удовлетворением наблюдал, как оружие переходит из рук в руки. Римский клинок оказался настоящей находкой: похоже, руки способны понять то, чего не дано постичь крестьянским умам. И пусть он на самом деле приврал, пусть клинок был оставлен в дамасском гостевом доме и затем продан повстанцам, пусть кровь на нем была кровью кролика и подновлялась всякий раз, когда удавалось изловить животное на обед. Зато клинок помог расшевелить этих людей. Примкнут они к заговору или затаятся — уже не важно; главное, что они запомнят римский меч с пятнами крови на лезвии.

Иисус запомнил. И поведал мне о событиях той ночи в начале своего повествования. Он держался позади остальных, и не потому, что опасался слушать повстанца-зелота. Нет, если он чего и боялся, то чрезмерной горячности своего младшего брата Иакова.

Между тем Иаков протянул Иисусу римский клинок.

— Бери! — прошептал он.

Клинок оказался тяжелее, чем выглядел, короткий и острый, оружие простого пехотинца.

Сызмальства Иисус воровал у римлян кинжалы, ножны и шлемы, чем заслужил уважение сверстников. И почему-то он не сомневался, что меч Симона — ворованный, а не добытый в поединке.

— Давай сюда, — велел Симон.

Иисус понял, что приказ обращен к нему, и хотел передать меч обратно, однако Зелот воспротивился.

— Нет, принеси сам.

Иисус подчинился, не поднимая головы. Впрочем, попытка сделаться незаметным не удалась.

— Останься, когда прочие уйдут, — негромко распорядился Симон, смерив Иисуса пристальным взглядом.

Никто другой не расслышал его слов, и Иаков, когда Иисус вернулся к брату, принялся расспрашивать, что же сказал Зелот. Иисус отмалчивался. Выход из зернохранилища был всего один, и коренастый Симон надежно его преградил, выпустив остальных.

— Я вас знаю, — произнес Симон. — Вы — сыновья Давидовы.

Обычно подобные слова изрядно льстили простым крестьянам.

Но не Иисусу.

— Царские сыновья не встречаются тайно в амбарах, — молвил Иисус. — Что тебе до нас?

— У меня есть глаза. Прочие — иудеи лишь по названию, а вот вы — настоящие.

— Как скажешь, — смиренно согласился Иисус, ощущая нарастающее нетерпение своего брата.

Наконец Иаков не выдержал.

— В нашей деревне люди умирают каждый день! Почему вы ничего не делаете?

— И кто их убивает? — осведомился Симон.

— Римляне обложили нас мытами, мы едва выживаем!

Симон улыбнулся. Получилось! Не зря он заговорил с этими людьми. Повстанцы бродили по захваченной римлянами Палестине, ночевали в амбарах или прятались в сене. Крестьяне редко впускали зелотов в свои дома — ведь римляне в

наказание за помощь заговорщикам сжигали крестьянские хижины дотла.

— Ты задаешь разумные вопросы, — одобрил Симон. — На них может ответить мой отец. Хотите с ним встретиться? Я могу отвести вас к нему.

Иаков тут же согласился, ведь отец Симона, Иуда Галилеянин, был тем человеком, который и начал восстание. Черноволосый, косматый как медведь, он был родом из Камалы, деревни не больше Назарета — от силы пятьсот жителей. С самого детства Иаков привык слышать о зелотах, которые нападают на римлян повсюду, даже в Иерусалимском храме. И эти люди — не призраки, а дети Иуды, руки, исполняющие его волю.

Симон перехватил взгляд юноши, обращенный к старшему брату, который стоял неподвижно.

— Иуда — величайший из ныне живущих и наследник пророков! — пылко воскликнул Иаков.

Старший покачал головой.

— К чему нам новый пророк бед? Этот колодец и без того не пересыхает, все вокруг пророчат несчастья.

— Оглянись, — посоветовал Симон. — Разве они ошибаются? Мой отец не возвещает беды, он зовет к свободе. Или ты гредишь о мессии, который никак не приходит?

Иисус продолжал упрячиться.

— Ты называешь своего отца нашим спасителем. Но какой спаситель прибегает к насилию, чтобы остановить насилие?

Уточнять, что он имеет в виду, не требовалось: не так давно зелоты перешли от слов к делам. «Люди с ножами» зарезали нескольких священников в Иерусалиме и во всеуслышание объявили, что убь-

ют любого иудея, посмеявшего помогать римлянам, даже окажись он бедняком из бедняков.

Симон развел руками.

— Я не стану спорить. Пойдем со мной, и ты все увидишь сам. Мой отец скрывается там, где римляне никогда его не найдут. Там всяко безопаснее, чем здесь.

Он видел, что младший брат готов послушаться. Мальчишка, что с него взять. Зато старший... Что ж, если получится его уломать, это будет знатный улов.

Иисус мешкал. Он знал, что, если откажется, Иаков никогда ему этого не простит. Зелоты сумели расколоть Иудею. Одни местные видели в них безжалостных убийц, а другие — людей, восставших за правое дело. Иаков склонялся ко вторым и наверняка присоединится к повстанцам, если старший брат станет его отговаривать. И еще есть Закон... Заповеди Моисея вовсе не запрещали убивать врагов. Правило «Не убий» не соблюдалось, когда истребление грозило всему народу.

Пусть для встречи с вождем повстанцев достаточных причин не имелось, Иисус не мог отпустить одного члена своей семьи.

Наконец он произнес слова, которые дались ему труднее, чем любые, сказанные до сих пор:

— Я Иисус. Это мой брат Иаков. Отведи нас, куда собирался.

Иисус не знал, где именно прячется Иуда Галилеянин, но когда Симон повел их с братом в холмы, по тропинке, едва различимой в зыбком лунном свете, он нисколько не удивился. В конце концов, восстание продолжалось уже несколько поколений,

а прежде того в этих холмах скрывались контрабандисты, прятавшие в укромных местечках критское вино, тирские краски и прочие товары, которые римляне облагали грабительскими пошлинами. В ночном воздухе разливался смолистый аромат деревьев, вблизи тропы шныряли какие-то мелкие зверьки — должно быть, грызуны. Тропа вывела на каменистую осыпь. Иаков то и дело спотыкался, и Иисусу приходилось подхватывать брата.

Симон оглянулся через плечо.

— Все в порядке?

Иаков кивнул. Гордость не позволяла ему попросить проводника сбавить шаг.

Уверенность, с которой шел Симон, подсказала Иисусу, что их с братом ведут в постоянное убежище Иуды, а не в одно из временных пристанищ. Наверное, в какую-то пещеру. Все окрестные дома и постройки римляне тщательно обыскивали: восстание доставляло им немало хлопот, и потому они зорко следили за всем, что возвышалось над землей. Но пещеры — дело другое, все не обшаришь, слишком уж их много в здешних холмах.

Быть может, по пути они уже прошли мимо не одной такой пещеры, даже не заметив входа. В Назарете местные делились на две группы — людей холмов и людей дороги, то есть на тех, кто предпочитал оставаться дома, и тех, кого манили странствия. Все, кто сажал пшеницу, ухаживал за оливами или пас овец, проводили немало времени в холмах. (Странники, повидавшие снежные вершины Ливанского хребта, смеялись над галилейскими холмами — мол, разве это горы; но и среди них зимой было холодно.) С тех самых пор как Адам и Ева, заливаясь слезами, покинули Эдемский сад,

людям приходилось добывать пропитание тяжким трудом. Такое наказание наложил на род людской сам Господь. Люди дороги составляли меньшинство; они бродили от поселения к поселению, берясь за всякую работу, какая только подворачивалась. И если римляне не принимались возводить новую виллу за пределами города Сепфорис — подобное строительство давало работу на несколько месяцев, — бродяги-тектоны зачастую довольствовались поденным трудом на полдня, после чего, немного передохнув, снова отправлялись в путь.

В семь лет Иисус услышал, как его отца называли тектоном. Тогда Иосиф впервые взял сына с собой в скитания, и толстый, приземистый македонский купец бросил это словечко, ткнув пальцем в лопнувший обод колеса, а потом резко повернулся и пошел прочь. Иосиф покорно кивнул ему вслед и взялся за починку.

— Этот человек тебе нагрубил. Почему? — спросил маленький Иисус, по ошибке принявший греческое «тектон», то есть «работник», за оскорбление. (Он привык слышать от римлян пренебрежительное «Иудак» — чванливые господа не желали произносить правильное «Иехуди».)

Иосиф прикрикнул на сына — дескать, держи колесо крепче.

— Ты же не хочешь, чтобы оно придавило нас обоих, верно?

Мальчик молча покачал головой и ухватил колесо покрепче, так что у него от напряжения даже начали подгибаться колени. А Иосиф сделал то же, что делают все отцы, сыновья которых достигают определенного возраста, — принялся объяснять, как устроен мир.

— Я работаю руками, и ты теперь тоже. Мы кладем камни, чиним обрушившиеся стены, пилим дерево. На следующий день мы идем дальше, туда, где нужны наши руки, и если мы хотим есть, то должны научиться резать тростник, строить загоны для овец и тесать камень и дерево. Господь не дал людям легкой жизни, но подарил нам целый мир, который мы можем увидеть, пока ищем работу.

Иисус слушал и кивал. Он с самого детства наблюдал, как его терпеливый смуглокожий отец пилит и режет, строит и чинит. Иосиф вставал до рассвета и покидал дом, в своей латаной рубашке и кожаном фартуке, а возвращался, бывало, уже затемно. Так жили все, кто добывал пропитание собственными руками, и истории, с которыми они возвращались из скитаний, открывали перед назаретянами мир за пределами историй о Моисее, Аврааме и его потомках, историй из Священного Писания.

Поскольку его семья относилась к людям дороги, Иисусу следовало бы растеряться от зрелища призрачных тропок, словно нанесенных на холмы дрожащей рукой престарелого писца. Однако он не растерялся, поскольку принадлежал одновременно дороге и холмам. Иаков, с другой стороны, еще никогда не забирался так высоко в холмы. Он тяжело дышал и посматривал на небо, будто опасаясь, что набегут облака и скроют из вида луну, погрузив мир в непроглядную тьму.

Иисус расслышал шелест крыльев нетопыря.

— Впереди овцы, — промолвил он, — в большой пещере.

Симон отрывисто кивнул. Местные жители, выпасая овец в холмах, нередко загоняли животных

на ночь в пещеры и наваливали у входа несколько камней, чтобы овцы в темноте не разбежались. Иисус различил тихое блеяние животных. Мгновение спустя показалась пещера. В ее глубине тлели угли костра.

Симон жестом велел братьям ступать тише. Привычные к холмам, они с Иисусом умели ходить почти неслышно, аккуратно перешагивать через сухие ветки и избегать зарослей кустарника. Иаков же таким умением не обладал, а в ночной тиши достаточно всего лишь наступить на малую ветку, чтобы пробудить дремлющего пастуха.

— Скорее, — прошипел Симон.

Впрочем, опасался он понапрасну: пастухи спали, закутавшись каждый в несколько одеял, и вряд ли могли слышать крадучую поступь незваных гостей.

— Сюда.

Поначалу братья не поняли, куда их зовут, но, приглядевшись, Иисус различил за кустами второй зев пещеры, высотой едва ли в локоть, черное пятно, угадывавшееся во мраке. Следуя примеру Симона, они легли на землю и поползли вперед. Казалось, ползти пришлось очень долго, но это был не более чем обман чувств; вскоре потолок лаза ушел вверх, и стало возможно передвигаться на ногах, пусть и пригнувшись. Идти было нелегко; Иисус сознавал, что Иаков, должно быть, морщится от боли. И тут впереди сверкнуло пламя факела и послышался гул голосов — какие-то люди хором повторяли нараспев молитвы.

Молитвы в логове повстанцев?

В следующий миг Иисус увидел молившихся. Они сидели кружком на полу пещеры. Головы,

покрытые грубыми платками, раскачивались туда и сюда. В зыбком свете факелов стены пещеры переливались бликами, а люди выглядели как какие-нибудь призраки.

Симон перехватил вопросительный взгляд, брошенный Иисусом.

— Срок не урочный, — признал он, — но ведь никто не запрещает молиться, если ощущаешь потребность в общении с Господом. А мы ощущаем ее постоянно.

Никто из молившихся не повернулся к ним. Иаков ткнул Иисуса в бок и указал на старика, сидевшего вне круга. Иуда Зелот — а это наверняка был он — кивнул вернувшемуся сыну. Худощавый, лицо резкое, с птичьими чертами, брови сурово сведены. Он сидел на циновке из верблюжьей шерсти, и ничто в наряде не говорило о его особом положении среди повстанцев. Он был одним из многих... То обстоятельство, что старик ни о чем не спросил Симона, подсказало Иисусу, что старик безоговорочно доверял сыну. А когда Симон почтительно преклонил колени перед отцом, стало понятно, что Иуду безмерно уважают и почитают.

— Подойдите.

Иуда сделал знак, и братья послушно приблизились. Иаков простерся ниц на камнях, Иисус остался стоять. Иуда внимательно оглядел его.

— Почему ты не мертв? — спросил он вдруг.

Иисус угадал шутку, но тем не менее ответил:

— Потому что никто не хочет моей смерти.

Иуда фыркнул, дотронулся до головы Иакова, позволяя тому подняться, а затем жестом пригласил всех троих сесть рядом. Между тем молящиеся продолжали раскачиваться и бормотать нараспев.

— Твой ответ выдает простеца или человека хитроумного, — проговорил Иуда. — На обоих у меня нет времени. То, чему я готов научить, следует запомнить быстро — или вообще не запоминать. Понятно? — Не дожидаясь ответа, он продолжил: — Почему мы живы? Каким образом иудеи, несчастный народ, выживают, если их завоевывают все подряд?

— Мы сражаемся! — воскликнул Иаков. — Мы готовы умереть!

Иуда прищурился.

— Думай, прежде чем говорить. Тех, кто сражается, обычно подминают числом. Со времен Авраама иудеи всегда оказывались легкой жертвой. Господь сполна вознаграждает за нашу веру. Нас давным-давно должны были бы истребить, как выжигают саранчу на полях. Но мы все еще живы.

Он повернулся к Иисусу.

— Оправдай мои надежды. Ты способен думать?

— Когда требуется, — откликнулся Иисус.

Иуде явно нравился этот разговор, напоминавший больше обмен ударами в поединке на мечах.

— Иудеям всегда требовалось думать. Скажи мне честно, почему ты жив?

Иисус молча прикрыл руками лицо, затем выставил ладони перед собой.

Иуда расхохотался.

— Видал? — бросил он Симону. — Далекое не все из них глупцы! Уж этот, во всяком случае, умен. — И повернулся к Иисусу. — Ты прав, что изобразил Книгу. Именно так иудеи и выживают. Благодаря Книге.

Не прилагая чрезмерных усилий, Иуда целиком завладел их вниманием; ему явно было не привы-

кать это делать. Истинный вожак повстанцев, крепкий, жилистый, глаза горят, в буйной черной бороде пробивается седина...

— Мой брат тоже прав, — сказал Иисус. — Чтобы выжить, мы сражались и сражаемся. Убивают не всех.

— Если Книга нас спасает, что же нас губит? — спросил Иуда, словно не слыша.

— Отступление от Закона! — вскричал Иаков.

— Нет! С какой стати?

Иисус ощущал на себе пристальный, выжидательный взгляд Иуды. Молодые люди в кружке были не просто молящимися: у каждого на груди, под платком, висел нож. Это были канаи, гневающиеся во имя Господа. Если Иисус откажет Иуде, они убьют его без тени сомнения.

— Я знаю, зачем нас привели, — сказал Иисус.

— Чтобы научить, — кивнул Иуда. Голос его неожиданно сделался мягче, но взгляд оставался столь же пристальным.

— Нет, чтобы пригрозить. Мы теперь знаем, где ты прядешься. И нам придется хранить эту тайну, если только мы не захотим лишиться жизни.

Лицо Иуды исказила гримаса гнева. Бормотание молящихся внезапно затихло. В каждом, кого ему не удавалось обратить, Иуда видел врага. В Иудее не существовало нейтралитета — ни теперь, ни, возможно, когда-либо ранее. Впрочем, Иуда не прожил бы столь долго, не научившись читать в сердцах, и он понимал, что этот юноша — ему не противник. При должном терпении и умении, вполне возможно, дерзкий юнец станет орудием мщения.

Симон поразился тому, что его отец промолчал, только наклонил голову и натянул на волосы бе-

лый молитвенный платок-талит, не удостоил братьев из Назарета даже кивка. У отца наверняка есть причина, подумалось Симону; он махнул рукой, предлагая Иисусу и Иакову идти наружу.

У выхода из пещеры Иисус велел Иакову снять сандалии: мол, так он будет ступать тише, а ходить босым ему привычно. И поначалу эта предосторожность себя оправдала. Пастухи крепко спали, похрапывая, их костер давно погас. Однако в десятке-другом шагов от пещеры с овцами Иисус вдруг замер.

— Этого я и боялся, — пробормотал он.

— Ты о чем? — недоуменно спросил Иаков.

— За нами следят.

Иисус посмотрел на небо. Лик луны как раз скрылся за облачком, затемнив и без того зыбкий свет. Сходить с тропы явно не стоило. Иаков готов был броситься бежать, и брат на всякий случай придержал юношу, чтобы тот не сделал глупость.

— Подождем, — шепнул Иисус. Кого бы Иуда за ними ни отправил, эти люди наверняка знали окрестности пещеры как свои пять пальцев.

Долго ждать не пришлось: преследователи, как ни удивительно, не подкрались со спины, а вышли прямо на братьев — двое молодых людей с ножами в руках. Иисус по-прежнему держал Иакова за руку и потому ощутил, как напряглись мышцы юноши.

Первый из преследователей, широкоплечий, проронил:

— Мы не будем вас убивать. Оружие есть?

— Нет, — отозвался Иисус.

Широкоплечий кивнул.

— Тогда вытяните руки. Мы вас пометим.

Иисус этого ожидал. Повстанцы ставили метки тем людям, с которыми общались. (И по этим меткам римляне, приступая к очередной охоте на бунтовщиков, выявляли сторонников повстанцев.)

— Нет, — возразил Иисус. — Мы просто уйдем.

Преследователи переглянулись, хрипло рассмеялись.

— Это не просьба, паренек, — сказал широкоплечий, сам старше Иисуса от силы на год или два. — Обнажи руку, живо.

В полумраке Иисус различил испуг на лице брата. Внезапно Иаков вскочил и кинулся прочь.

— Держи его! — гаркнул широкоплечий.

Второй без труда нагнал Иакова, который к тому же споткнулся и чуть не упал. Зелот схватил юношу, после непродолжительной схватки приставил нож к его горлу и плавно повел лезвием. На коже выступил кровавый полумесяц, черный в лунном свете. Иаков вскрикнул, понимая, что следующее движение станет для него последним.

— Хватит!

Голос донесся из темноты. Мгновение спустя к братьям и напавшим на них людям присоединился еще один человек — судя по всему, тоже зелот.

— Кто позволил вам уйти? — Этот человек был выше и старше двоих с ножами, и они явно его побаивались. Он метнул в их сторону свирепый взгляд, и они тут же опустили ножи. — Прочь!

Столь же неслышно, как и появились, нападавшие растаяли во мраке. Иисус наклонился над Иаковым, которого била дрожь.

— Полежи спокойно. Не надо вставать. — Иисус оторвал кусок полотна от своей нижней рубахи и обмотал горло брата.

— Просто царапина, — буркнул третий zelot. — Знак они вырезать не успели.

Иисус кивнул. Такой порез можно получить где угодно: скажем, во время работы шило дернулось или долото соскочило... Когда заживет, никто и не заподозрит, что Иаков спознался с бунтовщиками. Зато сам брат наверняка запомнит случившееся на всю жизнь.

Иисус помог Иакову сесть.

— Если присоединишься к ним, вот так с тобой станут обращаться, — негромко сказал он.

Он нарочно не стал щадить чувств брата, чтобы окончательно лишит его иллюзий по поводу zelотов.

Как ни странно, их спаситель согласился с Иисусом.

— Верно. Нам нужны бойцы сейчас, и потом тоже понадобятся.

По тону было ясно, что говорит человек, умудренный опытом.

Когда Иаков сумел встать, zelot подставил плечо, чтобы юноша смог опереться, и Иисус неохотно ему это позволил. Между тем редкие облачка на небе сгустились в плотный покров, за которым спряталась луна. Zelot хранил молчание, пока не показались огни Назарета — свечи в окошках нескольких домов.

— Ну что, мы даже хуже, чем вы думали, а?

Иисус не ответил.

— Запомните вот что, — продолжал zelot. — Как бы мы ни выглядели, с нами у вас общего больше, чем с ними. Подумайте на досуге.

— Я не привык думать по подсказке, — пророчил Иисус. У него крепло убеждение, что нападе-

ние в холмах было подстроено, чтобы они с братом прониклись доверием к своему спасителю. Если так, значит, этот человек — не спаситель, а, скорее, искуситель...

Зелот остановился, преграждая путь. Даже в темноте он производил внушительное впечатление, а с длинными распущенными волосами его легко было принять за воина-филистимлянина, освободившегося от мучений Геенны и вернувшегося к живым.

— И о чем же ты думаешь? — справился он.

— Думаю, Иуда хитер. Достаточно хитер, чтобы подстроить засаду и подослать к нам спасителя.

Зелот фыркнул.

— Умный, да?

Он явно удивился проницательности Иисуса, удивился настолько, что не стал высмеивать или опровергать его догадку и тем самым подтвердил правоту подозрений старшего из братьев.

Приблизительно через полчаса они вышли на дорогу. Иаков оправился и уже не нуждался в опоре. Высокий зелот тронул Иисуса за плечо.

— Это Симон придумал. Мой вам совет — не доверяйте ему.

Он повернулся к Иакову.

— В следующем году нам понадобятся новые бойцы. Дела-то все хуже...

Иаков молча отвернулся и пошел к деревне.

— Я тебе помог, — бросил зелот Иисусу, готовому последовать за братом.

— Верно. Он справился с искушением.

— Искушает зло, а мы не злые, — возразил зелот.

— Тогда кто же вы? — спросил Иисус, не сбавляя шаг. — Что вы творите?

— Я бы сказал, мы спасаем, — ответил зелот, тоже направляясь к деревне. — Так или иначе, вы целы. Если попадете в неприятности, просто назовите мое имя. Оно всем известно. Я Иуда. Другой Иуда.

Зелот остановился, и последние слова Иисус едва расслышал. Он обернулся, но другой Иуда уже исчез, словно растворился во тьме.

Глава 3. Бог на крыше

Иисуса разбудил самый страшный запах Назарета — запах дыма. Иисус выскочил из дома, на бегу набрасывая на себя накидку. Запах пугал, ничуть не напоминая аромат свежее испеченного хлеба; едкий и терпкий, он сулил беду.

С крыши дома поднимался к небу черный дым. Иисус хотел было закричать, позвать на помощь, но тут заметил прислоненную к стене лесенку. Он взобрался по лесенке до края крыши и увидел Исаака, деревенского слепца: тот сидел на корточках перед костерком, разведенным из сосновых веточек прямо на крыше. В одной руке Исаак сжимал нож, а другой придерживал трясущего от страха зайца.

— Не смей!

Услышав голос Иисуса, слепец повернулся на звук.

— Тебе нужна жертва, — твердым голосом произнес Исаак. — Вот, это часть добычи из силков моих сыновей.

Одежды его были белыми, без единого пятнышка — верно, жена постаралась, отстирала, — а длинная седая борода, как у патриарха, тщательно расчесана.

— Что мне нужно, так это целый дом, — отозвался Иисус, выбираясь на крышу. Он подошел к самодельному алтарю из веточек. — А ты, того и гляди, спалишь его дотла.

Никто не знал, что стало причиной слепоты Исаака. Он ослеп за ночь — вечером еще видел, а утром, к ужасу жены и двоих сыновей, еще не достигших зрелости, проснулся слепым. Теперь сыновья вместо отца пасли овец, а Исаак бродил по деревне.

Когда Иисус попытался забрать зайца, Исаак воспротивился.

— Ты принес в свой дом беду. Я знаю, куда ты ходил и кого повидал.

Иисус помешкал. Жертвами всегда старались искупить неудовольствие Господа, а Исаак, потеряв зрение, сделался буквально одержим стремлением заручиться Господней милостью. Вдобавок, как шептались в деревне, лишив его обычного зрения, Бог даровал Исааку способность предвидения.

— Давай погодим с жертвой и просто поговорим, — предложил Иисус.

Он присел рядом, и Исаак неохотно отдал ему зайца. Иисус ногой разбросал тлеющий костер; угольки погасли.

— Быть может, Господь уготовил нам иное. Быть может, зелоты правы, и мы погибнем, если не возьмем за оружие.

— Господь всегда что-нибудь да готовит роду людскому, — проговорил Исаак. — У него для нас множество испытаний. Он делает нас избранными, а затем лишает сил. Непознаваемы его пути. — Тон старика посуровел. — Вернемся к тебе. Ты

едва не получил дар. А «едва» может оказаться намного хуже, чем «не».

Иисусу доводилось слышать такие разговоры: мол, он почти такой же, как Исаак, разве что зрячий.

— Видишь что-нибудь? — требовательно спросил Исаак. — Что-то грядет. Я это чувствую, и ты тоже можешь.

Иисус промолчал. Накануне ночью они с Иаковом вернулись после полуночи и прокрались в дом, никого не разбудив, хотя вся семья спала в общей комнате. Братья улеглись на холстину, набитую соломой, и Иаков, утомленный и перепуганный, заснул сразу же, а вот Иисусу не спалось. Он долго глядел на звезды, видневшиеся сквозь оконце высоко в стене.

Его одолевали беспокойные мысли. Иуда — другой Иуда — вряд ли сможет их защитить. Если римляне примутся искать сторонников бунта, никто им не помешает. Значит, нужно затаиться. Что ж, это будет несложно; за столетия иудеи неплохо поднаторели в этом умении.

— Давай спустимся, — сказал Иисус Исааку, — и перекусим вместе.

Матери в доме, когда он проснулся, уже не было: должно быть, ушла за водой. Но она наверняка оставила сыновьям завтрак, лепешки с маслинами.

Исаак покачал головой.

— Я останусь тут. Ведь Господь здесь.

Иисус улыбнулся. Эти слова давно сделались у слепца присказкой на все случаи жизни. Многих эта присказка раздражала, но Иисус относился к тем, кто проявлял интерес к любому произнесенному слову.

— Скажи мне, ребе, — спросил он уважительно, вовсе не поддразнивая, — почему ты веришь, что Бог здесь?

— Я чувствую тепло. — Исаак воздел руки. — И что-то светится внутри меня. Что это, как не Бог?

Другой бы только рассмеялся — дескать, это солнце пригревает, а Исаак с кроткой улыбкой ответил бы неверующему: «Разве солнце не есть Бог?» Поэтому Иисус не стал возражать.

Он проследил взглядом последний дымок от окончательно потухшего костерка, пустил зайца побегать по крыше; животное оказалось сообразительным и сумело спуститься по лесенке на землю.

— Почему мы живы? — негромко спросил Иисус, повторяя вопрос, который задал ему в пещере Иуда Галилеянин. — Из-за Книги?

Исаак пожал плечами.

— Если облить муравейник маслом и поджечь, большинство муравьев сгорит, но некоторые спасутся. Мы, иудеи, как те муравьи.

— А что, другие ведут себя иначе?

— Конечно. Ведь те, кто убегает из горящего муравейника, спасаются, потому что Господь любит их больше прочих.

Иисус криво усмехнулся.

— Такая любовь похожа на проклятие, верно?

Оба знали, что он имеет в виду. Пути Господни неисповедимы, и попытки познать их в самом деле сродни изощренному проклятию. Жалкие простецы во всем готовы видеть волю судьбы. Но для иудея в мире нет ничего случайного, все подает знаки. Птаха малая — и та служит вестником Господа.

Внезапно Иисус понял, что впопыхах, из-за запаха дыма, кое-что упустил. Он проснулся в одиночестве. Пусть мать ушла за водой, а отец отправился на работу, куда подевались младшие братья и сестры?

— Идем, — повторил юноша, — надо найти моих родных.

Он не стал помогать Исааку подняться. В конце концов, тот сумел забраться по лесенке на крышу.

— Прости, забыл сказать, — проворчал слепец. — Все ушли.

— А почему меня не разбудили? — В голосе Иисуса прозвучала озабоченность. Деревенские могли покинуть свои дома, только если на селение надвигались римляне. Мальчишки-козопасы заранее предупреждали о приближении чудовищного зверя, римского войска, о ста ногах.

— Перепугались. А потом спохватились и послали меня за тобой.

— Тогда почему ты меня не разбудил?

— Некогда болтать. Надо уходить в лес.

Иисус все же взял Исаака за руку и подвел слепца к краю крыши. Старик шустро спустился. Иисус последовал за ним. Он не винил Исаака за рассеянность; Господь частенько наделяет ею людей, которым ниспослал свой дар.

Если римляне поблизости, далеко уйти не получится. Впрочем, Иисус знал тайное место, нечто вроде норы под стволами упавших деревьев. Поселяне, ходившие в лес разве что за хворостом, недоумевали, отчего юношу так тянет туда, причислили эту душевную хворь к общему списку его странностей, а он на самом деле присматривался к окрестностям.

Нора оказалась достаточно просторной, чтобы вместить обоих беглецов, и спрятаться они успели как раз вовремя. Дом Иосифа стоял на окраине Назарета, из укрытия его было отлично видно, и очень скоро возле него появились римляне: солдаты передвигались группами по четыре-пять человек. В руках у многих были факелы.

— Сколько они сожгут? — прошептал Исаак. Видеть он не видел, зато слышал отлично и различал четкий римский шаг.

— Зависит от того, насколько сильно хотят нас напугать, — угрюмо отозвался Иисус.

Солдат бросил факел в дверь строения неподалеку от дома Иосифа. Хотя стены были сложены из плитняка, скрепленного глиной, пламя занялось быстро — сначала запылали соломенные подстилки, а затем огонь охватил и деревянные стропила.

Иисус стиснул зубы. Целиком селение римляне уничтожить не станут — кто тогда будет платить пошлины? Сожгут с десятков домов, чтобы местные прониклись страхом. Так сказать, в наказание за встречу с повстанцами в зернохранилище. Потом поймут кого-нибудь из деревенских и потащат пытать, но тем и ограничатся. А если селение вновь будет якшаться с бунтовщиками, римляне вернуться — на сей раз ночью, когда все будут спать. В огне уцелеют немногие, но римлянам не привыкать: несколькими муравьям всегда удается сбежать.

Иисус не слышал криков человека, сгоревшего заживо. Иезекия, старый, увечный и немощный, отказался покидать деревню вместе со всеми — и пал жертвой римлян. В тот день римляне спалили всего три дома, и первым, по воле Провидения,

стал как раз дом Иезекии. Обугленное тело подняли с пепелища и завернули в холстину. Издалека донеслись причитания женщин. Сейчас всем полагалось собраться вместе и оплакать умершего, однако Иисус не пошел в деревню. Ему предстояло совершить тайный ритуал.

Оставшись незамеченным, он пробрался к микве, месту ритуального омовения за пределами деревни. Там из-под земли бил родник, у которого поколения назад выкопали углубление. Тора требовала смывать нечистоту, причем не в емкости, наполненной руками. Закону соответствовала лишь проточная вода.

Иисус приближался осторожно. Если в микве какая-нибудь женщина совершает свое ежемесячное омовение, могут возникнуть затруднения. Мужчины старались избегать миквы, и та почти полностью перешла во владение женщин. А женские тайны не для праведных. С другой стороны, все женщины сейчас должны быть на оплакивании, так что несколько часов миква будет пустовать.

Ступени, вырезанные в камне, вели к емкости, едва достаточной для одного омывающегося. Иисус скинул рубаху и обернул чресла полосой ткани. Вода, холодная и прозрачная, плескалась у его ног. Даже в знойную пору емкость никогда не высыхала.

С собой юноша принес глиняный сосуд с оливковым маслом. Он помазал маслом свой лоб и ступил в воду, погрузившись по грудь. Студеная вода обжигала, и юноша быстро окунулся с головой, вынырнул, перевел дух и стал читать вслух молитву.

— Господи, прости мои дела. Покажи мне мои грехи и отпусти их.

Тень на стене он заметил прежде, чем увидел человека, который ее отбрасывал. Юноша резко обернулся, а пришлец сурово произнес:

— Я могу сделать для тебя больше. Могу спасти. Иисус нахмурился.

— Твоего спасения мне не нужно.

Это был zelot Иуда. Он стоял на площадке, где Иисус разделся, и загораживал собой выход.

— Не тревожься. Никого звать я не собираюсь. Я знаю, почему ты здесь — уж не потому, что возомнил себя женщиной.

Иуда присел на площадку, положил руку на одежду Иисуса, как бы лишний раз давая понять, что не отпустит юношу. Потом сказал негромко:

— Ты замерзнешь куда раньше, чем мы закончим наш разговор.

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Я слышал, что о тебе болтают. Мол, ты особенный. А теперь сам вижу.

Иуда усмехнулся и повел рукой. Всякого мужчину, принимавшего омовение в микве, можно было заподозрить в любой странности, даже в святости.

— Но вернемся к делам. — Иуда прищурился. — Мир еще не гибнет. Веришь? Или ты и вправду такой безумец, как говорят люди?

— Мне холодно. Ступай прочь. Из-за тебя погиб невинный.

— Лжешь, — бросил Иуда. — Если бы ты думал, что все случилось из-за нас, зачем тебе совершать омовение? Винишь себя, верно? Ты впал в грех, и пришли солдаты. Надо же, пуп земли! —

Неожиданно он ухмыльнулся. — Нам бы таких побольше.

— Хватит. Отойди. — Иисус справился со смущением и начал злиться. В конце концов, Закон не запрещает мужчинам посещать микву. Мужчины наравне с женщинами совершают омовение в прудах вокруг Иерусалимского храма, прежде чем вступить под священные своды.

Он попытался выбраться на площадку, но Иуда пихнул его обратно.

— И как же быть с твоими грехами? Или ты один из тех, чьи проступки способны привести к гибели мира? Отвечай!

Иисус ожег собеседника взглядом, но тот не сдвинулся с места, а тело постепенно коченело. Похоже, придется отвечать.

— Нет, я не верю, что мир гибнет. Люди, которые так считают, впали в отчаяние. Они не видят пути к спасению.

— Зато я вижу.

Иуда стремительно извлек из складок одежды нож с загнутым лезвием. В тесном пространстве купальни лезвие застыло всего в локте от лица Иисуса. Юноша отшатнулся, но Иуда подался вперед, протягивая нож.

— Вот твоё спасение. Разве не этого ты хочешь?

Он перехватил нож и придвинул к Иисусу рукоять. Юноша покачал головой; ему вспомнился клинок, которым Симон размахивал в зернохранилище. Та же уловка...

— Бери, — настаивал Иуда. — Почувствуешь себя другим человеком. Что Бог сделал для тебя? Ищешь прощения, а на деле врешь самому себе. Ты ищешь силы, потому что устал быть агнцем.

Какой толк от агнцев, разве что на алтарь положить да глотку перерезать.

Сердце бешено колотилось, и не только потому, что Иисус испугался оружия. Сам не ведая почему, он протянул руку и принял нож. Иуда кивнул с легкой улыбкой.

— Сожми. Ощути. Я не прошу тебя убивать. Просто верни себе силу. Какое право имели у тебя ее забирать?

Внезапно зелот встрепенулся, вскочил, взбежал наверх по ступеням. Иисус с облегчением выбрался из воды, натянул одежду, по-прежнему не выпуская нож из руки. Когда он поднялся наверх, Иуда стоял у входа в микву.

— Забери обратно, — промолвил Иисус. — Мне не нужна сила убивать.

Иуда покачал головой.

— Что же тебе тогда нужно? Готов погибнуть? Что ж, случаев будет предостаточно.

Иисус почувствовал, что краснеет. Иуда между тем выбил нож из его руки, и оружие упало на землю.

— Подберешь, когда ощутишь себя свободным. Или пусть ржавеет. Рабу клинок ни к чему.

Он не стал дожидаться ответа юноши, резко повернулся и двинулся прочь по тропинке, уводившей к холмам. На глазах Иисуса он свернул влево и словно растворился в тени сосен, будто его и не было.

Тело Иезекии перенесли в дом умерших, слишком маленький и тесный, чтобы вместить всех деревенских, и потому многие, в основном старшие дети, толпились снаружи; когда Иисус приблизился, мальчишки повернулись в его сторону, лишь на мгновение. Они привыкли к «странностям» своего земляка.

Он остановился чуть поодаль. На крыше дома молились несколько мужчин, среди них Исаак. Тела раскачивались в такт молитве, в воздухе кружился пепел, которым скорбящие натирали лица. Незрячие глаза Исаака были обращены к небесам.

Частью дара Исаака была способность видеть приближение ангела смерти. «Велик, с крылами распростертыми и головой, как у ястреба, — рассказывал слепец Иисусу. — И кричит по-ястребиному, зовя душу к Господу. Ведь души умерших пребывают в смятении, и нужно указать им путь».

Подобные беседы слепец вел, лишь оставаясь с Иисусом наедине. Сейчас лицо Исаака словно озарилось изнутри, и он широко раскинул руки. Он видел, видел единственного ангела, который остался с иудеями, когда прочие небесные заступники их покинули. Иисусу даже почудилось, что он тоже что-то различает: воздух над домом умерших словно задрожал, и это было вовсе не знойное марево. Где бы взять такую веру, как у Исаака?

Рука продолжала ощущать тяжесть рукояти ножа. Он устал быть рабом, и, если Иуда не обманывает, путь к свободе очевиден. Пусть он не сможет убивать, но, как говорил зелот, иудеи слишком уж хорошо освоили умение погибать.

Глава 4. Первое чудо

По дороге в Иерусалим двое путников говорили о чудесах.

— Ты хочешь стать магом? — справился Иуда, используя слово, которым римляне называли чудотворцев.

— Почему? — недоуменно спросил Иисус.

— Потому что так проще всего возглавить иудеев, — ответил зелот. — Когда все остальное испробовано, обратись к чудесам. И первое чудо — заставить людей поверить в твою силу.

— У меня нет силы, — возразил Иисус.

— Притворись. Разве не чудо, что хлеб вырастает из земли? Конечно, чудо, если никогда этого не видел.

Они шли уже третий день и находились всего в дне пути от главного города провинции. Иуда охотно рассуждал о великих свершениях. Иисусу, как более молодому, он поручал нести дозор, иногда ночь напролет, а просыпаясь, принимался излагать своему последователю — именно так он относился к юноше, — что случится, когда они окажутся в Иерусалиме. Чем дальше оставалась Галилея, тем меньше Иуда тревожился за свою безопасность. На юге римских лазутчиков было гораздо меньше, и здесь вряд ли кто мог опознать в нем вождя бунтовщиков.

— Есть в тебе что-то этакое, — продолжал Иуда. — Ты вполне сойдешь за мага. Я слышал, тебя даже так называли.

— Любопытно, почему? — отозвался Иисус, не поднимая головы.

Они шли через пустыню, где не было ничего живого, не считая редких деревьев и колючих кустов. Иуда указал на одинокую смоковницу.

— Передохнем.

Тень от дерева была скудной, но путникам достало и этого. Они по очереди отпивали из бурдюка с водой, и Иуда пересказывал сплетни, ходившие в деревне об Иисусе. Мария, мать юноши, хранила в кувшине сушеные смоквы и весной, на

Пасху, раздавала их соседским детям. Но в один год кувшин заплесневел изнутри, и смоквы сгнили, кроме тех двух, что лежали сверху.

— Говорят, ты нашел свою мать в слезах и велел ей все равно созвать детишек. — Иуда пристально посмотрел на Иисуса. — Так?

— Вроде бы, — откликнулся Иисус с улыбкой.

— Когда дети пришли, ты сидел у двери, и на коленях у тебя была корзина, накрытая платком. Ты сунул руку под платок и достал по смокве для каждого ребенка. Они обрадовались, а смоквы все не кончались. Зато всякий, кому удавалось заглянуть под платок, видел на дне корзины всего два плода.

— Верно, — согласился Иисус.

— С того дня и пошли шепотки о чудесах. — Иуда прищурился. — Скажешь, для тебя это новость?

— Мне было двенадцать, — напомнил Иисус. — А мальчишки в таком возрасте часто что-нибудь придумывают.

— И что это значит?

Иисус помедлил, прикидывая, как похитрее обмануть Иуду, потом сказал:

— В ту пору я часто грезил наяву, в особенности о чудесах, творившихся при Моисее. Я спрашивал себя, почему мы больше не видим чудес. Когда мама достала кувшин со смоквами, приготовленными к Пасхе...

— Они на самом деле не сгнили, — закончил Иуда, предугадав объяснение.

— Ну да. Я распустил слух, что они испортились. Когда мать созвала гостей, все пребывали в недоумении, но пришли. Смастерить корзину с

двойным дном труда не составило. Две смоквы лежали сверху, а остальные я доставал снизу.

Иуда покотился от смеха.

— Нет, надо же! Я знал, что ты ловок. Сызмальства, значит, промышляешь?

— Рад, что тебе понравилось, — проговорил Иисус. — Несколько дней я гордился собой, а потом слушок насчет смокв дошел до мамы. Она меня не бранила, нет. Ее взгляд сам по себе стал моим наказанием.

Иуда перестал смеяться, задумчиво потыкал прутом землю под смоковницей. Когда путники вернулись на дорогу, он некоторое время хмурился, а потом произнес:

— Нам нужен чудотворец. Иудеи — рабы, а рабы не ведают, как освободиться от ярма. Они способны лишь восстать, но любое восстание рабов обречено.

Путники по очереди вели осла, на которого Иуда навьючил припасы и одежду, в том числе новые сандалии для Иисуса; по поводу обуви он предостерег юношу: «Сбереги их для города. Мы должны смешаться с толпой, а твои нынешние сандалии с головой выдают в тебе бродягу». Еще он велел Иисусу подстричь бороду покороче, чтобы не походить на медведя, спустившегося с холмов.

От окраины Иерусалима начиналась мощеная улица, и у ее горловины, перед воротами, толпились купцы, паломники, нищие и мастеровые, пришедшие в город за благословением и достатком. Иисус впервые увидел обезьян, арабских скакунов и коз ростом ему по колено. Он увидел людей с кольцами и серьгами в ушах, на шеях, в носках. На каждую

золотую безделушку находился свой воришка, готовый ее стащить при первой же подвернувшейся возможности. Спать юноша ложился под пьяные крики и пронзительные вопли. Если такое творится в Иерусалиме, что же тогда делается в Риме?

— Я знаю, что произойдет чудо, — промолвил Иуда, — если мы тут уцелеем.

— А мы уцелеем? — спросил Иисус.

Иуда едва ли не впервые заговорил об опасностях, которые их подстерегали, и то предпочел уйти от прямого ответа.

— Не тревожься. Обо всем позаботятся.

Когда городские ворота распахнулись, Иисус замер в изумлении. Прошло много лет с тех пор, когда родители приводили его, еще несмышленика, в древний оплот веры. Мальчишкой он воображал, будто ворота Иерусалима сделаны из кедра и столь массивны, что смолистый запах можно уловить издали, а блеск их позолоты можно различить едва ли не с Ливанских гор.

Иуда подтолкнул его.

— Тебе надо кое-что узнать, — сказал он и негромко изложил, зачем они пришли в Иерусалим.

Симон Зелот послал их на самоубийственное дело — заколоть верховного жреца. Дескать, настала пора вселить страх в сердца изменников, не простых священнослужителей, а членов Синедриона. Иуда рассказал, как через несколько дней после встречи с Иисусом в микве он вернулся в пещеру, где скрывались повстанцы. Там, в пещере, Симон и передал ему приказ.

«Синедрион каждый день собирается в храме, чтобы выслушать прошения. В обычные дни жре-

цов двадцать три, но вам они ни к чему. Ваша цель — верховный жрец. Отрубите голову, а тело сгниет само».

Иуда помолчал. Он видел, что юноше не по себе. Как и всякий провинциал, он благоговел перед храмом и едва бы осмелился подойти к любому из членов Синедриона ближе, чем на сотню шагов. А убить верховного жреца для него все равно что поднять руку на самого Бога.

— По-вашему, они все изменники? — тихо спросил Иисус.

— Они единственные могут призвать к ответу царя, а кто такой Ирод, как не прислужник Рима? — ответил Иуда. — Но Синедрион молчит.

— Разве это то же самое, что предать Господа?

— О чем ты?

— Когда мы встретились с Симоном, он говорил, что надлежит следовать Книге, ибо в ней записаны Божеские законы. Разве священнослужители не следуют Книге?

— Ты слишком хорошо о них думаешь, — проворчал Иуда. — Сотрудничать с врагом значит предавать своего Бога.

— А у них есть выбор? — спросил Иисус. — Жрецы всегда на виду. Если не станут сотрудничать, их убьют. Я вижу, ты злишься, но мне нужно понять. Священник может склоняться перед римлянами, но оставаться верным Господу в своем сердце. Все мы таковы. Так неужели они более виновны, чем мы?

Иуда готов был вспылить, но все же позволил Иисусу продолжать.

— Я пошел с тобой потому, что страдания нашего народа и вправду нестерпимы. Но если ты

замыслил несправедливое дело, помощь тебе лишь усугубит эти страдания. Или я не прав?

Иуда несколько раз набрал воздуха в грудь, прежде чем ответить.

— Ты не можешь отказаться. Я поручился за тебя. Это твое испытание. Не хочу даже представлять, что зелоты сделают с тобой, если ты его провалишь.

— Мое испытание — убийство? — недоверчиво уточнил Иисус.

— Послушай, если мы исполним задуманное и не попадемся, даже Симон и его отец станут нам доверять. А там, глядишь, мы сами со временем возглавим повстанцев.

Иисус ошеломленно молчал. Он покинул Назарет тайно, ничего не сказал домочадцам на случай, если его поймают и римляне станут допрашивать родных. Конечно, мать что-то заподозрила, однако ему повезло: семья старого Иезекии, сожженного заживо, хотела принести жертву в храме. Жена Иезекии была стара и немощна, сыновья не могли бросить стадо, и Иисус вызвался принести жертву за них. Со слезами благодарности старуха пала к его ногам...

подавив чувство вины, Иисус нащупал узелок на поясе — эти медные монетки, завернутые в тряпку, составляли половину его сбережений. Он сумел успокоить подозрения матери и брата Иакова. В последнюю ночь перед уходом он спал некрепко, а когда поднялся на рассвете, то едва не подскочил, услышав вопрос матери: «А где Иуда?»

Она имела в виду младшего сына Иосифа, которому только минуло пять. Единственная из сес-

тер, оказавшаяся поблизости, Саломея, побежала за мальчиком. Иисус заставил себя позавтракать. Мария не задавала вопросов, однако взглядами с матерью он старался не встречаться. Потом все столпились в дверном проеме и глядели ему вслед, пока он не скрылся из вида. Отец ушел рано поутру, и попрощаться с ним не получилось, как и со старшими братьями, Иосией и Симоном, которые жили своими домами...

Юноша повернулся к Иуде.

— Я не стану убийцей, даже ради спасения нашего народа.

Иуда кривовато усмехнулся.

— Тебе не придется никого убивать. В том-то и вся прелесть.

Иисус почувствовал, как на щеках выступает румянец.

— Объясни, будь добр.

— Успокойся. — Иуда пошарил в своем заплечном мешке, достал хлеб, маслины и полоску сушеного мяса. — На, поешь. Это последние запасы.

Иисус выбил еду у него из рук и вскочил.

— Я верил тебе! — воскликнул он. — Ты искушал меня свободой, а ныне вводишь в грех?

Иуда смотрел на юношу снисходительно.

— Ребе себя возомнил, что ли? И не тебе решать, справедливо ли отнимать око за око.

— Тогда ты будь ребе. И скажи мне, что справедливо.

— Ну, уж нет. Просто потерпи еще денек, всего денек. Ты доверился мне, и я спас тебя от zelотов. Поверь мне снова.

Иуда подобрал хлеб, который Иисус выбил у него из рук, понюхал кусок и отшвырнул прочь.

— По твоей милости останемся голодными. — Он поднялся. — Я же сказал, тебе никого убивать не придется. Мы всего лишь притворимся. Идешь?

Иуда хлопнул осла по спине прутом из орешины. Иисус смотрел на товарища, гадая, не пора ли бежать. Впрочем, оба знали, что он не сбежит. Иуда не сможет его защитить, если задание окажется проваленным.

— Ладно, что теперь?

Иуда взобрался на осла и ударил того пятками в бока.

— Нам нужно сотворить первое чудо, чтобы люди в нас поверили.

Храм был огромен, настоящий город в городе, и потрясал воображение. Внутри его стен таилась та единственная свобода, которой обладали иудеи, — когда они собирались здесь, внешний мир словно исчезал. Вместо него возникало обещание царства Божия на земле. Сверкающие белые стены слепили глаза, колоннады сулили приют и покой. Святилище, Святая Святых, было наименьшей и самой богато украшенной частью храма; здесь праведные лицезрели Господа.

Двор храма окружала грандиозная каменная колоннада. Иисус и Иуда смешались с толпой, которая образовалась перед лотками менял и продавцов приношений. Немногие иудеи были настолько зажиточны, чтобы пожертвовать храму овец и быков, как требовал Закон. Большинство довольствовались подношением зерен или горлиц.

Иисус окинул взглядом клетки с птицами, ощупал тряпицу с монетами на поясе и спросил у бли-

жайшего продавца, сколько стоит его товар. Тот высокомерно оглядел юношу.

— Я не обманываю покупателей, — сообщил он, прежде чем назвать цену. — Если тебе нужна птица задаром, возвращайся обратно в деревню.

Иуда потянул Иисуса за рукав, предлагая двигаться дальше. Колоннада обнимала просторный двор, способный вместить тысячи человек. Юноше доводилось видеть его заполненным прихожанами, которые стояли плечом к плечу. От бедняков, наподобие семьи Иисуса, Закон требовал посещать храм раз в год, на Пасху, но Иосиф не мог позволить себе привести все семейство. Приходилось выбирать: Иисус, как старший из остававшихся в отцовском доме сыновей, побывал в храме три раза, а Иаков — всего однажды.

Попав в храм впервые, в тринадцать лет, Иисус решил, что очутился в раю. Внутри пахло благовониями, кедром и миррой. Помнится, он тогда спросил отца, почему не восстановили ту пышную зелень, что украшала некогда храм Соломона.

— Его оставили пустым в напоминание о пустыне, которую сынам Израилевым пришлось пересечь, чтобы добраться до земли обетованной, — ответил Иосиф. — Или в знак наших страданий.

Страданий на долю иудеев и вправду выпало немало. Посреди Святой Святых стояла одинокая золотая кадельница, знаменовавшая собой изобилие золота, в давние времена присущее храму Соломона. Наступили тяжкие времена, храм Соломона был разорен вавилонянами. Чтобы сломить дух иудеев, захватчики осквернили все святыни до единой. Где ныне Ковчег Завета, где манна, кото-

рую Господь ниспослал с небес своим детям, сорок лет бродившим по пустыне за Моисеем? И иудеи пали духом, были рассеяны и уведены в плен в Вавилон. Когда им наконец позволили вернуться домой, дорога в Иерусалим растянулась на месяцы. И перво-наперво те, кто пережил сей скорбный путь, взялись восстанавливать храм.

Все это происходило много столетий назад, но величие их подвига не померкло. Пребывание в священном месте лишило Иисуса всякого сочувствия к притязаниям повстанцев, а вот Иуда не скрывал презрения. Он отпихнул мальчика, который отчаянно пытался сдвинуть с места двух овец, приведенных на заклание его отцом. Животные сопротивлялись изо всех сил. Двор устилала лепешки коровьего и катышки овечьего помета.

— И что мы за люди, а? Только погляди на них! Они ступают по грязи, чтобы добраться до алтаря. Таково их очищение. — Иуда скривился и взял Иисуса за локоть: пора было осмотреться.

Зал суда, где заседал Синедрион, представлял собой отдельное здание, выходившее на храмовый двор; имелся у него и другой вход, со стороны города. Это означало, что суд освящен верой и в то же время наделен гражданской властью.

— Или это намек на двуличие судей, — заметил Иуда. Он быстро огляделся, не упуская ни единой подробности, и повел Иисуса к городскому входу, желая убедиться, не проще ли оттуда скрыться. Их ожидало разочарование: в узких воротах сгрудились многочисленные просители, размахивавшие руками.

Иуда ни о чем не спрашивал Иисуса. Было раннее утро, судьи еще не собрались, так что внутрен-

няя зала, где и проходили заседания, пока пустовала. Когда все жрецы придут, толпа у дверей наверняка удвоится в численности... Иуда решил не ждать.

— Но мы не видели, сколько тут бывает стражи, — сказал Иисус.

Иуда махнул рукой.

— Стражники нужны, чтобы хватать людей. Они обратят на нас внимание, только если мы что-нибудь сотворим.

До сих пор Иисус терпеливо дожидался, пока товарищ снизойдет до объяснений, но теперь его терпение иссякло. Он остановился на ступенях храма и потребовал ответов.

— Некоторые преступления только выглядят таковыми, — сказал Иуда загадочно и протянул руку. — Давай свои деньги.

— Зачем?

— Просто дай, и все. Ты же мне веришь, так?

Иисус пошарил за пазухой, нащупал тряпицу с монетами. До этого мгновения все, что делал Иуда, было испытанием не столько веры, сколько силы. И Иуда сам почувствовал, что зашел слишком далеко.

— Я расскажу тебе все, но после этого ты уже не отступишься. Идет?

Иисус пожал плечами, и Иуда этим удовлетворился.

— Никого закалывать мы не будем. Мы устроим чудо, чтобы все поверили, будто это случилось на самом деле. Никто нас не арестует, зато zeloty сочтут, что мы преуспели. Отличный план, а? Что скажешь?

Его улыбка Иисуса вовсе не убедила. Иуде, впрочем, одобрение и не требовалось.

— На твои деньги мы купим горлиц. Потом я затею скандал, будто бы ты украл моих птиц. Это позволит нам подобраться вплотную к судьям.

— Нас же к ним не подпустят, — возразил ему Иисус.

— Мы будем двигаться слишком быстро, чтобы нас успели остановить. Пока стражники спохватятся, мы уже будем совсем рядом.

— Рядом для чего?

— Вот для этого. — Иуда усмехнулся и извлек маленький сосуд, наполненный зеленоватой жидкостью. — Это яд. Я обмакну в него терновый шип и, когда мы будем рядом, оцарапаю руку жреца. И все.

— Значит, ты все-таки намерен убить одного из них? — уточнил Иисус.

— Шипом? Конечно, нет. Яд действует быстро, судороги начнутся почти сразу, а я тем временем устрою представление. Стражники меня схватят, потащат прочь, я стану вырываться и бранить судей, призывать на их головы гнев Господень. Тут яд как раз заставит нашу жертву согнуться пополам; если повезет, он упадет и потеряет сознание.

План казался сомнительным, но все же произвел впечатление на Иисуса. Все присутствующие убедятся, что проклятие мага покарало нечестивца. Жрец оправится через несколько минут и тем самым избавит их от тюрьмы. Возможно, они даже сумеют ускользнуть, если Иуда будет действовать быстро.

Однако сомнения оставались.

— Симон узнает, что мы никого по-настоящему не убили.

— И что? Я скажу, что мы ударили жреца ножом, но в суматохе немного промахнулись. И кто оспорит мои слова?

— Но, я думал, ты хочешь кого-нибудь убить...

— Не будь глупцом. Я использую zelотов. Для этого ты мне и нужен. Ты похож на меня. Пони-маешь, насколько наивны их планы. Всего лишь вопрос времени, когда римляне с ними разделаются. По-твоему, империя уцелеет, если станет поощ-рять восстания?

Иисус насторожился. Раз Иуда использует ze-лотов, почему бы ему точно так же не использо-вать и его?

— Зачем мне помогать тебе?

— Потому что ты искренне желаешь прекратить страдания нашего народа. Не то что эти ублюдки. Они гниют в своих пещерах с тех пор, когда мы еще не родились, а стоит им вылезти наружу, рим-ляне тут же их хватают. И потом, ножи zelотов лишили жизни уже многих, и что, жизнь налажи-вается?

На этот вопрос ответить было нечего.

Иуда назначил представление на следующее утро. Они провели ночь, завернувшись в одеяла, под виадуком. Там было грязно и сильно воняло, и, убедившись, что Иуда заснул, Иисус отправил-ся бродить по городским улицам. Было прохлад-но, улицы города пользовались дурной славой, но ему требовалось поразмыслить. В памяти накреп-ко засели слова Иуды: «Ты похож на меня».

Разве? На каждой улочке, мимо которой проходил, Иисус видел груды грязного тряпья, и люди спали под ними, будто кроты в своих норах. По открытым трубам вдоль улиц текли нечистоты. Внезапно послышался кашель; Иисус резко обернулся. За ним по пятам тащился какой-то мальчишка, слишком робевший, чтобы заговорить. Стоило Иисусу обернуться, мальчишка протянул раскрытую ладошку.

— Извини, — пробормотал юноша.

— Всего крошку, господин. — Ввалившиеся щеки свидетельствовали о том, что мальчик голодает уже давно. Ему понадобилось некоторое время, чтобы понять тот диалект арамейского, на котором говорил Иисус.

— Я тебе не господин, — ответил Иисус.

Ему подумалось: «Я мог бы оказаться на твоём месте. Не знаю, почему так не случилось».

Вместо того чтобы уйти, мальчишка разозлился.

— Ты врешь! Ты пришел с едой. Все приходят с едой.

Иисус хотел было ответить: «Я все съел», и это была бы правда. Но почему-то правда казалась греховной. Он присел и заглянул в глаза мальчику.

— Где твои родные? Как тебя зовут?

Мальчишка передернул плечами и пошел прочь.

Внезапно Иисусу почудилось, что видит перед собой не иерусалимского побирuşку, а своего старшего брата Иосию, одного из тех, кто покинул отцовский дом. Юноша сунул руку за пазуху, нашарил мелкую монетку и протянул мальчишке, поддавшись порыву.

На благодарность он рассчитывал напрасно. Мальчишка вдруг ударил его, воспользовавшись

тем, что Иисус сидел на корточках. Юноша упал, и в тот же миг мальчишка прыгнул на него и принялся искать припрятанные деньги.

— Уйди от меня! — крикнул Иисус. Мальчишка пыхтел и царапался, словно животное.

С взрослым ему было не справиться, и едва Иисус сумел подняться, мальчишка бросился бежать. Он исчез во мраке. Иисус не стал его преследовать. Понадобилось время, что совладать с накатившей грустью. Ему словно плюнули в душу.

В ту пору, когда он был немногим старше этого попрошайки, Иисус заключил с собой тайный союз. По-настоящему его влекло лишь служение Богу, но он пообещал себе, что будет жить и работать, как все прочие, ибо таково бремя, возложенное на человека Господом. Однажды, как предписывает Закон, он женится и заведет детей. Однако быть в мире отнюдь не означает быть заодно с миром. Подобно слепцу Исааку, Иисус мог заглядывать туда, куда не проникал ничей взгляд, — в сферы, близкие небесам. Куда именно, он не имел ни малейшего представления, и из этого обстоятельства выросло другое обещание. Он поклялся себе не верить историям о царстве небесном, чудесной земле над облаками, где стоит трон из ослепительно белого мрамора, белее, чем белье самого богатого римлянина.

Он не оспаривал Писание. Более того, он толком не умел читать, лишь по слогам, а написать мог разве что свое имя — на еврейском и на латыни, да знал алфавит. Но в Писании все выходило слишком гладко — страдай в этом мире, и Бог после смерти поместит тебя во дворец. Тут они с Иудой и вправду похожи. Иисус понимал, почему люди страдают, даже сами того не замечая. Они страда-

ют от безнадежного желания Божьей любви, а все, чем отвечает им Господь, если начистоту, — безразличие и презрение.

Иисус вытер кровь — проклятый попрошайка ухитрился его оцарапать! — и медленно двинулся дальше. Быть в мире и не быть заодно с миром не получалось. Он пролил слишком много слез для человека, который отстранился от мира. План Иуды привлечет внимание, и если потребуется ложное чудо, так тому и быть. Это все же лучше, чем вообще никакого плана.

Глава 5. Святая женщина

Рано поутру, когда ставни в домах еще не открылись, Иуда с Иисусом пришли в храм и купили под колоннадой клетку с птицами. Иуда долго торговался с сирийским купцом; в итоге ему удалось сбить цену, и на оставшиеся монеты они купили хлеба. Завтрак получился скудным и едва утолил голод. Потом они уселись в ожидании у ворот храма. Иисус молча протянул Иуде половину краюхи. Тот принял хлеб как должное.

— Что, неймется?

Иисус покачал головой.

— А почему? Думаешь, глупая затея? Поверь, такие поступки ведут к великим свершениям. Людьюми нужно управлять, играть на их чувствах.

— Зачем делать это в храме? — пробормотал Иисус, не поднимая головы.

Иуда хмыкнул.

— Не хочешь осквернять дом Божий? Какое Богу дело до моих проказ? Он попускает и не такое. Намного, намного хуже.

— Все равно...

— Ты выбрал удачное время для сожалений. — Иуда повернулся и воздел руки, словно подражая деревенскому ребу на шаббате. — Услышь меня, Господи. Я сделаю все, чтобы спасти твой народ, вот только шкурой своей рисковать не стану. Сам понимаешь, всему есть предел. — Он подкинул на ладони кусок хлеба, который отдал ему Иисус, и швырнул тот наземь.

— Я ухожу, — промолвил Иисус, поднимаясь.

— Вместе уйдем, — холодно произнес Иуда. — Священный город раскроет нам свои тайны.

Он схватил Иисуса за ворот рубахи и повлек за собой.

— Не вырывайся. Я покажу тебе, каков ты на самом деле, лицемер. Ничуть не лучше прочих.

Когда Иисус примирился со своей участью, Иуда его отпустил. Они двинулись по узенькой улочке в глубину храмовых владений. Оба злились, однако Иуда понимал, что его молодой товарищ терзается сомнениями. Надо этим воспользоваться и победить страх юноши.

— Гляди, — указал он, останавливаясь посреди улочки, и кивнул на лоток, на котором очередной купец разложил головные уборы и дешевые подношения. — Видишь трех его дочерей? Так вот, это не обычные девушки. Это святые женщины, так их называют.

Не оглянувшись на Иисуса, Иуда приблизился к лотку и приветствовал дородного купца, что стоял, сложив руки на груди. Тот оживился.

— Выбирайте, что вам по нраву. Товар отменный.

Девушки, чьи лица скрывали платки, молча стояли у стены. Они ничем не отличались от других

женщин и девушек на городских улицах, разве что подола их были чуть короче, чем положено, и открывали взгляду золотые ножные браслеты. Одна за другой они приподняли платки, позволяя увидеть лица. Кожа бледная, глаза сильно подведены черным и оттого кажутся поистине бездонными...

— Сколько лет? — справился Иуда.

— Младшей двенадцать, средней пятнадцать, старшей шестнадцать. — Купец ничуть не стеснялся своего занятия и даже усмехнулся.

— Врешь. Недаром старшая платка не поднимает. Верно, ей все двадцать. — Иуда оглянулся на Иисуса: тот мялся в нескольких шагах позади и старательно отводил взгляд от девушек.

— Твой товарищ робок. — Купец подмигнул Иуде. — Пусть не тревожится, мои женщины чисты. А та, которой двенадцать, и вовсе девственница.

Иуда коротко кивнул.

— Может, зайдем попозже. Отправь свою непорочную в храм. Если она и вправду девственна, это истинное чудо.

Купец нисколько не оскорбился — наоборот, расхохотался, оценив соленую шутку. Повинуясь его жесту, девушки отступили в тень.

Иуда с довольным видом подошел к Иисусу.

— Да ты, никак, засмутился? Ладно, пошли отсюда.

Он не стал ничего объяснять Иисусу: тот и сам сообразит, что без Иуды ему не обойтись. Зелоты не оставят его в покое, если он не выполнит их задание, и даже если сам он, по обыкновению, удалится в мир своих грез — Иуда почти не сомневался, что паренек слегка помешался на вере, —

подвергать опасности семью он уж точно не станет. Нужно ли испытать его доверие...

Когда они подошли к храмовым воротам, Иуда протянул Иисусу клетку с птицами.

— Ступай внутрь, принеси жертву, как соби-
рался. Встретимся в зале суда. — Он повернулся и
мгновенно исчез в толпе, что собралась у ворот с
наступлением дня.

Иисусу отчаянно хотелось бросить клетку и бе-
жать — куда угодно, лишь бы подальше отсюда.
Однако Иуда оказался прав: утро напролет юноша
терзался сомнениями. Он понял, что беззащитен и
без помощи Иуды пропадет. Перехватив клетку
поудобнее, Иисус присоединился к веренице жерт-
вователей, что пересекала выжженный солнцем
двор в направлении святилища. Последнее пред-
ставляло собой невысокое сооружение на задах
храма, сложенное, как велел Закон, из камней, ко-
торые вытесали, не прибегая к железу. Камня над-
лежит касаться лишь камню. Соблюдая эту запо-
ведь, древние строители трудились упорно и долго,
и никто не вправе их винить за грубые очерта-
ния — ведь они творили святое дело и все же суме-
ли обтесать камни так, что стены святилища по-
блескивали в солнечном свете.

Внутри святилища было сумрачно, как в пеще-
ре. Иисус остановился, пропуская мимо себя ос-
тальных. Во владения жрецов никого не допускали,
зато всем рассказывали об устройстве святилища.
Пусть Ковчег Завета утрачен, потомки Авраама и
Моисея сделали все, что было в их силах, чтобы
восстановить величие Первого храма, и потому
здесь были и высокий алтарь, и менора-семисвеч-
ник, и хлебы предложения...

Когда он был в храме двенадцатилетним подростком, внутреннее убранство святилища оказало на Иисуса такое воздействие, что он и помыслить не смел об уходе. Их семейство прибыло в Иерусалим на Пасху, все сроки минули, давно пора было возвращаться; Иисус сказал, что вернется самостоятельно, с последними повозками, тянувшими в Назарет. Улучив миг, он снова побежал в храм, к тому времени опустевший, и простоял там, пока двое жрецов не принялись его выгонять. Чтобы задержаться еще, он начал задавать вопросы. Если Господь вручил Моисею скрижали на века, почему же язычники смогли их похитить? И почему царь персидский прислал тысячу мастеров отстраивать храм заново — надоумил ли его Бог?

Первые вопросы были вполне детскими, но постепенно Иисус начал доверять старым жрецам, которым льстила потребность в их знаниях. И потому он позволил себе поделиться с посвященными теми сомнениями, которые уже давно не давали ему покоя. Если иудейский младенец окажется похищенным или брошенным, подобно Моисею, что плыл по Нилу в плетеной корзине, узнает ли Господь в этом младенце иудея? А если кто-нибудь настолько беден, что не может прийти в храм и принести жертву, вправе ли он искупительными молитвами заслужить прощение Господа?

Жрецы смешались, потом стали визнавать, почему подросток задает столь сложные вопросы. Потому что он знает людей, чьих детей похитили, отвечал Иисус. И знает тех, кто нищ и не может возложить на алтарь даже пригоршни ячменной муки. Ответ успокоил жрецов, и они пустились в объяснения. Беседа длилась и длилась, не по годам

мудрому мальчику разрешили разделить пищу со жрецами и заночевать на подстилке в их обиталище. Когда в храм вбежал Иосиф, перепуганный и разозленный, Иисус с изумлением узнал, что прошло три дня.

Юноша достал из клетки горлицу, белейшую из четырех. Та замерла в его ладони, дрожа от страха. Иисус присоединился к череде жертвователей перед входом в святилище. Вереница двигалась медленно; тут появился жрец — высокий, широкоплечий, в кожаном фартуке поверх одежд и с окровавленным ножом на поясе.

Жрец прикрикнул на крестьянина, который привел в храм телку: перепуганное животное наотрез отказывалось идти и все норовило сбросить с шеи веревку и кинуться прочь.

— Заводи или посторонись! — бросил жрец. Исходивший от него запах крови привел телку в безумие. Раздраженный, жрец взялся за нож и одним движением разрезал животному горло. Разрез получился неглубоким — вскрыл животворный сосуд, но не перерубил. Потекла кровь; телка зашаталась.

— Давай. — Жрец протянул руку.

Владелец животного вложил ему в ладонь несколько монет, а другой рукой жрец крепко удерживал телку — та перестала сопротивляться и покорно последовала за ним внутрь. Прочие жертвователи, совсем недавно ворчавшие на задержку, разом притихли.

Запах крови достиг ноздрей Иисуса. Знакомый, привычный запах. Иисус уже видел, как сжигают на алтаре внутренности жертвенных животных, как отрезают куски, предназначенные для жрецов, но

прежде жертвоприношение не вызывало тошноту, а вот теперь...

Иисус отодвинулся, вскинул над головой руку с зажатой в ладони горлицей и выпустил птицу. Однако та, вместо того чтобы взлететь, пала наземь, ослабленная страхом до крайнего изнеможения. Несколько мужчин засмеялись — еще бы, глупцу продали больную птицу, которая не годится для жертвы. Иисус опустил на колени, поднял горлицу, но подбрасывать в воздух не стал. Птица перестала даже дрожать — и умерла в его руках.

Этого никто не заметил, поскольку внимание собравшихся привлекло иное. Вдоль вереницы жертвователей двигалась пожилая женщина — малого росточка, убеленная сединами. В руках она сжимала полевые цветы, платок ниспал с волос на плечи, но она, похоже, не сознавала, что ее голова обнажена. Мужчины бранились, называли женщину старой блудницей, — ведь она своим видом оскверняла храм.

— Позволь помочь тебе, матушка. Ты принесла Господу цветы?

Старуха сощурилась. На мгновение Иисусу показалось, что она выжила из ума и сейчас обрушится на него с проклятиями. Женщинам не дозволено приносить жертвы, да и цветы — неподходящий дар Богу. Но женщина неожиданно успокоилась, моргнула, точно сова, ослепленная дневным светом, и проворчала:

— Влеки меня, мы побежим за тобою. Царь ввел меня в чертоги свои.

— Что? — недоуменно переспросил Иисус.

— Тебя что, ничему не учили? — Старуха покачала головой и вдруг задорно рассмеялась. По-

том зажмурилась и произнесла нараспев, словно извлекая слова из глубин памяти: — Будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!¹ — И с улыбкой прибавила: — Разве может что-то быть прекраснее?

Вереница жертвователей двинулась дальше, отесняя Иисуса и старуху.

— Верни каргу в ту пещеру, откуда ты ее вытащил! — крикнул один из мужчин.

— Пойдем со мной, матушка. — Иисус накинул платок на голову женщины и несильно потянул ее за руку. Старуха не смотрела по сторонам. Одна костлявая рука крепко сжимала цветы, а другой она ухватилась за юношу. Вдвоем они достигли каменной скамьи близ водоема, где женщины совершали очистительное омовение.

— Песнь песней, — проговорила старуха, запрокинула голову и снова сощурилась. — Слова оттуда. Ты не узнал? — Иисус покачал головой, и она вздохнула. — Соломонов храм разрушен. Но слова нельзя убить. — Старуха постучала себя по лбу. — Теперь тебе ведома моя тайна. Никому не говори.

Иисус улыбнулся. Пусть старуха и вправду безумна, благодаря ей он отвлекся от собственных неприятностей.

— И что же это за тайна? — спросил он мягко. Старуха подалась к юноше и прошептала:

— Я грешница. Я умею читать. Меня убьют, если узнают.

Иисус не сумел скрыть изумление.

¹ Песн 1:3.

— Кто же научил тебя?

— Мой отец. Он был богат, но не имел сыновей и потому отчаялся. По ночам в наш дом приходили учителя, и я училась читать при свечах, тайком от всех.

Внезапно взор старухи сделался ясным и пристальным. Юноша насторожился, но тут старуха промолвила:

— Богу не нужна помощь, чтобы обратить грешных от злых путей.

— Потому что их множество? — спросил Иисус. Женщина покачала головой.

— Потому что Завет не здесь. — Она кивнула в сторону огромных дубовых дверей святилища. — Господь узнает праведных, читая в сердцах. Среди целого мира он избрал Ноя. Среди падшего Содома он избрал Лота. Праведные сияют собственным светом. Скоро он изберет еще кого-то.

Иисус поглядел на руки женщины, которые, не зная отдыха, сплетали венок из цветов — тех диких розовых цветов, что в изобилии растут на склонах оврагов вокруг города.

— Разве достаточно быть праведным? — тихо спросил он.

— А как же? Злые всегда одолевают числом. Не важно, сколько агнцев рождается по весне; волков, чтобы их пожрать, всегда будет больше.

Старуха вновь забормотала что-то нараспев. Иисус прислушался.

— Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами¹.

¹ Песн 2:1–2.

Она закончила плести венок и неожиданно водрузила его на волосы Иисуса. Венок оказался слишком мал и съехал набок. Старуха хихикнула, и смешок, как часто бывает с пожилыми людьми, прозвучал почти по-детски.

— Тебе идет. Словно венец.

Когда двадцать три члена суда собрались в зале, Иуда поклонился вместе с остальными просителями. Члены Синедриона выглядели весьма величественно, благодаря в том числе высоким черным головным уборам и золотым пряжкам на одеждах. Но Иуда, в отличие от zelотов, не впадал в ярость при виде этого великолепия. И вообще, как становятся судьями? Уж явно не Божьей волей, в этом Иуда был уверен.

В детстве в Иерусалиме он познакомился с другом своего отца Симеоном, которому недоставало хитрости зарабатывать деньги. Все жалели и самого Симеона, и его жену, которая потеряла двоих сыновей, ибо не смогла их выкормить. За спинами шептались насчет проклятия, но отец Иуды как-то отвел сына в сторонку и объяснил, в чем истинная причина.

«Она голодала, а еще, возможно, отравилась. Симеон-то, когда никто не видит, таскает дурную муку, с долгоносиками и один Бог знает чем еще. Грязь, пыль... Другой им все равно не купить».

Чем сильнее страдал Симеон, тем чаще он обращался к Торе. Он сделался одержимым стремлением угадать желания Бога: ведь кто, кроме Бога, мог обречь Симеона на нищету, а отца Иуды — на достаток? В третьей книге Торы, Левит, более

шести сотен заповедей, соблюдать которые значит вести праведную жизнь. Симеон наполовину ослеп, читая Писание изо дня в день и по ночам — далеко за полночь Иуда улавливал в воздухе аромат свечного воска.

Пусть Иуда был мальчишкой, а Симеон — взрослым мужчиной, мальчик жалел Симеона. Божьи заповеди — ловушка для простецов, и лишь глупец отважится сунуться в эту ловушку. И вдруг того же самого Симеона, который «случайно» заглядывал к ним в дом всякий раз, когда на столе появлялся суп, стали считать мудрецом. Бедняки, у которых не хватало средств обратиться к жрецу, приходили к Симеону. Он толковал Закон и решал самые запутанные споры. Если иудей купит лошадь, зная, что прежде она принадлежала римлянину, будет ли таковая лошадь нечистой? Если иудей съест свинину, чудом попавшую в еду без его ведома, насколько велик его грех?

Некоторое время спустя скромные подношения селян наконец-то позволили жене Симеона выкормить ребенка. Потом она появилась на людях в новом платке. Соседи не верили своим глазам, но иудеи почитают знание пуще даже Бога (так поведал Иуде отец), тем более если сами они — люди несведущие.

И вот он, судья Симеон, шагает по залу с прочими членами Синедриона. Он стал человеком, которому Иуда и ему подобные должны кланяться. Симеон сел, и его взгляд на мгновение встретился со взглядом Иуды. Постиг ли он истину? Осознал ли, что именно его Иуда уколует отравленным шипом?

— Я тут.

Иуда настолько погрузился в свои мысли, что не заметил подошедшего Иисуса. Юноша держал в руках клетку с птицами.

— Ты готов?

— На все милость Божья, — ответил Иисус.

Не лучший ответ, но ничего не поделаешь. Первые просители уже приблизились к судьям и, размахивая руками, принялись изливать свои скорби. Иуда взял Иисуса за руку и повлек вперед, громко взывая к справедливости и воздевая над головой клетку с горлицами.

— Помогите мне, добрые господа! Меня обманули! Моя жертва нечиста!

Иуда скулил, словно побитый крестьянин, и наперебой кланялся судьям. Толпа жалобщиков не желала раздаваться перед ним, но он распихивал людей локтями, настойчиво лез к судьям, закатывал глаза; в уголках его губ выступила пена.

— Смотрите, люди! Мне продали больных птиц, заразных! Мой ребенок пошел язвами, едва дотронулся до них!

Жалобщики шарахнулись в стороны. Храмовые стражи находились слишком далеко, чтобы остановить Иуду. Он оказался рядом с судьями. Те, впрочем, сохраняли спокойствие: со скучающим видом грызли сушеные смоквы и маслины, вынося приговоры по повседневным делам, какие им приходилось разбирать каждый день.

Следуя за Иудой, Иисус понял, что его товарищ верно предугадал ход событий. Он подобрался так близко, что судьям пришлось обратить на него внимание. И тут Иуда извлек из складок отравленный шип и вонзил в шею Симеону. Судья, который

о чем-то шептался с соседом и нарочито морщил нос, показывая, сколь неприятна ему вонь, исходящая от простолюдинов, едва ли ощутил укол. Зато страж, стоявший позади, заметил быстрое движение Иуды.

— Эй! — воскликнул он, норовя схватить Иуду за ворот. Другие стражи кинулись ему на подмогу. Иуда позволил себя задержать, а Иисуса оттолкнул и завопил на весь зал:

— Мерзавцы! Бог не попустит покарать невинного!

Симеон пожал плечами и пододвинул поближе чашу с маслинами, но вдруг покачнулся. Просители зашумели, кое-кто засмеялся, задние надавливали на передних, побуждая тех занять место, освобожденное Иудой.

Иуда дождался, пока шея Симеона разбухла, а кожа приобрела лиловый оттенок, и вскричал:

— Да свершится моя месть, о Израиль!

Иуда рассчитал превосходно: Симеон тщетно старался вдохнуть, его язык вывалился наружу, он издавал такие звуки, будто его душили удавкой, а потом повалился на пол и весь задергался. Толпа замерла.

Всеобщее оцепенение нарушил мужчина, чье лицо скрывал надвинутый на глаза колпак. Прежде чем кто-либо успел помешать ему, он подскокил к Симеону и наклонился над распростертым телом. Вероятно, его приняли за чудесным образом оказавшегося в храме целителя. Неожиданно кто-кто крикнул:

— Нож!

Человек в колпаке взмахнул ножом — тот стало отлично видно — и вонзил лезвие в грудь Си-

меону. Из раны хлынула кровь, запятнав одежду убийцы. Он поскользнулся, чуть было не упал, однако все произошло настолько быстро, что никто не успел его схватить. Убийца что-то пробормотал (позднее стали рассказывать, что он произнес пророчество из книги пророка Исайи: «И жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого»¹).

Наконец кому-то удалось сорвать с головы убийцы колпак, и Иуда побледнел.

— Это они! — воскликнул он. — Бежим!

На Иисуса Иуда не оглядывался, а если бы оглянулся, то увидел, что лицо юноши такое же бледное, как его собственное. Оба узнали одного из тех молодых zelотов, что скрывались в пещере. Значит, повстанцы не поверили Иуде и послали своего человека — следить за ним и исполнить задание, если он не справится.

Поскольку ложное чудо предшествовало убийству, толпа обратилась против Иуды. Раздались вопли: «Изменник! Кошун!» Впрочем, Иуда догадывался, что подобное может произойти: они с Иисусом почти добрались до дверей, когда им бросились наперерез.

— Давай, давай! — кричал он.

Какой-то мужчина схватил было Иисуса, но юноша высвободился, оставив в руках незнакомца накидку.

Им повезло — наружу они выскочили из тех дверей, что выходили на улицу, а не во внутренний двор, где уже собралось множество негодующих иудеев. На бегу Иуда яростно срывал с себя все,

¹ 1 Ис 11:4.

что могло выдать в нем человека, побывавшего на поклонении в храме, — амулеты, головную повязку, серьги; Иисус слегка замешкался.

— В чем дело? Не глупи! — Иуда ухватился за тонкую цепочку на шее Иисуса. Цепочка разорвалась, серебряная мезуза полетела наземь. Иисус нагнулся было за нею, однако Иуда не позволил ему поднять футляр с пергаментом. — Некогда! Бежим!

Задержка оказалась роковой. На улицу высыпали храмовые стражи. Завидев беглецов, они кинулись в погоню, призывая горожан на помощь. Правда, никто к ним не прислушался, а скучавшие неподалеку римляне засмеялись и заулюлюкали, будто подбадривая бегущих.

Иуда затащил Иисуса в узкий переулок, заставленный тележками купцов; это должно задержать преследователей, но вот ворота в дальнем конце переулка оказались запертыми. Иуда долго и безуспешно пытался выдвинуть ржавый железный засов, велел Иисусу помогать, но тот не подчинился — просто молча стоял в стороне и смотрел.

— И что? По-твоему, Бог хочет нашей смерти? — раздраженно воскликнул Иуда.

Тут открылась дверь одного из домов, и показалась женщина. Сейчас она заметит беглецов, завопит от ужаса и кинется обратно... Храмовая стража уже бежала по переулку, оглашая воздух проклятиями тем купцам, чьи повозки преграждали им путь.

Женщина сразу все поняла, но, вместо того чтобы спрятаться, молча указала на свой дом. Выбирать не приходилось. Иуда с Иисусом юркнули во двор, а женщина заперла за ними дверь на засов.

— Быстро они не справятся, — произнесла она на удивление ровным голосом. — Думаю, у нас получилось.

У нас? Расспрашивать не было времени. Иуда кивнул, и женщина провела их через двор и дом к лазейке, темной и такой узкой, что через нее едва ли мог протиснуться взрослый. Все трое очутились в непроглядном мраке. Наверное, подумалось Иуде, лаз контрабандистов.

Так или иначе, проход был чрезвычайно узок. А перед тем как он уперся в улицу — впереди мелькнул солнечный свет, — слева в стене приоткрылась дверца: иначе ее было не разглядеть, она сливалась со стеной. Женщина махнула рукой; дверные петли противно заскрипели.

Трое беглецов очутились в крохотном душном помещении. Дверь захлопнулась; мгновение спустя снаружи донеслись натужное пыхтение и цокот о камень железных заклепок в подошвах солдатских сандалий. Постепенно шум стих.

— Подождем немножко, — прошептала женщина. — Они хитрые.

И точно: вскоре вновь послышалось пыхтение. Преследователи разделились на случай, если беглецы где-то спрятались и неосторожно вылезут из укрытия. Но вот все стихло; женщина приотворила дверцу и выглянула наружу.

Иисус взял ее руки в свои, принялся благодарить, однако женщина высвободилась.

— Оставьте слова при себе. Мне нужно уйти с вами.

— Почему? — спросил юноша.

Иуда понял почему, стоило их спасительнице приподнять платок. Это оказалась старшая из блуд-

ниц, которых он разглядывал утром, та самая, которой будто бы шестнадцать. Иуда не поверил купцу — и оказался прав.

— Хорошо, идем, — согласился он. Сейчас не время выяснять, почему она решила сбежать от купца. Да и задворки Иерусалима ей наверняка известны намного лучше, чем любому воину храмовой стражи.

Не назвавшая своего имени «святая женщина» повернулась к Иисусу.

— А ты что скажешь? — справилась она. — Согласен ли ты путешествовать с блудницей?

Юноша кивнул; этого оказалось достаточно. Женщина повела их обратно, в переулок с закрытыми воротами, достала ключ, беглецы сняли замки и двинулись прочь, подальше от храма.

Иуда наконец успокоился, возбуждение уже не заставляло сердце бешено колотиться. Они шли по улочке, вдоль которой выстроились загородки и загоны для животных. Овцы и козы топтались в своих закутках, не обращая на людей ни малейшего внимания. Иуда оглянулся на Иисуса, замыкавшего цепочку. Юноша не сказал ни слова с тех пор, как они двинулись в путь, и подчеркнуто не замечал блудницу. Интересно, это благочестие праведника или мнимое безразличие того, кто замышляет предательство?

Между тем Иисус мыслями постоянно возвращался к серебряной мезузе, которую Иуда не позволил ему поднять. Юноша оплакивал потерю. Мицва — веление Закона — требовала, чтобы на косяке дома каждого праведного семейства висела мезуза. А среди работников, бродивших от поселения к поселению, в последнее время распрост-

ранилась привычка носить «благословение Господне» с собой всюду, куда бы ни заводила дорога. И вот Иисус потерял мезузу...

Иуда наверняка посмеялся бы над подобными суевериями, и потому Иисус не стал ничего говорить товарищу. Да и заслуживает ли он благословения? Судья убит, кровь из его груди была фонтаном. Зелоты убедились, что пригрели двух отступников, и теперь станут на них охотиться. Впрочем, все это по-настоящему нисколько не беспокоило Иисуса. Он представлял себе мезузу и тщательно сложенный внутри кусочек пергамента со словами молитвы. Шагая за «святой женщиной», юноша повторял про себя одни и те же слова: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть»¹.

Иного утешения ему не осталось.

Глава 6. Пустыня и молитва

Трое беглецов решили двигаться к Мертвому морю. Иуда поначалу не хотел идти на юг — мол, кто в здравом рассудке согласится прятаться в выжженных солнцем убогих деревушках на бесплодных берегах?

— Есть-то мы что будем, а? Соль, что ли? Тамощные крестьяне год из года едва выживают.

Кроме того, продолжал он, римляне прочно утвердились в тех краях и набирают среди отчаявшихся лазутчиков и доносчиков.

— Там мы повстанцев не найдем, и никто нас не укроет. Зато на севере нам всяко дадут приют.

¹ Втор 6:4.

— На севере zeloty, которые нас убьют, — напомнил ему Иисус.

— Может быть, — согласился Иуда, — а может, и нет. Вдруг их посланец не сумел убежать? Вдруг он гниет себе в Пилатовой темнице?

Они сидели у костра в заросшем кустарником овраге, и с дороги их вряд ли кто мог заметить. Иерусалим остался в дне пути, и Господь покуда был милостив к беглецам: ни один из повстречавшихся по дороге римских дозоров не удостоил троих путников сколько-нибудь пристального внимания.

Женщина назвалась Марией, как и мать Иисуса. До сих пор она не принимала участия в разговорах мужчин, держалась скромно, как ей и подобало, собирала хворост для костра, готовила отвары из диких трав, варила в котелке, который кто-то бросил на обочине, а она подобрала, и молча слушала.

Но теперь Мария вмешалась в спор.

— В Галилее слишком опасно. Где зреет мятеж, там всегда доносчики. Чем меньше народу, тем лучше. — Мужчины воззрились на нее, но она не смутилась, наоборот, гордо вскинула голову. — Что смотрите? Да, у меня есть и голос, и мозги. Вспомните, кто вытащил вас из города.

— Да неужели?! — вспыхнул Иуда. — Много ли надо мозгов, чтобы творить блуд?

— Достаточно вот для этого. — Мария поддернула подол, и послышался звон монет, зашитых внутри.

Иуда вскочил.

— У тебя есть деньги? Так чего же мы рискуем по холмам, точно звери? Пошли на постоялый двор! Давай сюда.

Мария покачала головой.

— Я храню их на черный день. Может, нам придется себя выкупать. Что ты предпочтешь — ночь в постели или свободу?

Иуда окинул женщину свирепым взглядом, но промолчал. В ее словах заключалась истина. Рано или поздно их могут задержать, и тогда лишь деньги, врученные надзирателю, помогут им освободиться. Поэтому тратить их не имеет смысла.

Ночь они провели в овраге, по очереди поднимаясь, чтобы подложить веток в костер. Мария устроилась довольно далеко от мужчин, и Иуда, воспользовавшись этим, чтобы все-таки уговорить Иисуса пойти в Галилею. Впрочем, Иисус отказался его слушать. Раз у Марии есть деньги и она готова выполнять всю подсобную работу, к чему разделяться? Иуда поворчал, но в конце концов смирился.

— Ладно, будь по-твоему. Приглядывай за костром, а я пошел спать.

Иисус не стал возражать и подсел к костру, время от времени настороженно озираясь. В здешних бесплодных местах нередко встречались лихие люди — разбойники, те, кто скрывался от преследований, не желавшие платить подати и прочие, с дурными, как выражались римляне, наклонностями.

Поутру они направились на юго-восток.

Каждый вечер перед путниками вставала необходимость подыскать место для ночлега. В любой деревне двое мужчин и женщина неминуемо вызвали бы подозрения. Поэтому стан разбивали поодаль от селений, а Мария шла на рынок за едой. Деньгами она не разбрасывалась — ведь троим

взрослым вполне достаточно вчерашнего хлеба и рыбьих хвостов, которые обходятся не дороже шекеля. На рынке ей неохотно показывали товар, а затем прогоняли прочь, чтобы не оскверняла лотки, — в своем ремесле Мария не сознавалась, но ее выдавали манера держаться, прямой взгляд и следы черной краски вокруг глаз.

— Пусть пялятся, — говорила Мария. — Совсем недавно я делала все, чтобы привлекать мужские взоры.

Ей отчаянно хотелось навсегда забыть об Иерусалиме. Впрочем, она уже не была той деревенской простушкой, которая когда-то попала в город. Кожа рук, гладкая от мазей и настойки из алоэ, на пальцах кольца, в мочке одного уха маленькая золотая серьга — все это требовалось в ее ремесле, чтобы мужчины почаще заглядывались. Высокая, с бледной, почти прозрачной кожей, она частенько удостаивалась оценивающих взглядов и научилась терпеливо сносить презрение женщин и злобные насмешки мужчин.

— Все прочие торгуют товаром, — обронила она как-то. — А я — сама себе товар.

Прежде чем покинуть пределы Иерусалима в компании Марии, Иисус заставил ее пообещать, что она больше не станет предлагать себя. Иуда проворчал, что идти с нею рядом — и то грех. Если следовать Закону, мужчинам не следовало бы питаться вместе с ней или позволять ей готовить.

Мария рассмеялась.

— Останешься голодным, но не нарушишь Закон? Оглянись-ка. Здесь редко встретишь фарисеев, которые тебя попрекнут.

Она держалась независимо, однако отчуждение со стороны спутников ее все же беспокоило. Однажды вечером она призналась Иисусу:

— Иуда никак не решит, относиться ко мне как к женщине или как к прокаженной. Будь я прокаженной, его бы не подмывало дотронуться до меня.

Должно быть, на лице Иисуса отразилось изумление, потому что женщина негромко прибавила:

— Лишь на тебя мои надежды. Ты способен отличить грешника от греха.

— Мы с Иудой вместе, — возразил Иисус. — Поодиночке от нас толку мало.

Мария понимающе улыбнулась.

— Милый юноша, не притворяйся. — И неожиданно взяла Иисуса за руку, да так крепко, что он не смог высвободиться. — Скажи, чем моя рука отличается от руки твоей матери или сестры? Все мы касаемся друг друга, но почему-то некоторые верят, что это грех.

Заметив смущение юноши, она отпустила его руку.

— Что ж, ты меня не выбранил, а значит, тобой владеют сомнения.

— И что в том хорошего? — угрюмо спросил Иисус.

Мария встала.

— Жизнь больше, чем Закон. Ты еще молод, но скоро это поймешь. — Прозвучало снисходительно, и женщина ушла к протекавшему поблизости ручью, чтобы умыться, не добавив ни слова. Однако позднее той ночью Иисус вдруг проснулся от того, что Мария дотронулась до его руки.

— Вот, — прошептала женщина, вкладывая ему в ладонь узелок с деньгами. — Храни. Отдашь, когда я попрошу. И ему не говори.

— Почему ты мне доверилась? — спросил Иисус.

— Не знаю. Быть может, я иду с двумя ворами. — И она отодвинулась, оставив Иисуса размышлять над услышанным.

Несколько дней спустя Иисус задал Марии следующий вопрос.

— Тебя заставляли сходить с мужчинами. На самом деле ты не?..

Женщина покачала головой.

— Всякое бывало.

Ее история оказалась короткой и простой. Когда Мария вошла в возраст, ее помолвили с подмастерьем золотых дел мастера. Юноша был увлечен работой, часами просиживал в мастерской, выделывая затейливые ожерелья и культовые узоры. А накануне того дня, когда должна была состояться свадьба, в лавку ворвались римляне, обвинившие мастера в том, что он подделывает имперские монеты. У владельца был выбор — выдать мнимого виновного или угодить в тюрьму вместе со всеми работниками. В итоге он принес в жертву Иону, младшего из подмастерьев и жениха Марии.

— Иона не справился, — проговорила Мария. — Я запомнила его в слезах. И ты тоже можешь сломаться.

Как ни удивительно, в ее словах прозвучало едва ли не восхищение.

Когда Иону признали виновным, поддерживать отношения с Марией стало слишком опасно, люди от нее отвернулись. И потому она убежала в Иеруса-

лим, бросив приданое, чтобы младшей сестре было с чем выходить замуж.

— В городе меня быстро заметил сводник, завлек к себе, пару дней поучил уму-разуму кулаками, а потом пристроил к делу. Свободных среди блудниц не встретишь. Это случилось полгода назад. Я выжидала и готовилась к побегу. — Мария вопросительно посмотрела на Иисуса. — Как ты догадался?

— Я заглянул за завесу, которую ты раскинула перед всеми.

Женщина не нашлась с ответом.

— О чем это вы тут болтаете? — подозрительно осведомился Иуда, вернувшийся с обхода окрестностей. От рыбьих хвостов и плесневелого хлеба его чрево взбунтовалось, и потому он предпочел искать пищу самостоятельно. Несколько дней назад он наткнулся на пчелиные соты и полакомился медом, ценой многочисленных укусов, от которых его лицо изрядно раздулось. На сей раз он принес с десятков плодов лесной яблони. Плюхнувшись наземь, он поделился своей находкой со спутниками.

— Мы говорили о тебе, — сказала Мария, устремив на Иуду невинный взор. — Ты ведь хочешь избавиться от меня, но никак не выберешь миг, чтобы потолковать об этом с мальчиком.

И прежде чем Иисус успел возразить, прибавила:

— А ты не знал, что он считает тебя глупым мальчишкой? Несмышленьшем?

— Хватит! — воскликнул Иуда, вытянул свою длинную смуглую руку и ударил женщину так, что

та повалилась навзничь. Мария коротко вскрикнула и затихла.

Иисус нагнулся и подобрал ее долю яблок, раскатившихся в пыли. Отер подолом рубахи и протянул женщине.

— Держи. Из-за меня не стоит голодать. — Потом повернулся к Иуде и произнес, не повышая голоса: — Напомни-ка, чем ты лучше нее? Ты водишься с преступниками, из-за тебя в святом месте погиб невинный. Может, это тебе стоит постыдиться?

Иуда подбоченился.

— Да как ты смеешь? Я делаю все во имя Господа!

— Значит, тебе ведомо, что есть грех, а что — нет? — Иисус пожал плечами. — Как и ей, между прочим.

Иуда презрительно фыркнул.

— Невинная блудница? Спасибо за урок, ребе.

Поели в молчании, а скоро настала пора двигаться дальше. Идти по дикой местности казалось безопаснее, чем по дороге, на которой промышляли разбойники. И потому они выбрали путь сквозь кустарник, вдоль каменистого русла, истосковавшегося по воде.

Когда Иуда отошел достаточно далеко, Иисус промолвил:

— Больше он тебя не потревожит.

— Почему? Он же тебе не поверил, — отозвалась Мария. — Я знаю таких, как он. Если я виновна, значит, его собственные грехи не столь уж велики.

— Он начал меня опасаться, — сказал Иисус.

— С чего бы это? — удивилась Мария. — Никогда не видела, чтобы ягненок загрыз волка. Знаешь, я взяла пару камней, чтобы отбиваться...

Иисус покровительственно улыбнулся.

— Я его раскусил. Ему нужно, чтобы за ним следовали. А я, случись что, пригрожу, что уйду.

Им предстояла дальняя дорога до той поры, когда они наконец окажутся под приветливым кровом. И все трое прятали свои лица от Бога. И сейчас ничто не отделяло их от убийц, самаритян и всех отчаявшихся и отверженных на земле.

Довольно быстро они отказались от бездорожья в пользу тропинок, что вели в нужном направлении. Когда разбивали стан, Иуда по-прежнему распоряжался, будто командовал полусотней повстанцев, а не двумя измученными спутниками. Обычно он давал Иисусу свой нож и поручал нарубить веток для ночлега. Когда юноша возвращался, Иуда тщательно осматривал ветви и половину из них с презрением откидывал в сторону. Точно так же он выливал воду, которую подносила ему Мария, жалуясь, что вода слишком грязная для питья. Впрочем, по большей части он чересчур глубоко погружался в свои думы, чтобы замечать спутников, ел, уставясь в землю перед собой, а на вопросы отвечал только: «Хм», после чего вставал и уходил.

Мария посмеивалась над ним — конечно, не в глаза.

— Ты же понимаешь, что он замышляет, верно? Строит грандиозные планы. Мы с тобой для него — лишь вехи на пути к великому успеху.

Она считала Иуду опасным мечтателем.

Иисус перестал искать во всем знаки, однако одно событие ему крепко запомнилось. Это случилось на четвертый день пути из Иерусалима. Путники шли по глубокой расщелине, и что-то заставило юношу посмотреть вверх. Над головой нависал камень, формой напомилавший лицо старца. Иисус пожал плечами — и не потому, что этот камень очень уж походил на голову каменного великана, с усами и бородой. Просто он уже видел это лицо два дня назад, а значит, они ходят кругами.

— Глядите! — окликнул юноша своих товарищей. — Моисей!

Мария проследила за его жестом.

— Ты так назвал эту каменюку? — Она нахмурилась. — Я, кажется, ее уже видела.

Иуда, который, как обычно, шагал впереди, оглянулся через плечо. Он успел привыкнуть к тому, что Иисус и Мария о чем-то негромко переговариваются. Мария метнула в него обвиняющий взгляд, но Иисус тронул женщину за плечо, предостерегая, и она промолчала. Она утратила всякое доверие к Иуде и шла за ним только из-за Иисуса.

— Убежим, когда решишься, — прошептала Мария. — Но не тяни слишком долго, иначе я уйду одна.

Как и положено иудею, Иисус знал, что пути Господни неисповедимы (равно как и планы Иуды, подумалось юноше); когда его народ сорок лет бродил по пустыне, кто в конце концов их спас? В Писании говорится, что с небес пала мана, которой они подкрепили свои силы, но Иисус догадывался, что скитальцев вела не пища земная, пусть и павшая с небес. Их вело видение Моисея. А тот знал, что любое деяние, стороннему глазу

пусть мнящееся бессмысленным, предначертано свыше. Избранный народ не заблудился в пустыне, он растерялся перед загадкой, и ключ к этой загадке Господь даровал лишь немногим достойным. Отсюда следовало, что Иуда — не просто мечтатель, а пытается разгадать замысел Бога. Но сумеет ли он это сделать? Узнать наверняка не было ни малейшей возможности, однако когда Иисус во второй раз увидел скалу-Моисея, его словно ударили мешком по голове. Ну конечно! Бог попустит им плутать, пока они не прозреют. Это их испытание.

Спора по поводу того, вправду ли они ходят кругами, не разгорелось. Путники молча шагали друг за другом день напролет. На следующий день наступил шаббат, первый за время пути. Неподвижные воды Мертвого моря отливали свинцом под мрачным небом. Когда дневной свет померк, путники присели поблизости от тропы. Закон запрещал продолжать путь с наступлением темноты. Внезапно с севера налетел ветер, порывистый, пронизывающий, заставивший искать укрытие.

— Скорее! — крикнул Иуда. Зарядивший частый дождь почти мгновенно промочил одежды. Иуда указал на видневшийся неподалеку сарай, и путники бросились к спасительному укрытию, возведенному, должно быть, местными крестьянами от непогоды.

Мария достала остатки еды, а также свечу.

— Тебе решать, — сказала она Иисусу.

Шаббат всегда начинался с того, что женщина, мать или дочь, зажигала две свечи — или одну, если семья бедствовала. Иисус помедлил с ответом, потом кивнул. Мария поставила свечу на землю и бросила сдвинувшему брови Иуде:

— Отвернись, если не нравится. А мы должны соблюдать Закон.

Женщина чиркнула кресалом, которое прихватила с собой из Иерусалима. Но ветер, проникавший в щели и задувавший внутрь, мешал искрам воспламениться. Иуда несколько минут снисходительно наблюдал за ее усилиями.

— Дай сюда, — проворчал он наконец, но когда потянулся за кресалом, Иисус уверенно отодвинул его руку.

— Скажи мне, для чего мы это делаем? — спросил юноша.

— Не зли меня, ребе, — прорычал Иуда. — Тут холодно и мерзко, но мы хотя бы можем помолиться.

— Зачем? — произнес Иисус, качая головой.

— Что «зачем»? Зачем свеча? Зачем шаббат? Не смеши, наш народ всегда так делал.

— Шаббат призван напоминать, что мы избранны.

Иуда явно собирался дать Иисусу резкую отповедь, но очередной порыв ветра вдруг распахнул хлипкую дверцу сарая. Та ударила Иуду в спину, а его одежда, и без того мокрая, мигом прилипла к телу. Иуда разъярился окончательно.

— Хватит меня поучать! — крикнул он, выбил свечу из рук Марии и захлопнул дверцу. — Закон нам больше не указ. Ты и эта, — слово «блудница» он больше произносить не смел, — вы живете грезами. Очнитесь, да поскорее, иначе мы все замерзнем до смерти.

— Нам не дано знать час своей смерти, — откликнулся Иисус. — Шаббат — наша жизнь. Мы откладываем все дела, чтобы вспомнить о заключенном завете. — Голос юноши дрогнул. Он сожалел, что приходится напоминать Иуде об основах вероучения.

Иуда совсем взбеленился.

— Да один взмах римского клинка, и ты навеки забудешь о своем завете! Сколько свечей спасут тебя, ребе?

— Нас спасет Бог, — твердо произнес Иисус.

— И с какой же стати, коли до нас никому нет дела? Не надейся, обормот!

— Я дам ему основание нас спасти, прямо сейчас.

Иуда только махнул рукой. Он молча наблюдал, как Иисус ползает в темноте на четвереньках, разыскивая свечу. Когда юноша все-таки ее нашел, Мария вытерла запачкавшийся восковой столбик и вновь принялась высекать искры. На сей раз ей сопутствовала удача, пламя занялось, а мгновение спустя женщина уже молилась. «Благословен Господь, Бог наш, правитель мира сего, который даровал нам заповеди свои и повелел нам зажигать огни шаббата. Аминь».

Из осторожности она читала молитву негромко. Иисус опустился на колени рядом с ней, ожидая, что Иуда вот-вот разразится проклятиями, но тот забился в угол и обхватил голову руками.

— Руах Адонай, — прошептал Иисус, взывая к дыханию Господа, которое всякий день нисходит на праведного иудея. Иуда, если и слышал эти слова, головы не поднял. Скорее всего, завывавший снаружи ветер заглушил для него голос юноши.

Утро началось с причитания женщин. Их пронзительные вопли разбудили Иисуса и Иуду. Обоих знобило от ночлега в сырой одежде на сырой земле. Мужчины недоуменно переглянулись. Мария исчезла, и вряд ли это она плакала снаружи — отчетливо различалось несколько голосов.

Тут дверца распахнулась, в сарай вошла Мария и поманила мужчин за собой.

— Они в беде. Идем, сами все увидите.

Выйдя следом за женщиной из сарая, мужчины увидели в сотне шагов от укрытия крестьянскую повозку. Под ней во время ночной бури пряталось целое семейство. Должно быть, осел, запряженный в повозку, испугался дождя и ветра — он оборвал поводья и ускакал прочь.

— Чем мы можем помочь? — спросила Мария.

Женщины плачем пытались вернуть осла, но тот и не думал возвращаться, скакал дальше, попутно срывая редкие травинки.

— Ничего, — ответил Иуда. — Это их беда.

Он рассуждал в соответствии с Законом. Будь среди них язычник, он мог бы поймать осла, не совершая греховного поступка. Но поскольку наступил шаббат, в который иудеям запрещены любые дела, двое мужчин с повозки, похоже, отец и сын, лишь беспомощно наблюдали за убегающим животным.

— Я его поймаю, — неожиданно вызвался Иисус.

Мария хотела было его удержать, но юноша уклонился от ее руки и припустил наперерез ослу. Старый, послушный, тот позволил чужаку приблизиться и перехватить оборванные постромки. Миг спустя юноша уже вел животное обратно.

— Все в порядке, — сказал он Марии и повернулся к Иуде. — Я прислушался к тебе. Разве ты мне говорил, что мы вне Закона?

Семейство приняло осла неохотно; было видно, что старшего мужчину распирает гнев.

Иисус указал на козленка, привязанного позади повозки.

— Отдайте его мне. В ближайшем селении я принесу его в жертву. — Крестьянин почесал в затылке, переглянулся с женой. — А мясо отдам вам, обещаю.

Это предложение нисколько не утишило подозрения крестьянина — пожалуй, наоборот, усилило.

— Твоя голова, — произнесла жена крестьянина, нарушая напряженную тишину.

Иисус ощупал голову. Надо лбом вздулась большая шишка. Прикосновение причинило боль, но он не помнил, чтобы обо что-то ударялся.

— Ерунда, — сказал юноша.

— Позволь мне позаботиться. Моя забота искупит твой грех, — настаивала крестьянка.

Мария с Иудой молчали, не желая вмешиваться, так что когда повозка тронулась дальше, Иисус лежал на ее днище. Крестьянка намазала ему голову каким-то снадобьем, которое пахло поистине омерзительно, а когда она перевязала шишку тряпичей, Иисус моргнул от боли.

— Прости, — прошептала женщина и слегка ослабила повязку.

Не спрашивая разрешения присоединиться, Иуда и Мария двинулись следом за повозкой. Они шли на почтительном удалении, так что несколько минут спустя мужчины в повозке перестали обращаться на них и предостерегающе поводить руками.

Иисус тем временем сел, и мир вдруг поплыл перед его глазами. Затем возник целый рой черных пятнышек, подобных летней мошкаре. Юноша слишком поздно сообразил, что теряет сознание. Рой пят-

нышек сделался гуще, и тут Иисус внезапно вспомнил, откуда у него шишка. На память пришли старуха во дворе храма и венец из терна. Шипы оцарапали кожу, едва заметно; он никак не ожидал такого подвоха. На миг он словно воочию увидел розовые цветы, услышал старческий смешок, а затем пала тьма...

Часть вторая

ЧУДОТВОРЕЦ

Глава 7. Поимка и освобождение

Иисус проснулся оттого, что его хватали чьи-то руки — дергали за одежду, щипали, тискали, грубо вертели, будто не человека, а мешок с просом. На лицо падали дождевые капли, где-то поблизости спорили грубые голоса. Это что, дурной сон? Иисус пошевелился, и голову пронзила боль.

— Нельзя просто его бросить. Ты только погляди...

— А мне плевать. Для нас он — никто. Давай, парень, тяни.

Крестьянин и его сын упорно старались вытащить Иисуса из повозки, переругиваясь между собой из-за тяжести его тела, а еще из-за того, что их сандалии скользили по мокрым доскам днища.

Иисус был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Его голова болталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы. Иуда стоял рядом с повозкой, и его лицо было багровым от гнева.

— Грех падет на ваши головы, нечестивцы, — процедил он.

— Мы его довели, теперь он твой, — веско вымолвил крестьянин.

Иисус застонал, и не столько от боли, к которой он уже успел привыкнуть за время короткой поездки, сколько из опасения снова потерять сознание и погрузиться в темную бездну. В этой бездне обитали демоны с острыми клыками, готовые утащить его в пучину мрака, едва он поддастся...

Рана на голове изрядно саднила, при каждом движении голова отзывалась болью, он смутно припомнил, как Мария размотала повязку, по лицу потек зеленоватый гной, и Мария отвернулась, стараясь скрыть слезы. Дождь охлаждал кожу, однако, хотя одежда промокла, юноша не чувствовал, что замерзает. Рано или поздно боль прекратится. И ему не придется жить с мыслью, что он подвел Бога.

— Погодите! Кому сказала, погодите! Мы можем заплатить.

Иисус расслышал эти слова сквозь подступающее забытие и даже узнал голос — женский, голос Марии. Послышался звон монет, затем грубые руки опустили юношу на землю.

— Этого мало.

— Больше не получите. И чего мы боимся язычников, если иудеи сами готовы грабить сородичей?

Иисус различил над собой очертания женской фигуры.

Внезапно перед его взором замерцал золотистый свет, робкий, неверный, но с каждым мгновением словно приближавшийся и становившийся все ярче. Несмотря на отчаяние, терзавшее сердце юноши, этот свет заставил его возрадоваться. Иисус страшился очнуться в Геенне, в месте, пред-

назначенном для тех, кто скончался вне милости Господа. В месте, где мучения растягивались на целую вечность. Тут золотистый свет мигнул, и в ухе прозвучал голос:

— Лежи тихо. И не говори ни слова.

Иуда... Свет превратился в тусклый отблеск масляной лампы, которую тот держал в руке. Иисус застонал.

— Ты что, не понял? Ни звука!

Что происходит? Иисус попробовал повернуть голову. Он лежал на полу какого-то помещения, на тощем соломенном тюфяке, сквозь который ощущались половые доски. Похоже, это приют для бродяг, в котором скитальцы укрываются от непогоды. Рядом под грязным одеялом спал какой-то мужчина. Все прочие бодрствовали, сидели на корточках и пялились в пол.

Поняв, что Марии тут нет, Иисус вновь застонал. Нужно ее найти. Он схватил руку Иуды, и тот принял это движение за попытку заговорить, а потому ладонью зажал юноше рот и прошептал:

— Римляне. Снаружи. Если хочешь жить, притворись, что спишь.

Впрочем, притворяться было некогда. Дверь распахнулась, и вошли два легионера, сбивая грязь со своих сандалий. За ними семенил явно встревоженный коротышка в черном иудейском головном уборе. Один из легионеров ткнул пальцем в сторону Иисуса.

— Он?

Коротышка кивнул и поспешно убежал.

— Так, сброд. Всем встать, живо! — приказал тот из легионеров, что постарше.

С помощью Иуды Иисус сумел подняться, не отваживаясь посмотреть на римлян, а те вроде бы подступили к нему, но прошли мимо, и младший легионер пнул мужчину под одеялом, который не пошевелился. Солдат выбранился и снова пнул неподвижное тело.

— Сдох, как собака, — проговорил солдат, опустился на колени и осторожно сдвинул одеяло. Лицо мертвеца покрывали яркие красные пятна. Легионер вскочил. — Эй, тессерарий! Нам ведь не говорили, что тут завелась чума.

— Я что, похож на целителя, так-растак? Все равно, горевать уже поздно. — Тессерарий взмахом меча указал на молчавших иудеев. — Все наружу. Вы задержаны, и чтобы без фокусов, иначе все окажетесь в темнице.

Ворчавших себе под нос людей повели по улице. Иуда постарался оказаться вместе с Иисусом как можно дальше от солдат.

— Где она? — выдохнул юноша, не в силах дольше сдерживаться.

— Сбежала, — коротко ответил Иуда.

Вскоре легионеры обратили внимание на оставших и сурово велели поторапливаться. На главной улице небольшого поселения — кривые глинобитные домики, амбары, конюшни — задержанных ожидал остальной отряд римлян.

Беглецы сумели уговорить крестьянина довезти Иисуса до этого селения. Внезапно юношу охватил стыд, и к этому стыду примешивалось исходившее от прочих ощущение бессилия, которое накатывало на Иисуса темной волной. Он пытался сражаться за иудеев, что означало сражаться за Бога, и что

в итоге? Пепел, тот самый пепел, который предки втирали в лица, оплакивая свои невзгоды.

Что-то кольнуло в ногу. Юноша посмотрел вниз и увидел на лодыжках кровоточащие потертости. Снова укол боли, сильнее прежнего, и юноша невольно застонал. Перед мысленным взором возникла лисица, угодившая в силки, которые расставил его брат Иаков. Вообще-то Иаков ставил силки на зайца, но попалась лисица, точнее, лисенок. Когда Иисус с Иаковым подошли, чтобы освободить животное, лисенок зарычал и оскалил зубы. Ночью он чуть не отгрыз себе лапу, пытаясь высвободиться, и потому, когда страх при приближении людей заставил его потерять голову, животное рванулось, и отгрызенная лапа отвалилась. Лисенок кинулся прочь, оставляя за собой кровавый след, а мальчики едва справились с подкатившим к горлу комком.

«Наверное, домой побежал», — с надеждой проговорил Иаков. Но Иисус понимал, что, скорее всего, животное истечет кровью по дороге.

Воспоминание не принесло облегчения. Силки — его грех, а сам он словно превратился в того лисенка. Что он может сделать, кроме как отгрызть себе лапу? Рано или поздно их с Иудой убьют, да и Марию тоже не пощадят. Значит, нужно все менять...

Иисус опустил голову и покорно дождался, пока его, следом за остальными, поместят в приспособленное под тюрьму строение на окраине селения. Всех задержанных запихнули в крошечную каморку.

— Эй, да мы тут задохнемся! — крикнул кто-то. Тессерарий пожал плечами.

— Одни помрут, другим больше места будет.

Легионерам явно не терпелось уйти, их ожидал дневной паек — сушеное мясо и красное вино, в которое, чтобы оно не портилось, добавляли толику пряностей.

Иуда уставился в крошечное оконце под самым потолком, потом плотнее запахнул одежды, устроился поудобнее, насколько это было возможно, и закрыл глаза.

— Прости, паренек, — прошептал он.

Иисус молча кивнул. Говорить он не мог при всем желании, как и стоять, перед глазами все плыло; юноша присел на корточки, стараясь совладать с подступающим обмороком. Бытие — пустая шелуха... Демоны вернулись и принялись терзать его сердце. Сил не осталось, за жизнь он цеплялся разве что по привычке.

И все же разверзшаяся бездна не поглотила Иисуса. Он различил фигуру, ловко пробирающуюся между пленниками. Фигура присела на корточки, потом двинулась дальше. Карманник? Ну, здесь добыча невелика.

Человек приблизился, и Иисус вдруг понял, что ему протягивают бурдюк.

— Воды, сын мой?

Иисус жадно схватил бурдюк и припал к живительной струе.

— Когда нас отпустят? — спросил он, утолив жажду.

— Ты можешь уйти, когда захочешь. Господь оберегает тебя.

— Что?

Незнакомец подался вперед.

— Мы следим за тобой.

— Мы?

— Ну да.

Лица незнакомца было не разглядеть, но Иисус чувствовал, что тот смотрит на него.

— Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются¹. — Незнакомец шевельнулся. — Но ты-то разумеешь, верно?

Иисус растерянно кивнул. Подобно старухе на храмовом дворе, этот человек изъяснялся фразами из Писания.

Между тем незнакомец продолжал:

— Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы². — Он вновь подался вперед и повторил: — Вы — боги. Пришла пора это доказать.

Прежде чем Иисус успел что-либо ответить, незнакомец встал и двинулся дальше, предлагая воду следующему пленнику. Юноша было потянулся, чтобы дернуть его за полу, и в глазах ослепительно вспыхнуло. Это ничуть не напоминало приступы боли, пережитые ранее. Боль вообще исчезла, и юноша неожиданно ощутил прилив сил.

Он встал, и в ногах не было слабости. Точнее, он увидел, словно со стороны, как встает, поскольку у него самого не нашлось сил даже приподняться. Слова странного человека оказали небывалое воздействие. Иисус перемещался без малейших усилий. Он переступил через Иуду, свернувшегося на грязном полу, и подошел к двери. Пожалуй, незнакомец прав; пора кое-что доказать.

Сыны Всевышнего — все вы...

Повеление пришло на ум, будто выпрыгнув из глубин памяти. Дверь была закрыта, но не запер-

¹ Пс 81:5.

² Пс 81:6.

та, и охрана отсутствовала. Быть может, это дело рук незнакомца? Иисус толкнул дверь, и та отворилась; за ней виднелся проход, освещенный факелами, и двое солдат, притулившихся у стены: они, похоже, играли в кости, да так и заснули, опустив голову на грудь.

Юноша помедлил, будто ожидая беззвучных указаний, но ничего не происходило, и его сердце пропустило удар. Бежать одному? Или разбудить остальных и покинуть тюрьму вместе с ними? Наконец он решился, тихо прошел мимо стражников, уловив запах спиртного, приблизился к другой двери, отделявшей его от улицы. Она тоже оказалась не заперта, и мгновение спустя он очутился под звездами.

Уверенным шагом Иисус двинулся прочь от селения. Он не собирался бежать и ведать не ведал, куда направляется. Мощеных дорог в здешних краях не встречалось, поэтому его шаги были неслышны, почти беззвучны.

Когда он преодолел какое-то расстояние — какое именно, Иисус не знал, — из темноты вынырнул человек, чье лицо скрывал колпак накидки.

— Господин, следуй за мной, — сказано было весомо, отнюдь не заговорщицким шепотом. — Ты освободился из плена, а я тебя укрою.

— Кто ты? — с недоверием спросил Иисус. — Я никуда не пойду, пока не увижу твое лицо.

Человек откинул колпак, явив тонкие, птичьи черты и подстриженную бороду, скорее римскую, нежели иудейскую.

— Зови меня Кверул. Я твой друг. — Заметив, что Иисус попятился, услышав римское имя, Кверул прибавил: — Еще слишком опасно называться

настоящим именем. Приходится быть осторожным. Идем.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Кверул вновь накинуд колпак и свернул на узенькую улочку. Иисус последовал за ним: поведение нежданного спасителя невольно заставляло подчиняться.

— Почему ты называешь меня «господин»? — спросил юноша, протискиваясь в проход столь узкий, что свободно пройти по нему мог разве что мальчишка-пастушок.

— Мне нравится видеть то, что может быть, а не то, что есть.

Иисус покачал головой.

— Тогда ты наверняка ошибся. Я никогда не буду владеть рабами и отдавать распоряжения слугам.

— Я имел в виду вовсе не это, господин, — отозвался Кверул со смешком. — Но если ты пойдешь быстрее, я, так и быть, перестану так тебя называть.

Он явно хорошо знал окрестности, передвигался скорым шагом, не мешкал на поворотах и не ждал, пока луна выглянет из-за облаков, чтобы рассмотреть дорогу. Иисус постепенно приходил в себя, и потому ему все чаще представлялся Иуда, запертый в тесной темнице.

— Мне надо вернуться, — произнес юноша.

— Ты скоро увидишь своих друзей. Обоих. Они исполнили то, что от них требовалось.

Вдруг Кверул взял Иисуса за руку. По всей видимости, они добрались до места. Кверул распахнул дверь приземистого строения, отличавшегося от окрестных домов тем, что изнутри доносился

пряный аромат сандалового дерева. Иисус остановился, и Кверул оглянулся на юношу.

— Мне знаком этот запах, — сказал Иисус.

— Да, жрецы жгут это дерево в храме. Только вообрази, сколько стоит такой костер. Впрочем, имея достаточно золота, и самого Бога можно превратить в дым.

Кверул усмехнулся. Он терпеливо ждал, пока Иисус соберется с мыслями. Близился рассвет, а перед рассветом, как известно, ночь холоднее всего. По пути сквозь лабиринт переулков Иисус не ощущал холода, но теперь внезапно понял, что продрог.

— Ты предлагаешь укрытие, и я принимаю твой дар, — сказал он, — но не могу забыть о тех, кого оставил. Пообещай, что вернешься за ними.

Кверул кивнул. Иисус тяжело вздохнул и переступил порог, влекомый сандаловым ароматом и теплом очага.

Иисус пробудился от долгого и глубокого сна и увидел, что солнце уже давно взошло. Молодая женщина вошла в комнату и поставила рядом с постелью ведро, наполненное водой, точно так, как делала каждое утро его мать. Иисус умылся, заметил в отражении, что шишка с головы исчезла, а когда ощупал голову, убедился, что не осталось даже шрама, как будто бы шишка и не появлялась.

Дом был достаточно просторным, имел несколько комнат, и пол был не земляным, а деревянным. Вместо тростниковых факелов комнаты освещались масляными лампами в изукрашенных золоченых подставках, а потолок в центральной комнате отсутствовал, так что возникало подобие римско-

го атрия. Здесь явно проживали люди с достатком. Иисус прошел в комнату, где за столом трапезничали четверо людей. Один из них, Кверул, тот самый патриций с орлиным носом, чей профиль напоминал изображения на римских монетах, обернулся. Все четверо выглядели вполне ordinarily, члены семьи, а не заговорщики. Мановением руки Кверул пресек вопрос, готовый сорваться с уст юноши.

— Еще рано. Перекуси с нами. Пора привыкать к новой жизни.

Кверул говорил столь же твердо и уверенно, как и прошлой ночью. Иисус присел рядом с ним, принял блюдо с пшеничными лепешками, маслинами, смоквами и сушеным мясом. Никогда в жизни ему не доводилось вкушать столь сытный завтрак. Заметив, как мало положил себе юноша, Кверул рассмеялся.

— Не стесняйся. Хоть ты из Назарета, голодать не обязательно.

Упоминание о родной деревне заставило Иисуса встрепенуться, а воздух в помещении словно затвердел, и прочие трапезничавшие, две женщины и мужчина, поднялись и вышли из комнаты.

— Они боятся, что их увидят рядом со мной? — спросил юноша.

Кверул покачал головой.

— Не совсем. Но принимать тебя под нашим кровом — честь сомнительная. И не смотри так, я не имею в виду, что это опасно. Тут тебе ничто не грозит.

По тому, как вел себя Кверул, Иисус решил, что это его дом. Другой мужчина — наверное, брат Кверула — был, вероятно, мужем одной из жен-

щин, а другая, скорее всего, приходилась женой самому Кверулу. Продолжая размышлять, Иисус позавтракал и запил еду вином, подслащенным медом и разбавленным водой.

— Почему дверь тюрьмы оказалась открыта?

— Считай это знаком — или стечением обстоятельств. Тебе ли рассказывать, как мыслят иудеи? Разве не об этом толковал твой слепой друг Исаак? — Иисус приподнял бровь, но Кверул пренебрежительно отмахнулся. — Я не собираюсь говорить загадками. Мы знаем Исаака, а через него узнали о тебе. Оставалось лишь тебя отыскать.

Иисус криво усмехнулся.

— И чем же я так важен?

— Не все сразу, если не возражаешь. — Кверул встал из-за стола. — Если насытился, я хочу кое-что тебе показать.

Иисус кивнул. Он чувствовал себя на удивление бодрым и сильным. Ни следа лихорадки, ни намек на слабость в ногах. Исцеление, должно быть, было частью того же чуда, которое вывело его из темницы, а потому не стоит задаваться лишними вопросами. Вдобавок Кверул и его товарищи, похоже, привыкли к чудесам.

Мужчины вышли из дома. Был почти полдень, и улица наполнилась народом. Кверул споро зашагал куда-то, обгоняя прохожих и ловко уворачиваясь от повозок, и юноша последовал за ним.

— Нам вон туда. — Римлянин указал пальцем вперед. — Что ж, задавай вопросы, но не все сразу. Торопиться ни к чему, времени у нас много.

Прямо сейчас вопросов у Иисуса не было. Его спаситель вел себя не менее самоуверенно, чем Иуда, из чего следовало, что Кверулу нужны по-

мощники. При этом римлянин назвал его «господином».

— Я хочу увидеть родных, — промолвил задумчиво Иисус. — Ты можешь привезти их из Назарета? Кверул дернул плечом.

— Опасно. Я этим утром отправил весточку Исааку, он передаст твоей матери, что ты цел. Это все? Я думал, у тебя полно вопросов.

Они миновали последний дом на улице и ступили на поле, где среди изобилия сорняков пробивались редкие стебли ячменя. Иисусу почудилось, что он слышит в отдалении перезвон колокольцев.

— Мы почти пришли, — заметил юноша.

— Точно. — Лицо Кверула выразило легкое недовольство. — Раз ты не спрашиваешь, скажу сам. Мы не повстанцы и не фанатики. Нас можно назвать наблюдателями, особого рода. Мы наблюдаем глазами Бога. По-твоему, такое возможно? — Не дождавшись ответа, Кверул усмехнулся. — Не притворяйся, ты и сам так делаешь.

Звон сделался громче, а когда они перевалили через невысокий холм, Иисус увидел, откуда идет звук. По полю за холмом двигалась свадебная процессия. Жених и невеста шли под белым полотном, которое держали четверо мужчин, и на лодыжках невесты звенели браслеты с колокольцами. Кверул кивнул в сторону процессии.

— Нам с ними по пути. Но лучше, пожалуй, пропустить их вперед. Будем уважать таинство.

Он не объяснил, что в свадьбе тайного, а Иисус неожиданно сообразил, что не видит гостей — только брачующиеся и те четверо, что несли полог. Что за диковинка? Ни гостей, ни праздника? Пожалуй, и вправду лучше подождать.

Под знойным полуденным солнцем они прошли еще какое-то расстояние, и скудные поля сменились лесом, в который и нырнула свадьба. Когда глаза привыкли к лесному полумраку, Иисус разглядел, что между деревьями вьется утоптанная тропа, то есть продираться через кустарник не придется. Вскоре Кверул взял юношу под локоть и потянул.

— Ни звука, — произнес он негромко. — Молчи и смотри.

Тропа внезапно оборвалась, свадебная процессия куда-то исчезла. Но колокольцы продолжали звенеть — правда, недолго.

— Гляди.

Кверул раздвинул ветви, и Иисус увидел лесную поляну. Все участники процессии встали на колени прямо на ковре из сосновых иголок, а перед ними — перед ними стоял мальчик лет тринадцати или четырнадцати, странного вида, облаченный в алое и с полудюжиной мезуз на шее. Длинные волосы ниспадали ему почти до пояса и были заплетены в тугие косы.

Иисус не успел еще осознать, что именно он видит, как мальчик пронзительно вскрикнул и что-то невнятно забормотал. Это была молитва, вот только слова произносились очень быстро, словно одно догоняло другое. Жених и невеста тоже принялись бормотать, столь же быстро, но тоном ниже.

Мальчик закружился на месте, вскидывая руки, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, и продолжал при этом бормотать молитву. Потом, не переставая кружиться, сунул руку за пазуху и извлек нечто, похожее на черную веревку. Та вдруг зашевелилась, поползла вверх по руке мальчика.

Жених и невеста замолчали, их глаза изумленно расширились.

— Гадюка, — шепотом пояснил Кверул.

Мальчик, похоже, ничуть не страшился ядовитого аспида. Он воздел в воздух руку, вокруг которой обвилась змея. Невеста побледнела, догадываясь, что должно случиться. Мальчик замер, потом приблизился к девушке, белки его глаз сверкали.

— Господь, надели семенем своим сей сосуд, эту женщину, дабы обрела она благодать.

Быстрым движением он прижал голову змеи к животу девушки, надавил, и змея укусила несчастную. Девушка с тихим стоном опустилась на траву. Мальчик повернулся к жениху и носителям полога, которые безуспешно пытались справиться со страхом.

— Не пугайтесь. Господь превратил яд в мед.

На мгновение все застыли. Потом невеста шевельнулась, ее рука поползла к лицу, а мгновение спустя девушка резко села. Мужчины облегченно загомонили, обступили мальчика, который теперь выглядел как обычный мальчишка. Жених хлопнул его по спине.

— Ну что, сын? Когда наступит срок, у нас будет сын?

Мальчик утвердительно кивнул. Невеста уже полностью пришла в себя. Жених обнял девушку, кто-то принес вино.

— Достаточно, — сказал Кверул. — Пойдем.

Когда они очутились достаточно далеко от свадьбы, римлянин поведал:

— И так каждую седмицу. Люди простые, не подозревают, что у змеи вырваны зубы.

— А что, если родится не сын? — любопытствовал Иисус.

Кверул пожал плечами.

— Виноватой окажется женщина. Если не повезет, ее обвинят в измене, и все закончится очень плохо — для нее.

Станный обряд никак не изглаживался из памяти. На лесной опушке Иисус спросил:

— И зачем ты меня сюда привел?

— Мальчик — это ты. Не настоящий, конечно, но все равно ты.

— Безумие.

— Разве? — Кверул остановился на краю поля и бросил взгляд на небо. — Сумей Иуда использовать тебя подобным образом, он бы так и поступил. Более того, он уже начал готовиться. А когда сообразит, что ты ушел из тюрьмы, и увидит тебя исцеленным, кто знает, что он напридумывает? Спасение не всегда затрагивает душу. Оно может стать отличным поводом к действиям, и такой повод Иуде как раз необходим.

Каждое слово усиливало растерянность Иисуса.

— Я бы не стал обманывать людей, как этот мальчишка. Похоже, тебе известно, что нужно от меня Иуде. А чего хочешь ты сам?

— Сейчас расскажу. Каждое общество жаждет спасителя. Уж так устроены люди. Им потребно сверхъестественное существо, способное отвести все беды и невзгоды. Скорбь, болезни, нищету. Думаешь, твоя мать не о том молится?

Упоминание о матери заставило Иисуса закусь губу.

— Продолжай, — буркнул он.

— Чтобы стать спасителем, — изрек Кверул, — достаточно познать два предмета — человеческую природу и время, в котором тебе выпало жить.

Юноша нахмурился.

— Ты говоришь, как Иуда. Я не позволю вам окрутить меня.

— А если ты ошибаешься и его хитроумная ловушка уже захлопнулась?

Иисус отвернулся. Не имеет значения, откуда Кверул узнал о неудавшемся мошенничестве в храме; главное — разобраться в другой, куда более важной загадке. Почему Кверул заботится о нем, Иисусе? Что заставляет его опекать неграмотного бродягу из северной деревушки?

Кверул как будто прочитал мысли юноши.

— Тебе нужно было увидеть того мальчишку в лесу, — сказал римлянин. — Он не тот, за кого себя выдает, однако людей гонит к нему истинный голод, тоска по чуду. Люди голодают, но собирают последние монеты, чтобы ему заплатить. А он отдает монеты отцу, который ловит змей и заправляет этим постыдным зрелищем. Они путешествуют от селения к селению. И везде находят радушный прием.

— Я-то тут при чем?

— Мы все при чем, — отозвался Кверул, ничуть не смущенный раздраженным тоном Иисуса. Передохнув всего миг-другой, он потянул юношу дальше. — Идем.

Мгновение спустя они уже двигались через поле.

Иисус не испытывал желания спорить. По крайней мере половина из сказанного Кверулом представлялась истиной. Самозванные спасители прятались повсюду, куда ни посмотри. Далекое не всем

хватало нахальства объявлять себя мессиями, и потому они назывались магами, ребе-чудотворцами или целителями веры. В детстве Иисус восторгался их фокусами, но однажды Иосиф и Мария объяснили ему, что Господь отличает тех, кто действует его именем, от мнимых чудаков. Родители не упомянули, правда, как именно Бог отличает одних от других, а спросить Иисус забыл. Когда римляне стали преследовать чудаков, число целителей и заходящих ребе резко сократилось. Римские законы приравнивали ложные чудеса к призывам к восстанию: дескать, таким образом мятежники пытаются задурить головы невежественным крестьянам.

На окраине селения Иисус вдруг спросил:

— Кверул — необычное имя. Что оно означает?

— «Тот, кто жалуется».

— И ты таков? — Юноша не ожидал встретить человека, который станет гордиться подобной чертой характера. Ее обычно скрывают.

Кверул пожал плечами.

— Мы принимаем имена, отражающие состояние души. Что-то вроде тайного кода. Моя душа жалуется на то, что заключена в мире страданий. А твоя?

— Тоже. — С ответом на этот вопрос юноша не затруднился. — Если я останусь с вами, какое имя мне дадут?

— У тебя уже есть имя — «Господин». Ты просто не желаешь его принять.

Иисус не ответил. Ему вдруг вспомнилось, как утром Кверул рассуждал о новой жизни — словно беглец давным-давно присоединился к «наблюдателям». А он присоединился? Отстраненность, с

какой он взирал на события вокруг, сохранялась. Убегать Иисусу вовсе не хотелось. Какая разница, где быть, если покоя не найти во всем мире?

Глава 8. Четвертый

Следующие несколько дней напоминали своего рода безмолвное посвящение. Соратники Кверула, похоже, желали лично оценить новичка. Они приходили поодиночке, будто робкие животные, отважившиеся наконец выбраться из нор. Во всем они видели подвох, и Иисусу подумалось, а не угодил ли он невзначай, вопреки уверениям Кверула, в центр очередного заговора.

Двое пожилых тачальщиков обуви, чьи руки потемнели от дубильных веществ, а пальцы скрючились, точно кожа, с которой они работали, только что покинули дом Кверула. Во время беседы они беззастенчиво разглядывали Иисуса, словно тот был ручной обезьянкой, а когда это занятие им наскучило, стали посматривать в окно.

Что до самого Кверула, юноша не встречал еще римлянина, который сумел бы настолько сжиться с иудейскими обычаями. Пока Кверул не удосужился объяснить, чего все-таки добивается и какими средствами. Над теми, кто приходил к нему в дом, он открыто, даже с некоторым презрением посмеивался и частенько приговаривал: «Дух крепок, зато все остальное, увы, никуда не годится».

Немногие патриции дерзали, подобно Кверулу, жениться на иудейке. Его жену звали Ревекка, а Кверул не упускал случая напомнить, что сам царь Ирод — не иудей по рождению, но стал таковым

благодаря женитьбе. «Это было полезно ему, и это полезно мне», — подробнее он объяснять отказывался. Если у Ревекки и имелись сомнения по поводу замужества за римлянином, она предусмотрительно хранила их при себе. Женщина занималась домашним хозяйством и как будто не замечала любопытствующих взглядов Иисуса. Как юноша и подозревал, она делила дом со своей младшей сестрой Наомией и мужем той Иаковом. Этот человек не занимался ничем полезным и проводил целые дни в задней комнате, читая Тору.

В доме Кверула царили тишина и покой, вот только Иисус никак не мог успокоиться и каждый вечер ложился спать с мыслями об Иуде и Марии. Он понимал, что самостоятельно их ни за что не найдет, а семейство Кверула практически не выходило наружу, предпочитая вести уединенную жизнь за закрытыми ставнями; двери дома открывались лишь для того, чтобы впустить очередного нервозного посетителя из числа знакомцев хозяина.

— Кто они такие? — спросил Иисус, рассчитывая получить развернутый ответ. Он не знал, что это за люди, пускай Кверул уверял, что они наблюдают и ждут.

— Они словно пауки, — отозвался Кверул, — плетут паутину, по которой передают весточки. Никто и ни в чем их не заподозрит, а истинные наблюдатели пока в тени. Ты встретишься с ними, когда они сочтут нужным. Они появляются по своему разумению.

— А чем они занимаются, эти истинные?

— Служат Богу.

— Как?

— Молятся день и ночь о приходе спасителя.

Больше не было сказано ни слова. Иисус по-морщился: он не хотел оказаться в паутине, пусть даже угодной Богу. Безымянная компания Кверула ничуть не напоминала известные ему секты, наподобие zelотов или фарисеев. Никаких особых ритуалов и молитв, никаких возражений против того, чтобы он соблюдал привычные для него обряды. Разве что Ревекка, которую в доме называли Ривкой, и Наомия трижды в день совершали омовения, да после изобильного завтрака в первый день прочие приемы пищи были намного скуднее и проще.

Поток посетителей иссяк столь же внезапно, как и начался. Как-то Ривка зашла в комнату Иисуса и молча протянула ему сложенную одежду.

— Зачем? — удивился юноша. — Мне есть в чем ходить.

Ривка, не проронив ни слова, повернулась и вышла, а Иисус задумчиво поглядел на белоснежную, затейливо расшитую рубаху. По-видимому, он выдержал испытание. К следующему приему пищи юноша вышел в подарке, чем очевидно польстил Кверулу: тот налил себе воды — никто в доме не пил вина — и вдруг принялся излагать историю своей жизни.

Его настоящее имя было Квинт Туллий, он родился в семье римского гражданина, который играл с судьбой с того самого мгновения, как за ним захлопнулись ворота Рима, и вовлек в эту игру собственное семейство. Сыну он не рассказывал, почему покинул Вечный город, но его жена Луцилия плакала, когда среди ночи будила семилетнего Квинта. Мальчик, увидев слезы матери, перепугался. Они покинули город, пряча лица под капюшо-

нами, а перед рассветом уже очутились в порту Остия, где их ожидала галера со спущенными сходнями. Малое время спустя галера оставила порт и двинулась на восток, а семейство Туллиев устроилось на ее носу.

— Какой закон нарушил твой отец? — спросил Иисус.

— Он не просто нарушил закон, — ответил Кверул. — Он потратил чужие деньги и не смог их вернуть.

От разъяренных кредиторов и их рабов, которые, если так велел хозяин, убивали без пощады, семейство укрылось в Сирии. Став старше, Квинт выяснил, что его отец спекулировал пшеницей, которую доставляли из Египта, и пострадал, когда груз нескольких кораблей поели долгоносики. Туллий-старший обоснованно подозревал, что пшеницу заразили еще до отправки. После того как семейство обосновалось в Антиохии, отец Квинта во всех, с кем встречался, стал видеть врагов и мало-помалу сделался затворником.

— А теперь и ты таков, — заметил Иисус.

— Нет, мы не прячемся в доме, — возразил Кверул. — Мы просто выжидаем, и скоро ожидание может закончиться. — Как обычно, Кверул изъяснялся загадками, но на сей раз, вопреки обыкновению, он не закончил беседу, а продолжил свое повествование. Отец Квинта утверждал, будто враги, несмотря на все предосторожности, таки сумели до него добраться: его тело покрылось диковинными пятнами, руки и ноги отекли и раздулись без всякого повода, а однажды его обнаружили на полу бьющимся в судорогах. Хворь усиливалась, и он вынужден был обратиться к местным

целителям: в Сирии хватало римских врачей, но большинство из них проживали в гарнизонах, и старший Туллий опасался, что любой врач выдаст его проконсулу, а тот велит отправить растратчика в Рим.

Когда на пороге дома начали появляться подозрительные личности, Квинту исполнилось девять. Мальчик запомнил сутулую одноглазую старуху, повсюду развесившую амулеты, семейство травников в звериных шкурах и бесчисленное множество гадателей, по внутренностям цыплят обещавших точно назвать болезнь, подтачивавшую здоровье старшего Туллия.

Отец на глазах Квинта жадно выслушивал очередного целителя, выпивал бочонки вонючих настоек и принимал ванны в грязи с берегов Иордана и в воде из священного источника Эфеса.

— Он боялся солнечного света, от солнца у него сразу начинала болеть голова, и наш дом превратился в настоящую пещеру, в которой вдобавок изрядно пованивало серой, — рассказывал Кверул.

Но однажды мальчика разбудил луч солнца, ударивший ему в глаза. Он вскочил с постели и побежал в выложенный мрамором триклиний, где семья многие месяцы завтракала, обедала и ужинала, причем отец ни разу не выходил из своей комнаты. А теперь — он сидел во главе стола, в круге света, и жадно уплетал баранину с чечевицей.

Его, буквально за одну ночь, вылечили иудеи. Не травами, не амулетами, не грязью, но молитвами к своему Богу с просьбой изгнать демона, овладевшего телом старшего Туллия. Чудесное избавление случилось как нельзя более вовремя — средства почти иссякли, — и отец Квинта преис-

полнился уверенности в себе и дерзости. Он сумел договориться с командиром гарнизона и подрядился поставлять провиант: лук, чеснок, оливковое масло и тому подобное.

— Он сошелся с иудеями и стал с ними сотрудничать. Те ему доверяли и потому не считали нужным обманывать, как других римлян. — Кверул усмехнулся. — Его прозвали «помазанным язычником».

Вскоре Туллий купил прибрежную виллу, Квинту наняли лучших учителей, а летом того же года прибыл корабль из Македонии. Его привели в порт пятеро изможденных моряков, исхудавших настолько, что кости едва не пропарывали кожу. Кормчий и другие члены команды лежали на палубе, их тела, обожженные солнцем, облепили мухи. Так в Антиохию занесли чуму, которая за месяц выкосила население города и погубила семейство Туллия. На глазах Квинта умерли сначала мать, потом отец, а сам мальчик, закутанный в тряпье, пропитанное камфарой, спрятался в погребке и сумел выжить.

— Отец, по счастью, на новом месте вел дела осмотрительно, так что мне досталось неплохое наследство. Все считали, что я вернусь в Рим, где жили дедушки и бабушки. Но в антиохийском порту я понял, что не могу вернуться. Той же ночью мне привиделся сон, — Кверул вздохнул, — и все, что с тех пор случилось в моей жизни, произошло в точности, как привиделось.

Он задумчиво провел пальцами по новой рубашке Иисуса. На его лице застыло мечтательное выражение, а из-под привычного патрицианского высокомерия словно рвались наружу истинные чув-

ства. Обычно Кверул никогда не терял дара речи, но сейчас он пробормотал с запинкой, будто ему не хватало слов:

— Я... Мне... Вот и все. Остальное за тобой.

Иисусу надоели загадки.

— Я знаю, почему ты ничего толком не объясняешь, — произнес юноша, и Кверул вопросительно приподнял бровь. — Ты такой же, как прочие, как те, что, вроде воров, пробираются в этот дом. Ты чего-то ждешь от меня, но никак не отделаешься от подозрений. Ты боишься сказать слишком много; а вдруг я заманю тебя в ловушку...

— Ловушка — ложная надежда, — бросил Кверул, лицо которого вытянулось.

— Расскажи мне свой сон, — попросил Иисус.

— Нет, — ответил Кверул, — я тебе его покажу.

Он провел Иисуса в задние комнаты. Эти помещения явно пристраивали к дому на протяжении многих лет, словно новые коридоры в муравейнике, и каждая комната была темнее и прохладнее предыдущей. Для кого все это строилось — ведь у Кверула не было ни детей, ни бедных родичей, живших с ним под одной крышей? Последние несколько комнат вообще не имели окон, и Кверул прихватил по пути масляную лампу.

— Вообще-то здесь должны укрываться женщины в нечистые дни, — пояснил Кверул. — Варварство.

Он остановился перед запертой дверью и принялся искать ключ. Иисус ожидал, что крайняя комната будет самой маленькой, но помещение оказалось просторным и светлым, благодаря широкому окну. За окном раскинулся сад — зеленые пальмы, кусты жасмина и журчащий фонтан.

Кверул усмехнулся его удивлению.

— Наш тайный рай. Но мой сон был не об этом.

Он подождал, пока глаза Иисуса привыкнут к свету, а затем указал на стул у стены, покрытый куском парчи.

— Подними и сам увидишь.

Иисус потянул за край полотна. Стул был вырезан из сандалового дерева, аромат которого смешивался с тяжелым запахом жасмина. На бархатном сидении лежало нечто поразительное — золотой венец.

— У кого ты его украл? — прошептал юноша. Венец точь-в-точь походил на тот, в котором был отчеканен на монетах профиль Ирода Антиппы: золотой обруч, толстый и увесистый, опоясанный драгоценными камнями. Впрочем, присмотревшись, можно было заметить, что налобный камень отсутствует.

Кверул скорчил гримасу.

— Измены я не совершал. Это копия. Ее выковали по моей просьбе в Антиохии. Можешь дотронуться, если хочешь.

Хотя прежде ему не доводилось видеть ничего столь роскошного, Иисус не торопился последовать совету хозяина дома. И вовсе не из-за того, что на память пришел отравленный терновый венец. Нет, что-то внутри запрещало ему прикасаться к драгоценности.

Кверул сам взял венец, погладил самоцветы, будто это помогало ему оживить воспоминания.

— Я сбежал от наставника, которому поручили доставить меня в Рим, и тайком возвратился в родительский дом. На пороге сидела старая служанка, она заламывала руки, оплакивая свою участь,

потому что ей некуда было уйти. Я пообещал не прогонять ее, если мы сумеем продать часть сокровищ и найдем для меня укрытие.

Ту ночь я провел в душной комнатухе на задворках Антиохии. Хотя родители умерли меньше месяца назад, я их почти не вспоминал, предвкушал то, что мне предстояло. Знаешь, пожалуй, я испытывал что-то вроде религиозного благоговения, неподобающего римлянину. Понятия не имею, откуда оно взялось. Я лежал на грязном полу и чувствовал, что тело готово разорваться от охватившего меня восторга. Он приближался — так говорили мне мои чувства.

Но ничего не происходило. Около полуночи я заснул — то ли надолго, то ли на мгновение — и пробудился от света в глаза. Смятенный, но обрадованный, я вскочил и распахнул окно. Это был не свет небес, а отблеск пожара, охватившего весь квартал! Пламя потянулось к открытому окну, я поспешно отскочил, чтобы не сгореть заживо, и кинулся к двери.

В полумраке я не заметил человека, стоявшего у стены, но он загородил мне путь к спасению. Прежде чем я успел открыть рот, он произнес: «Посмотри снова». Его голос был на редкость спокоен, и мой страх сгинул. Я повернулся к окну, и мой взор вдруг чудесным образом расширился. Я видел весь город, охваченный пожаром, а далее огонь растекался по земле до самого горизонта. «Мир горит», — сказал я.

И тут меня словно осенило. Я обернулся к незнакомцу, облаченному в белую тогу; на голове у него был золотой венец. «Сделай что-нибудь!» —

воскликнул я, в полной уверенности, что ему, и только ему, под силу спасти мир.

Он покачал головой и произнес: «Мое время еще не наступило. Но обо мне уже знают. Смотри и жди. Готовься».

От него исходила такая волна любви, что я потянулся обнять его, куда искреннее, чем когда-либо обнимал мать или отца. Но мои руки не обвили его тело, они сомкнулись в воздухе. В следующий миг я пробудился, вспомнил свой сон, бросился к окну и распахнул ставни. Снаружи было темно и безлюдно, я лишь спугнул двух бродячих кошек, глодавших полусъеденную крысу.

Когда Кверул закончил рассказ, в комнате установилась тишина. Потом Кверул встрепенулся и сказал:

— Да ты дрожишь!

Иисус не стал отрицать очевидного — его руки тряслись, а с лица сползла всякая краска.

Кверул медленно протянул юноше венец.

— Дотронься. Я не умру, пока мой сон не превратится в явь.

Иисус осознал, что белая рубаша, подаренная ему, — первый шаг к исполнению сна, а венец — второй.

— Что, если твой сон меня погубит? — тихо спросил юноша.

— Нет, не сможет, — откликнулся Кверул.

Его взгляд сделался умоляющим, а когда Иисус попятился, он прибавил:

— Ты знаешь, что мир горит, верно? Я не мог полностью ошибиться в тебе.

Неохотно, почти против воли, Иисус кивнул.

Заметив, что юноша не только дрожит, но и весь взмок, Кверул сдался. Он положил венец обратно на сидение и накрыл его отрезом парчи. Потом указал Иисусу на масляную лампу — мол, не заблудишься — и вышел из комнаты. Час спустя, когда юноша вышел в триклиний, они не обменялись ни словом.

Домочадцы Кверула наверняка заметили, что Иисус по-прежнему в белой рубахе, но вслух ничего не сказали. А на следующий день Иисус сбежал.

Единственное, что Иисус сделал, — это покинул дом и вышел на грязную, бурлящую улицу. Но впервые в жизни он остался в полном одиночестве. Его окружали чужие лица, всякая стена виделась непреодолимой преградой. Он не знал ни где находится, ни куда собирается идти. Возвращаться в Назарет было, пожалуй, опасно, и только это ему было известно наверняка.

Но оставаться у Кверула он больше не мог. Ни за что! Высокомерный старый римлянин заразился иудейской хворью — верой в знаки и предзнаменования. Не в силах справиться с невзгодами повседневной жизни, он стал искать божественные знамения, некий знак от Бога, гласящий: «Я понимаю. Я гряду». Закрывая за собой дверь, Иисус раздумывал, что лучше было сказать хозяину — «Прости» или «Мне тебя жаль». Пройдя по улице, он сообразил, что должен был сказать Кверулу просто: «Никто не грядет».

Юноша старался держаться тенистой стороны, переходя от одного скопища убогих глинобитных домишек к другому. В тени его ослепительно бе-

лая рубаха не так бросалась в глаза, но встречные все равно оборачивались.

Он не поверил сну Кверула, однако рассказ римлянина запомнился. Когда Кверул вышел из комнаты, Иисус постоял у накрытого парчой стула. Да какой стул — алтарь! Здесь Кверул поклонялся своим грезам...

Миновал полдень. Иисус остановился у родника, вокруг которого сложили каменную емкость, и произнес, глядя перед собой:

— Если ты за мной следишь, давай передохнем.

Юноша напился воды и присел, опершись спиной о камень. Коли за ним и вправду следят, пусть видят, что он голоден. К роднику приблизился какой-то старик, ведя в поводу ослицу. Старик кивнул, то ли просто так, то ли со значением — Иисус не разобрал, слишком мимолетным было движение. Вполне возможно, это один из тех, кто навещал дом Кверула. Иисус чуть было не заговорил со старцем, но сдержался.

Пригревшись на солнце, юноша задремал. Прошли часы. Его разбудил скрип колес повозки. Солнце клонилось к закату, и работники постепенно возвращались с полей под защиту городских стен. Проходя мимо родника, они умывались и бросали на Иисуса исполненные подозрения взгляды.

— Брат, тебе показать, как выйти обратно на дорогу? — наконец спросил один из них, широкоплечий, почти черный от солнца. Его мышцы перекачивались под кожей как туго натянутые веревки.

— Мне бы поесть и переночевать, — смиренно произнес Иисус, поднимаясь. Суставы затекли, он с трудом разогнулся.

— Ну, тут ты ничего не найдешь, — разочаровал его работник.

Под пристальными взглядами Иисус двинулся дальше.

Враждебность местных его нисколько не удивила. Стоило открыть рот, как по выговору стало ясно, что он — пришлый; его вполне могли схватить, вывалить в пыли или сдать римскому дозору. Хорошо, что обошлось.

Иисус опустил голову и продолжил путь. Некоторое время облачка пыли, вырывавшиеся из-под его сандалий, сделались гуще. Значит, дорога близко. Над головой юноши пролетела какая-то птица, лучи закатного солнца чудовищно удлиннили ее тень. Иисус проследил за тенью: на крыше придорожной хижины сидел мрачный ворон. Птица находилась, потом распушила свои иссиня-черные перья, но улетать не спешила. Почему-то юноше вспомнился Иуда. В последние несколько дней они с Марией как-то изгладились из памяти. А теперь, по неведомой причине, Иисус понял, что должен забыть о своих товарищах и странствовать в одиночку. Пожалуй, та же самая иудейская хворь — знаки и предзнаменования — заставляла их ожидать слишком многого, чего он никак не мог дать. Нужно найти место, где эта зараза не успела распространиться, а найти такое место способен лишь одинокий человек.

Когда бы ни прихоть судьбы, дальнейшую часть истории скрыла бы пелена забвения. Неожиданно накатившая волна зноя вынудила Иисуса поднять голову. Казалось, сумерки вдруг сменились жарким полднем. Впереди он увидел группу людей, оживленно что-то обсуждавших:

они спорили, размахивали руками, тыкали пальцами, потом куда-то побежали. Стоявший на отшибе дом частично загорался, и Иисусу солнце, и этот дом выглядел каким-то размытым в лучах заката. Внезапно юноша понял, что дом охвачен огнем, а в свете заходящего солнца языки пламени попросту не заметны.

Мимо пробежали мужчины с ведрами, полными воды. Донеслись женские причитания. Родника поблизости не было, дом возвели чересчур далеко от селения. Кто-то выкрикнул имя, потом другое. Местные пытались отыскать тех, кто жил в доме, и мало-помалу убеждались, что люди внутри, а не отзываются потому, что задыхаются в огне и дыму.

Иисус опустился на колени посреди дороги, зачарованный зрелищем. Мужчины с ведрами то и дело налетали на него и глухо бранились. Перед мысленным взором юноши возник дом в Назарете, подожженный римлянами вместе с оставшимися внутри родичами Исаака. Сон Кверула начал оборачиваться явью.

Но не эти мысли вынудили его замереть, нет. Иисус слышал, как люди внутри дома зовут его.

Он будто обрел способность проникать взглядом сквозь стены и увидел мать с двумя дочерьми. Они забились в угол, слишком далеко от окна, чтобы выбраться наружу, отделенные от спасения огнем, который облизывал стены и тянулся к стропилам. Иисус слышал их голоса, призывы, обращенные вовсе не к отцу семейства — тот порывался броситься в пламя, но его держали трое других мужчин, а он рвался и рвался вперед, заламывая руки и истошно крича.

Иисус! Иисус!

Оказавшиеся в огненной ловушке повторяли его имя. На мгновение юноша прислушался к себе. Он ждал приступа страха, но тот не приходил. И Иисус осознал, что место, которое он искал, место, где не распространилась зараза, средоточие чистоты, прямо перед ним.

Пламя.

Поднявшись, он решительно двинулся в огонь.

— Эй, стой! Ты что, спятил?

Крики долетали будто издалека. Пожар охватил уже весь дом, и люди невольно попятились. Никто не попытался схватить чужака, как перехватили безутешного отца семейства. Иисус улыбнулся — не потому, что ощутил близость смерти или что жар заставил сократиться лицевые мышцы, а потому, что перед его глазами возникла иная картина.

Он увидел троих отроков в огненной печи, поющих хвалу Господу. Иисус не помнил, с какой книге Писания о них рассказывается, да и саму историю припоминал смутно. Злобный царь повелел бросить трех неразлучных друзей в пылающий зев печи. Но вместо того чтобы сгореть дотла в мгновение ока, отроки стояли в печи, пели и смеялись. В детстве Иисус несколько дней повторял нараспев их имена — Шадрах, Мешах, Аведнего. В пять лет такие имена запомнить нелегко, и он весьма гордился собой, когда ему это удалось.

Сейчас он повторил напев, гадая, увидит ли его душа Назарет перед тем, как отправится в рай.

Шадрах, Мешах, Аведнего.

Женщины дружно завопили, когда чужак в ослепительно белой рубахе ступил в пламя. Он миновал дверной проем, как раз когда обвалилось

первое стропило, которое уже не поддерживали сгоревшие стены. За этим стропилом последовали другие, и огонь взметнулся к небу, словно вырвались на волю демоны.

Вскоре юноша вышел обратно, укрывая накидкой мать и двух дочерей, точно горлица, защищающая птенцов. Среди сбежавшихся на пожар не он один помнил предание об отроках в огненной печи. Люди принялись перешептываться, а на пиру в честь чудесного спасения семейства — ни мать, ни дочери ни обгорели, хвала Господу — об этом заговорили во весь голос.

За столом, за которым сидел местный ребе, историю излагали, конечно же, во всех подробностях. В правление царя Навуходоносора благороднейших сынов Израиля схватили и привели в Вавилон. Среди них были Даниил и трое его друзей, к которым относились с уважением. Их наставляли в чужеземных обычаях — быть может, посвятили даже в таинства магов — и научили поклоняться чужим богам.

Но когда Навуходоносор возвел идола и объявил, что все в городе должны склониться перед ним, не важно, слушают ли они цитры, флейты или кифары, — трое друзей отказались. Царь разгневался и повелел построить печь и заживо сжечь в ней непокорных. В назначенный день печь разожгли в семь раз горячее обычного, настолько, что воины, кидавшие осужденных в огонь, сами изжарились.

Некоторое время спустя царь приказал открыть дверцу печи, но когда он заглянул внутрь, Шадрах, Мешах и Аведнего были живы и ходили в пламени. Царь преисполнился благоговения и тут же их отпустил.

Все в деревне знали это предание, однако ребе прибавил к рассказу такую подробность.

— Когда печь открыли, в ней было четверо, но посадили туда лишь троих. Вот так.

Ребе припал к кувшину с вином и взмахом руки велел своей жене принести еще одно блюдо с жареным седлом козленка. День выдался необыкновенный, и во славу Господа надлежит его отпраздновать.

— Писание гласит, что этот четвертый не был обычным человеком, а выглядел как сын Божий.

Позднее, подвыпив, ребе распорядился развернуть священные свитки и нашел нужное место в книге пророка Даниила. Его глаза увлажнились.

— Не думаю, дети мои, что нужно пояснять, почему я это вспомнил. Неужели вы сомневаетесь, кто именно вышел из огня сегодня? Трое — и с ними четвертый. — Он многозначительно помолчал, и его слова повисли в воздухе. Трое — и четвертый.

Об этом чуде ребе помнил до самой кончины, а после его смерти о том же рассказывали его сыновья и сыновья сыновей.

Глава 9. Второе рождение

Войти в огонь оказалось легко. Тело не противилось, лишь мелко задрожало, когда жар усилился. Глядя в пламя, Иисус услышал голос: «Сын мой...»

Казалось, голос исходил из огня, звал и манил, чуть громче шелеста, с каким сгорает сухая листва. Юноша пошел на шепот, и с каждым шагом жар ослабевал, пусть ветер раздувал пламя и трепал волосы.

«Сын мой...»

Эти два слова его защищали. В очаг пожара он вступил в твердой уверенности, что ему ничто не грозит.

Женщина и ее дочери, забившись в угол, судорожно пытались дышать через свои черные шерстяные платки. Видны были только глаза, широко раскрытые, наполненные ужасом. Иисус никогда еще не видел людей, настолько напуганных близостью смерти. И тут он понял, что женщина и девочки испугались не огня, а его самого. Младшая из девочек, когда он взял ее на руки, протянула руки к матери.

— Мама, не отдавай меня! Он меня убьет!

Женщина, полузадохнувшаяся, перепуганная, позволила Иисусу обнять всех троих. Он сделал шаг, другой, и вскоре все очутились снаружи. Люди вокруг дома попятились, ведра с водой попадали наземь, безутешный муж выкрикнул имя жены. Та бросилась в его объятия, волоча детей за собой, а на Иисуса лишь боязливо посматривали. Во многих взглядах читалось благоговение. И все молчали, лишь рыдало воссоединившееся семейство. Как ни странно, Иисусу больше всего хотелось пойти дальше по дороге, как он шел до того, как увидел пылающий дом.

Ему пришлось проталкиваться сквозь толпу. Он смотрел прямо перед собой, по сторонам не глядел. И тут диковинное оцепенение спало. Люди зашумели, закричали, к Иисусу потянулись руки, и уклониться не было ни малейшей возможности. Юноша покрепче обхватил себя за плечи, чтобы не лишиться накидки. А местные рвались прикоснуться к чуду, оторвать кусочек, чтобы сохранить как святыню.

Иисусу бросилось в глаза, что одна рука выглядит суше и дряхлее прочих. Это оказалась рука согбенной, убеленной сединами старухи.

— У тебя есть хлев? — спросил Иисус, сам не зная почему. Старуха кивнула. — Веди.

Он легко дотронулся до руки старухи, и на лице женщины отразилось изумление. Она закричала что-то на местном наречии, замахала руками, отгоняя остальных. Что бы ее крик ни значил, местные отступили, и старуха повела Иисуса в сторону от дороги. По пути она не переставая бормотала себе под нос и потрясенно разглядывала собственную ладонь. По узкой тропинке они пересекли небольшое поле, и за купой кипарисов Иисус увидел небольшой хлев.

— В дом не зайдешь? — Старуха пристально поглядела на Иисуса и указала на опаленный солнцем домик за хлевом.

Юноша покачал головой и вошел в прохладную тень хлева. Старуха благоразумно осталась снаружи. Всем известно, что по воле Божьей ангел жизни может обернуться ангелом смерти.

Внутри воняло навозом. Появление чужака заставило заблестеть нескольких овец. Когда глаза привыкли к темноте, юноша различил двух маток с новорожденными в отдельных загонах. Осмотрительная владелица, как положено, выдерживала ягнят несколько дней, прежде чем выпустить на пастбище. Приставная деревянная лесенка вела на настил, где хранили сено. Он взобрался наверх, улегся на остатки прошлогодней травы и задумался.

Я — сын.

Слова пришли сами собой, без всякого усилия, и Иисус сразу поверил им, ощущая на лице послед-

ние лучи закатного солнца, пробивавшиеся сквозь щели в крыше. Если не считать запаха, в хлеву было прохладно и приятно. Юноша задумался над тем, почему ничуть не удивился. Он не сделал ничего, чтобы стать сыном Божиим, как ребенок не делает нечего, чтобы родиться. Но, подобно младенцу, он вынырнул из тьмы, и мир возродился вместе с ним.

Если у Бога и были какие-либо объяснения случившемуся, делиться ими небеса явно не собирались. Матки между тем подошли к корыту, наполненному свежим сеном, и принялись щипать траву. Ягнята скакали рядом, слишком резвые, чтобы спать. А вот Иисус, похоже, заснул, словно провалился в сон, и вдруг услышал глухой стук — что-то ударилось о стену хлева, потом еще и еще... Юноша перекатился набок, к щели в стене, и посмотрел наружу. В предрассветных сумерках местные кидали камни в хлев. Удар следовал за ударом, и овцы тревожно заблеяли, окончательно разбудив Иисуса.

Спускаясь по лесенке, он не сомневался, как его встретят. Люди будут радоваться и даже поклоняться. Ведь чудо с пламенем очевидно показало им, кто он такой.

Но почему же они хмурятся? Несколько мужчин сжимали в руках камни.

— Кто ты? — раздался крик.

Иисус узнал того самого работника, который заговорил с ним, умываясь у родника. Тут другой бросил камень и чуть было не попал Иисусу в грудь. В сумерках прицелиться как следует оказалось затруднительно.

— Кто ты? — Вопрос прозвучал вновь, громче и суровее.

Иисус отвернулся. Первое побуждение было верным, следовало уйти, не стоило здесь задерживаться. Дорога — его судьба, его спасение. Ему не требовалось оглядываться, чтобы понять, что местные идут за ним. Они почти не разговаривали и совершенно явно желали всем сердцем, чтобы пришлый, послал ли его Бог или дьявол, навеки исчез. Иисус достиг тропинки через поле и побрел по ней, а преследователи вытянулись цепочкой у него за спиной. Странное, должно быть, зрелище со стороны, ни дать ни взять несущка с цыплятами.

Впереди показалась дорога, а шаги за спиной стихли. Местные остановились и ждали, пока он уйдет. Каждый шаг приносил новые ощущения, не облегчение, но прилив ярости...

Иисус резко обернулся. Местные сгрудились шагах в десяти.

— Кто я? — холодно вымолвил юноша. — Я — свет!

Бог, милосердный накануне, нынче решил позабавиться. Как управитель дешевого вертепа, он в нужный миг прогнал легкие облачка. Если бы еще зазвучали цимбалы, совпадение с вертепом было бы полным. Первый луч солнца упал на белое одеяние Иисуса в то мгновение, когда юноша произнес слово «свет». И что же? Местные тут же забыли о своих подозрениях и страхах и дружно повалились на колени.

Они даже совершили кощунство, повторяя на все лады имя Яхве. Распростертые руки, выпученные глаза... Иисусу опять пришло на ум сравнение с цыплятами.

Ты должен накормить их.

Подобно словам из пламени, эти слова пришли из солнечного света, который так высветил белую рубаху Иисуса, что на нее больно было глядеть. Юноша кивнул. С удовольствием. Свет низошел к нему, а он передаст свет этим людям. Иисус приблизился к деревенским, продолжавшим благоговейно на него взирать. Один мужчина до сих пор стискивал в руке камень. Иисус забрал камень и бросил. Все взгляды обратились на черную точку, которая описала дугу и упала на дорогу далеко впереди.

— Я — свет. — На сей раз Иисус произнес эти слова мягко, без раздражения. Тот человек, который сжимал камень, залился слезами. Слезы оставляли грязные полосы на щеках, грудь бурно вздымалась. Иисус коснулся его плеча.

Войти в огонь и остаться невредимым, стать сыном и давать свет было легко, но сейчас юноша растерялся, не ведая и не постигая пределов своего дара. Он больше не слышал зов дороги. Что же все это означает? Выяснить можно, только вернувшись в город.

Первый разговор состоялся у источника. По всей видимости, весть о совершенном им чуде уже успела разлететься по окрестностям. Женщины, наполнявшие водой кувшины, разбежались, стоило появиться Иисусу. Мужчин у источника было немного, около десятка. Не глядя на них, Иисус снял рубаху, аккуратно ее сложил и положил на выступ каменной стены над емкостью с водой (помолившись про себя, чтобы никто не польстился на одежду). Обнаженный до пояса, он принялся смывать с тела сажу и двухдневный пот.

— Что вы видите? — спросил он вдруг у мужчин, что стояли вокруг. — Сильно я от вас отличаюсь?

Мужчины промолчали, зато какой-то юнец, не поднимая головы, процедил:

— Чужак!

— Поэтому вы подослали тех парней с камнями? Тех, что пытались выставить меня из города? Какой там грех, какое кощунство — вы просто прогоняли чужака? — Холодная вода, стекавшая по рукам, заставила юношу зябко повести плечами. — Моисей был чужаком в чужой земле. Вы его дети, а я один из вас. И почему же вы называете меня чужаком?

Местные продолжали молчать, однако Иисус ощутил, что напряжение немного спало: так натянутая тетива должна ослабнуть — или лопнуть, если ее тянуть слишком долго.

— Как ты прошел сквозь огонь? — недоверчиво спросил кто-то.

— Человек не способен ходить сквозь пламя, но духу подвластно все. Иного объяснения у меня нет, — ответил Иисус.

— Ерунда! Ты из магов, а они все одержимы демонами. С какой стати нам тебе верить? — Мужчины зашевелились, стали выкрикивать обвинения, перебивая друг друга.

Иисус посмотрел на того, кто заговорил о вере. Коренастый, широкоплечий, в кожаном фартуке. Наверняка кузнец. Злится, и злиться для него, похоже, столь же привычно, как дышать. И как переубедить его в чем-либо? Все эти люди окружили себя стенами, незримыми, но не менее толстыми и прочными, чем крепостная стена города... Юноша

помедлил, затем поднял с земли глиняный кувшин — такие клали у источников для всех желающих напиться или умыться.

— Видите? — Он наполнил кувшин водой и высоко поднял над головой. — Вода — это святой дух. — Юноша медленно наклонил кувшин и вылил воду на себя. — Когда святой дух проливается на меня, я очищаюсь. Но скоро вода высохнет, мое тело снова загрязнится, покроется потом и пылью.

Иисус вновь наполнил кувшин и прижал к груди.

— Но если я налью воду, закупорю кувшин и поставлю в прохладное место, то смогу умыться и через несколько дней. Вы все это знаете.

Он обвел взглядом мужчин, пытаюсь понять, подействовали ли слова.

— Объясни, — хрипло потребовал кто-то.

— Ваши сердца подобны этому сосуду. Наполните их святым духом и закупорьте. Тогда они не высохнут. И однажды вы изумитесь, ибо Господу ведомы все потаенные места. Когда вы менее всего будете этого ожидать, сосуды переполнятся, и вы начнете проходить сквозь пламя или творить что-либо не менее поразительное. Все возможно, когда дух крепок и высок.

Послышались удивленные шепотки, перемежаемые недовольным ворчанием. Иисус облился напоследок и накинул на плечи рубаху.

— Вы вправе узнать, кто я такой. Я Иисус из Назарета. Кого-нибудь среди вас наверняка зовут тем же именем. Но само имя ничего не значит. Если вы окликнете меня, я отзовусь, но душа моя останется безразличной. Она пребывает с Богом и отвечает лишь его зову.

Ворчание смолкло, раздались одобрительные возгласы. Иисус улыбнулся. С тех пор как он родился заново, говорить правду стало легко и приятно; никакая часть его не страшилась правды. Один из тех мужчин, что постарше, седовласый и не обремененный достатком, судя по залатанной рубахе, подался вперед.

— Войди в мой дом. Позволь накормить тебя.

— Почему? — спросил Иисус.

— Потому что ты голоден. Или хочешь умереть?

Иисус усмехнулся и хлопнул пожилого по костлявому плечу.

— Я пойду с тобой. Ты пришел ко мне с миром. Так отпразднуем это.

— Ну, пира не жди, — пробурчал пожилой, заметно побледнев.

— Почему же? И ты, и я, и все мы должны уповать на грядущий пир. Наш Отец воистину любит нас и хочет, чтобы мы жили хорошо.

Местные загомонили, слова Иисуса пришились им по нраву. Юноша обнял пожилого за плечи. Дом, куда пригласили Иисуса, оказался совсем рядом. Никто не последовал за ними, кроме уличных оборванцев, да и те остались в неведении о том, что произошло, когда хозяин и его диковинный гость скрылись за дверь. Впрочем, чтобы разошелся слух, многого не надо. Пожилой выставил потрескавшийся кувшин с водой и полкраюхи зачерствевшего хлеба, завернутого в грязную тряпицу. Но в селении не сомневались, что за закрытой дверью эти двое пируют, как не снилось и римским богатеям, услаждают чрева изысканными яствами и запивают их восхитительным вином.

Одно известно достоверно: вопреки обыкновению, никто тем жарким днем в селении даже не задремал — кроме пожилого хозяина дома. Он проспал весь день и всю ночь. А когда утром он проснулся, разбуженный солнечным светом, гостя нигде не было.

Перед рассветом Иисус отправился в холмы. Бог возвысил его и увел далеко от дома, однако он ведал, как заведено на свете. Господь нередко возвышал сынов Адама, но за возвышением всегда следовало падение. Моисей возвысился превыше прочих (Люцифер не в счет, он не принадлежал к роду человеческому), и что? Его народ спасся, пришел в землю обетованную, землю молока и меда, и среди великого множества изможденных, изголодавшихся, отчаявшихся лишь Моисею было отказано в награде за долготерпение.

Иисус стоял на холме и глядел на селение. Над домами поднимались дымки очагов, кое-где в темных окнах загорались огоньки фонарей. Моисей умер на горе, бросив взгляд на расстилавшуюся впереди землю обетованную. Зная, что обречен, он все же благословил сынов Израиля — своих детей, которым суждено его пережить. А потом взошел на вершину Писги, чтобы встретить смерть в одиночестве.

— Делай, что решил, Отец! — громко воззвал Иисус. — Но если любишь меня, присмотри, чтобы меня похоронили достойно.

Ветер задул сильнее, загудел в ушах.

— Или я отойду в таком грехе, что ты отвергнешь меня?

Иисус не верил, что безмолвные небеса внемлют его словам. Однако в Писании сказано, что Бог сам похоронил Моисея в неприметной могиле.

Иисус окинул взглядом пустынную местность. Земля здесь темнее и скуднее, чем в привычных сызмальства местах, где воздух напоен сосновым ароматом... Внезапно его внимание привлекло какое-то движение. Ближайший к юноше камень мелко дрожал. Да это не камень, а заяц! Все то время, пока Иисус спорил с Богом, тощий зайчишка — одно название, а не заяц — сидел неподвижно, чтобы ничем себя не выдать. Но наконец не выдержал и вздрогнул...

— Ступай с миром, — пробормотал Иисус.

Заяц порскнул, будто поняв, что сказал человек, и стремглав понесся прочь, спасая свою шкуру и поднимая клубы пыли.

Иисус глядел ему вслед, пока животное не исчезло. На память вдруг пришел один из минувших дней, когда они с Исааком грелись на солнышке. Иисусу тогда было лет десять.

«Ты притих. Куда смотришь?» — спросил слепец.

«На зайца. Он хочет убежать, но боится».

Упитанный заяц замер в нескольких шагах от них, будто не в силах покинуть делянку свежей апрельской травки.

«Кто его выслеживает, лиса или ласка?» — продолжал выпрашивать Исаак.

Мальчик не видел хищников поблизости, однако острый слух слепца уловил какой-то звук — верно, хруст веточки под лапой. Иисус прищурился.

«Лиса», — ответил он, подобрал с земли камешек и кинул в зайца. Тот кинулся прочь, а лиса, не

успевшая подобраться достаточно близко, раздраженно твякнула, взмахнула пушистым хвостом и потрусилась дальше.

«Всегда помогаешь невинным, да?» — проговорил Исаак. Мальчика удивила горечь в голосе слепца.

«Она бы его съела», — сказал мальчик.

«И что? — Исаак приподнял бровь. — Ты хочешь защищать невинных. Но позволь тебе кое-что объяснить. Не только зайцы — Божьи твари, лисы тоже. Выходит, твой поступок лишил Бога еды».

Иисус рассмеялся, но что-то в словах Исаака его словно ужалило.

«Я не дразню тебя, мальчик. Я тревожусь за них всякий день, за невинных и за виноватых. За охотников и за добычу. Если Бог справедлив, почему робкие проливают кровь, а хищные жируют?»

Исаак замолчал. Для весны день выдался жарким. Старик прикрыл рукой незрячие глаза с пухлыми складками век, заслоняясь от солнца.

«Нам пора возвращаться», — сказал Иисус и протянул старику руку, но тот не спешил подниматься.

«Бог порой обжигает, — произнес слепец. — Но я не стану убегать».

Только теперь Иисус понял, что ему следовало ответить Исааку. Надо было сказать: «Не тревожься. Нет нужды разбирать невинных и виноватых, охотников и добычу. Господь хочет спасти всех».

Юноша сошел к холма и направился обратно к селению. Ему встретился подросток, терзавший поломанной лопатой выжженную солнцем землю. Заметив Иисуса, подросток выпрямился.

— Чем тебе помочь, ребе? — спросил он негромко и уважительно опустил голову. Да, слухи разлетаются быстро.

— Мне нужен проводник, — ответил Иисус. — Я хочу, чтобы меня провели задворками. Тут есть квартал для больных и умирающих?

Подросток кивнул.

— Идем, — решил Иисус. — Не пугайся, но мне нужно туда, где проживают святые женщины.

Подросток недоуменно посмотрел на Иисуса. Видимо, он не знал, что означает это выражение.

— Это женщины, которые сходятся с мужчинами, когда Бог отворачивается, — пояснил Иисус с улыбкой. Подросток покраснел и, не сумев выдать из себя и слова, ткнул рукой в щель в стене. Вскоре они уже брели по узким извилистым закоулкам. Ставни на всех окнах были закрыты, однако Иисус различал доносившиеся из-за них слабые стоны и запах блевотины и отмирающей плоти. Он мысленно пообещал себе вернуться сюда. Подросток между тем двигался дальше, на пересечениях переулков осторожно выглядывая из-за угла, прежде чем взмахом руки позвать Иисуса.

До квартала борделей оказалось недалеко. Там пахло даже хуже, чем на улицах умирающих, потому что тяжелый аромат благовоний смешивался с миазмами гниющих объедков.

Подросток подождал, пока Иисус его нагонит.

— Дальше я идти не могу, — сказал он. Для всех, кто еще не вступил в возраст, это место было запретным, и наверняка проводник делается для ровесников героем, когда поведает о том, где побывал. Он было пошел прочь, но Иисус положил руку ему на плечо.

— Я пришел сюда не для того, чтобы грешить.

— Конечно, ребе. — Подросток, как подобало в разговоре с уважаемым человеком, смотрел в землю, но на губах его заиграла легкая улыбка.

— Взгляни на меня, — велел Иисус. — Если по твоей милости меня прогонят из города, никаких чудес можете не ждать. Понятно?

— И где мое чудо? — справился подросток с кривоватой ухмылкой.

Всего день прошел, и уже? Иисусу хотелось сдвинуть плечо наглеца так, чтобы тот завопил... Неожиданно он сообразил, что нужно делать. Ведь не сам он творит эти чудеса. Он закрыл глаза и прислушался.

И с его уст слетели слова:

— Твоя бабка не умрет в этом году. Через неделю она встанет с постели.

Глаза подростка изумленно расширились, он что-то пробормотал — должно быть, благодарность, — но Иисус уже отвернулся и зашагал к первому дому на улице, на двери которого красовалось изображение синей змеи, обвившейся вокруг мужского достоинства. Римский знак. Похоже, здесь привлекают солдат, а те, в большинстве своем, по-иудейски не читают.

— Господин!

Иисус не стал оборачиваться. Пусть сам Господь говорит его устами, ему претило обменивать чудеса на услуги. Он остановился перед дверью и постучал. Открывать не спешили; изнутри послышался женский голос:

— Еще рано. Девушки спят. Приходи в полдень.

Иисус постучал снова, громче прежнего, и некоторое время спустя дверь приотворилась. В щел-

ку выглянула низенькая женщина с крашеными хной волосами и неприкрытым лицом. Увидев перед собой иудея, она торопливо прикрылась рукавом платья.

— Разве ты не слышал, что я сказала?

— Я пришел за Марией. Приведи ее.

Женщина, очевидно хозяйка заведения, как будто что-то заподозрила.

— Ее тут нет. И до полудня она, в любом случае, не принимает.

— Приведи.

В это селение Иисуса привел Господь, но чтобы начать поиски Марии с квартала борделей, Божьих указаний не требовалось. В конце концов, его спутнице надо было как-то выживать.

Внезапно сквозь густой аромат благовоний напололам с миазмами Иисус уловил новый запах — знакомую смесь шафрана, тмина и кориандра: точно такую смесь Мария прихватила с собой, покидая Иерусалим. И много раз по дороге она посыпала этими пряностями рыбы головы и овечью требуху, которые удавалось добыть за медные монеты.

— Я знаю, что она здесь. Чувствую ее запах.

— Мы тоже пришли к ней, на запах, — произнес мужской голос из-за спины. — Прочь с дороги, иудей!

Иисус обернулся и увидел перед собой двоих римлян. Растрепанные, пьяные солдаты. Тот, который заговорил, презрительно усмехался.

Хозяйка робко улыбнулась, распахнула дверь и посторонилась, пропуская солдат. Постоянные клиенты.

Иисус не пошевелился. Второй солдат начал злиться.

— Тебе велели уматывать! — Он опустил ладонь на рукоять меча, но первый, пребывавший в более добродушном настроении, придержал руку товарища и хлопнул Иисуса по плечу.

— Ладно, ладно. Заходи. За этой дверью все мы братья, верно?

Хозяйка, облегченно вздохнувшая, когда стычка закончилась, не успев разгореться, дернула Иисуса внутрь. Захваченный врасплох, он споткнулся и едва устоял на ногах, а сзади напирали нетерпеливые легионеры. Из соседней комнаты доносились женские голоса и веселый смех. Даже в полумраке хозяйка различила, что лица солдат побагровели от желания.

— Что ж, хорошие мои, раздевайтесь, у нас ранние гости.

Она отодвинула занавеску, за которой раскинулось низкое ложе, покрытое выделанными овечьими шкурами. На ложе привольно разлеглись две девушки, еще не успевшие накраситься. Они испуганно вскрикнули, а солдаты довольно загоготали. Один подскочил к ложу и принялся сдирать с девушек прозрачные одежды.

Иисусу казалось, будто он спит, будто все происходит не наяву. Он не смутился, даже когда девушки, оставшиеся без одежд, потянулись к мужчинам. Продолжая пребывать в грезах наяву, он медленно повернулся — и тут в помещение вошла она. Мария была одета в поношенное платье с фартуком, а в руках держала деревянную ложку.

Ты. Она произнесла это слово одними губами, не издав ни звука.

Наряд поварихи нисколько не защищал от домогательств. Пьяный солдат заметил новое лицо.

— Эту! — воскликнул он, отпихивая прижавшуюся к нему обнаженную девушку, и соскочил с ложа в одном исподнем, которое ничуть не скрывало его возбужденного состояния. Мария отвернулась, не желая встречаться с распаленным похотью взглядом легионера и не смея смотреть на Иисуса.

Сам Иисус застыл, точно статуя, но его присутствие раздражало римлян.

— Лучше проваливай отсюда, приятель. Или она твоя сестра? Нет? Тогда тебе тут делать нечего. — Солдат грубо толкнул Иисуса к двери.

По-прежнему пребывая как бы вне тела, Иисус увидел, как его собственная рука сжимается в кулак и движется навстречу лицу солдата. Удар пришелся в челюсть, хрустнула кость, изо рта легионера хлынула кровь, глаза римлянина сделались большими, как плоски, и он повалился на пол.

— Скорее! — прорезал наступившую тишину крик Марии.

Второй римлянин взревел, будто бык, и шатаясь поднялся на ноги. Иисус краем глаза заметил блеск клинка, извлеченного из ножен. Мария вытащила его на улицу, и они побежали. Женщина босыми ногами наступала на камни и отбросы, а вслед летел разъяренный рев. Впрочем, голый легионер, споткнувшись о тело товарища, рухнул навзничь — он вряд ли способен был догнать беглецов.

Глава 10. Пленник

Иисус придержал Марию, которая продолжала бежать сломя голову.

— Подожди. Мы оторвались.

— Неужели? Снова в тюрьму захотелось? — Женщина настороженно огляделась. — Я больше не могла там оставаться. Знаешь, это тот крестьянин привез меня сюда.

Мария прикрыла лицо платком. Погони не было ни видно, ни слышно.

— Послушай, доверься мне. Все в порядке.

Спокойствие юноши поразило Марию до глубины души. Совсем недавно он пребывал в ярости, однако теперь от гнева не осталось и следа. И где бы Иисус ни скрывался все это время, он сумел раздобыть себе новую одежду и беглецом вовсе не выглядел. Мария глубоко вдохнула, стараясь уговорить бешено колотящееся сердце. Потом бросила взгляд на правую руку юноши — костяшки кровоточили, твердокаменная римская челюсть ободрала кожу.

— У тебя кровь.

— Ерунда.

Иисус отмахнулся; его сейчас куда больше занимало другое, а именно — как скоро появятся преследователи, а вокруг соберется падкая до подобных зрелищ толпа. Когда это произойдет, поговорить с Марией уже не получится. Он взял женщину за руку.

— Не нужно ничего объяснять. Я знаю, ты не вернулась к прежнему занятию.

Мария твердо встретила его взгляд.

— Я думала, что никогда больше тебя не увижу, — произнесла она тихо. — Но все равно ждала. Расспрашивать было опасно, а Иуда сбежал... Ну, от этого труса я другого и не ожидала. В конце концов я дала монетку уличному мальчишке, чтобы он покрутился у тюрьмы. Он сказал мне, что всех отпустили.

— Иуда не трус, — возразил Иисус. — Он хитер. Думаю, он где-нибудь укрылся.

— Он бросил нас обоих, — горько сказала Мария. — Это вполне в его духе. Хорошо, что ты не сбежал вместе с ним.

Беглецы помолчали, затем Мария проговорила:

— Ты вернулся за мной, и что теперь? Что ты намерен делать?

— Помочь тебе. Что же еще? — Иисус как будто удивился.

— И как? — Не дождавшись ответа, Мария продолжила: — Ни один мужчина больше на меня не взглянет. Я как то яблоко, от которого остался лишь огрызок. Уж это ты мог бы сообразить.

— Не подумал, — признался Иисус, отвернувшись.

— А зря. Ты ведь не мальчик, пора и повзрослеть. — Мария неожиданно повысила голос: — Когда мы шли втроем, вы с Иудой осквернили себя общением с падшей женщиной. И не смей отрицать!

Иисус уставился себе под ноги.

— Ты вне Закона. Мы оба это знаем.

— А ты что, внутри? — Мария усмехнулась. — Или считаешь меня Евой? Я всегда повиновалась Закону. Меня силой лишили благословения Божьего, и теперь любой мужчина волен поступать со мной, как ему угодно. Потому я и спрашиваю, что ты намерен делать.

Иисус призадумался. И в самом деле, почему он продолжал искать Марию? Жениться на ней он и не помышлял, а потому, как предписывает Закон, должен ее избегать. Может, это совесть заставляла его не бросать поиски? Нет, на дороге

ему встречались десятки падших женщин — нищенки, блудницы, хворые и увечные, — но ни одна не вызвала такого волнения в душе.

— Я же сказал, что хотел помочь. Это не вся правда. Я должен помочь. Не знаю, чем и как, но не отпущу тебя, пока не выясню.

Их заметили: стайка уличных сорванцов разбежалась в стороны, оглашая воздух свистом.

— Хочу, чтобы ты познала истину. Ты же ничего толком не видела. Я уходил, когда это случилось.

Мария не стала спрашивать, что «это», видимо, уже была наслышана о чуде со сгоревшим домом. Догадывается ли она, что он изменился за одну ночь? Наверняка; такая, как она, не могла не заметить.

Тем временем женщина приняла решение, потупилась и сказала:

— Тебе надо уходить.

— Нет.

— Они прогонят тебя, коли увидят вместе со мной.

— Слишком поздно, — ответил Иисус, взяв ее за подбородок и поднимая голову. — Господь уже видит, что мы вместе.

Мария молча позволила Иисусу вести себя по улице за руку, хотя из переулков и дверных проемов на них откровенно пялились.

— Ты принадлежишь свету, — промолвил юноша. — Прежде я был слаб, меня терзали сомнения, но это в прошлом. Остайся со мной.

Мария не сумела скрыть изумление.

— Ни один мужчина не говорил со мной так с тех пор...

— С тех пор, как твоего жениха выдали римлянам, — закончил Иисус. — Бог видел, как ты плачешь. Он видит все.

— Тогда почему он... — Мария не договорила, ее глаза наполнились слезами.

— Я не ведаю намерений Божьих, — отозвался Иисус. — Ну-ка, утрись. Иначе решат, что тебе есть чего стыдиться.

Мария вытерла рукавом дорожки слез на щеках и покачала головой. Впрочем, если она и хотела что-то сказать, спутник вряд ли бы ее услышал: громадная толпа внезапно нахлынула со всех сторон, шум мгновенно сделался оглушительным.

— Господин! Сюда, сюда!

Иисус едва успел наклониться и прошептать:

— Бог даровал тебе нечто, чего не запятнать. Полюби это в себе, как полюбил я.

В следующий миг чужие руки потянули юношу прочь, какая-то крестьянка, неразборчиво крича, бросилась между ним и Марией, за ней хлынули остальные, и движением толпы Иисуса отнесло далеко-далеко, а толпа все прибывала, и хотя Иисус пытался вернуться, его попросту не отпускали, хватая за рукава и полу, а сама Мария очутилась на краю толпы.

Эта толпа казалась женщине разъяренным чудищем, готовым разорвать Иисуса у нее на глазах. Видение заставило Марию содрогнуться, однако Иисус не позволил чудищу прыгнуть. Мария не видела, как ему это удалось, но вдруг все пальцы, хватавшие его за одежду, разжались. Он что-то сказал, почти неслышно, и по толпе побежала рябь, а воздух будто наполнился свежестью, как перед грозой.

Когда гомон голосов затих, Иисус произнес:

— Куда вы ведете меня? Отвечайте. — Слова пропали втуне — толпа, похоже, двигалась, обужанная единственным стремлением — оказаться поближе к юноше. Иисус взгляделся в глаза тех, кого движением толпы поднесло вплотную к нему. — Даже в синагоге, где все взыскуют близости к Богу, достаточно места, чтобы преклонить колени.

Люди попятились, словно устыдившись, и вокруг возникло свободное пространство. Мария поразилась тому, насколько хорошо она слышит Иисуса, как если бы он шептал ей в ухо. Неужели и с остальными то же самое?

Иисус продолжил — и речь его лилась столь привольно, будто он повторял ее тысячи раз:

— Мальчонкой блуждал я по холмам возле своей деревни. Что мне делать, я не ведал, и никому не было до меня дела. И я верил, будто Господь забыл обо мне. Признайтесь, все вы порой так думали. — Неожиданно тон его изменился, словно он говорил с близкими друзьями, и юноша обвел собравшихся пристальным взглядом. Теперь смолкли даже те, кто продолжал шептаться. — Однажды я изнемог от тоски, ноги мои сочились кровью из порезов и покрылись ссадинами, и я прилег под деревом. А в следующий миг я узрел птицу малую, что сидела на земле и клевала траву. Миг спустя перескочила она на другое место, потом далее. И мнилось мне, будто в движениях ее нет никакого смысла, будто птаха эта привольно скачет, не ведая ни забот, ни тревог.

И вдруг глаза мои распахнулись. Сколько поколений таких птах жили вот так, век от века? Всяко более, чем поколений людей. И ни одна знать не

знала, что, отчего и как. Но Господь направлял их все эти тысячи лет. И если дарует он пропитание птахам малым, что же припасено у него для вас?

Толпа хранила молчание. Еще никто и никогда не говорил с ними так.

— Снова спрашиваю, — Иисус возвысил голос, — куда вы меня ведете? Если не ведаете, тогда отпустите меня. Я птаха малая в деснице Господней. И хочет он, чтобы я скакал привольно, покуда не найдется для меня дело.

Послышался ропот, и толпа раздалась, освобождая юноше проход. Когда он миновал крайних, проход сомкнулся, и люди как один повернулись вслед Иисусу. Мария, стоявшая в отдалении, не верила собственным глазам. Но тут неожиданно из-за угла показался римский дозор. Женщина присмотрелась — вроде бы тех солдат, из борделя, в дозоре не было, но на всякий случай она поспешила смешаться с толпой.

Ей послышался голос одного из римлян:

— Разогнать их, командир?

Командир что-то пробурчал, но и только. Мария осторожно оглянулась. Дозор остановился, солдаты держали ладони на рукоятках мечей, однако обнажать клинки явно не решались. И то сказать — вряд ли они сумели бы разогнать толпу, превосходившую дозор численностью, по меньшей мере, впятеро.

Иисус шествовал впереди, шагал свободно и легко, словно не замечая никого вокруг. Толпа шла за ним до самой базарной площади, у выхода на которую процессию поджидала одинокая фигура. Завидев эту фигуру, толпа заволновалась и заворчала. Тучный римлянин в грязной тоге сидел на та-

бурете, и никто не мог прошмыгнуть мимо него незамеченным. У его ног лежал кожаный мешок, а руки римлянина покоились на низеньком столике с табличками для письма.

— Не ходи туда, господин! — крикнул кто-то.

— Почему? — спросил Иисус, оборачиваясь.

— Тебя ограбят. Это же разбойник.

Иисус посмотрел на тучного, который наружностью напоминал мытаря — такие порой заглядывали в Назарет, бродили по берегу, куда вытаскивали рыбацкие лодки, или расхаживали по рынку. Их называли стервятниками, и таковыми они и были.

— Вы презираете этого человека? — спросил юноша, и дружный гул голосов был ему ответом. — Я знаю не хуже вашего, что римляне сотворили с нами. Настала пора им отплатить. Найдется у кого монета?

Люди замаялись. Монета? Они ждали от Иисуса призыва растоптать мытаря — как и сам римлянин, который поспешно завязал горловину мешка с деньгами и спрятал в рукав стила и таблички. Мария вновь оглянулась и увидела, что дозор приблизился. Вдобавок солдаты обнажили мечи.

Иисус молча стоял с протянутой рукой. Наконец кто-то вложил ему в ладонь медную монету.

— Стойте тут.

Толпа повиновалась, а юноша медленно приблизился к мытарю, глазки которого бегали из стороны в сторону. Взмахом руки римлянин попробовал прогнать Иисуса.

— Пришел торговать? Если нет, платить не надо.

Иисус протянул ему монету и негромко произнес:

— Господь хочет, чтобы мы оба сделали, что должны.

— Что хочет твой бог, мне плевать, — процедил мытарь.

— Разве тебе не хочется жить? — Иисус уронил монету на стол. Звон, с каким монета ударилась о дерево, заставил толпу загудеть, и ярость людей обратилась теперь на Иисуса.

— Обманщик! Лжец!

— Кого вы называете лжецом? — Юноша обернулся к толпе. — Того, кто повинуется закону?

— Закон цезаря нам не указ! — выкрикнул кто-то. — Лишь Бог дает законы.

— Понятно. Значит, Бог вас проклял, ибо всякий, кто не подчиняется законам цезаря, попадает в темницу или умирает. И кто же из нас лжет — я или вы?

Позади толпы прозвучал громкий свисток. Римские солдаты выстраивались в боевой порядок, одновременно призывая на помощь. С того места, где она стояла, Мария видела бегущих к рынку солдат. Что же, Иисус вознамерился совершить самоубийство?

Толпа начала было напирать, однако юноша ожег взглядом передних и заставил их замереть.

— Что, по-вашему, должен сделать мессия? — крикнул он. — Прогнать римлян мановением руки? — Иисус ни разу прежде не произносил слово «мессия», но ему доводилось слышать немало шепотков, порожденных отчаянием. Лишь самые неискوشенные чародеи, вроде тех, что на потеху вытаскивали разноцветные ленты из ушей ребятишек и простаков, не отваживались именовать себя спасителями колен Израилевых.

— Мессия не станет им прислуживать! — крикнул в ответ, выступив из толпы, мужчина в фартуке ремесленника.

— Вот что я вам скажу, — промолвил Иисус, глядя в глаза кричавшему. — Вы знать не знаете, чего ждать от мессии. И я тоже. — Он вскинул голову. — И вот вам истина, которую вы затоптали в пыли. Великая пропасть разделяет царство цезаря и царство Божие. Или не убеждаетесь вы в том всякий день? Римлянам неведомы заповеди Господни, и потому они составили свои собственные. И что, Бог оскорбился? Почему? Разве есть ему дело до мирских забот? Богатейшие из римлян после кончины недостойны будут дотронуться до пыли нижайшего среди вас на небесах. Так будьте таковы, как заповедал Господь! Прежде чем толковать о законах, решите, каково ваше царство. Иначе вы суть обманщики и лжецы.

К этому времени к дозору подоспело подкрепление, около десятка солдат, и воины встали позади толпы, со щитами и мечами на изготовку. Иисус своими словами унизил императора и покусился на его власть; этого было вполне достаточно, чтобы ворваться в толпу и схватить дерзкого болтуна. Однако ему удалось взволновать толпу, а затем утихомирить ее — всего лишь словами.

Тессерарий, командовавший дозором, медлил, остальные ждали приказа. Они пришли спасать сборщика налогов, но непосредственной угрозы не было. Иисус между тем коснулся плеча мытаря и кивнул. На глазах у недовольно ворчавшей толпы тучный римлянин собрал свой скарб и засеменял прочь, через наполовину опустевший рынок. Вот он исчез из вида, и ворчание смолкло.

— Мечи в ножны! — скомандовал тессерарий громко, чтобы иудеи услышали и осознали присутствие солдат.

Мария затаила дыхание. Хватит и единой искры... Восстания, случалось, вспыхивали из-за малости. Впрочем, кроме нескольких мужчин в задних рядах, никто, похоже, не был настроен чересчур воинственно. Приподнявшись на цыпочках, Мария бросила взгляд на Иисуса. Какое странное у него лицо! Губы улыбаются, а вот глаза печальные и словно обращены внутрь... Люди начали расходиться, и тут Иисус вздрогнул всем телом и покачнулся. Его плечи поникли. Видно, нарушать римские законы проще, чем не допустить кровопролития...

Мария поежилась, припоминая слова Иисуса и то, как они подействовали на толпу. Что он сулил, гибель или надежду? Если последнее, надежда может умереть еще прежде, чем сделает первый вдох.

Случилось так, что римлянам вдруг стало не до очередного самозваного мессии, одержимого фантазиями безумца, за которым в эту седмицу готовы были последовать иудеи. Местный чиновник, возвращавшийся домой из общественных бань, был заколот теми же самыми канаи, «людьми с ножами», которые причиняли изрядные неудобства на севере провинции. На юге подобное происходило нечасто, и потому когда наткнулись на вторую жертву — беспутного сынка римского сенатора, сосланного в Иудею, чтобы избежать суда в Риме, — римляне ужесточили порядки. Рынки временно закрыли, равно как и бани; более того, у синагоги выставили пост и велели солдатам не пускать иудеев в молельню. Разумеется, вскоре у за-

пертых дверей синагоги собралась разъяренная толпа, солдат забросали камнями, и им пришлось спасаться бегством.

Все, кому было что терять, попрятались за дверями и ставнями, лишь неимущие продолжали слушать Иисуса. Тот покинул город и обосновался в холмах, где молился дни напролет. С ним ушла и Мария; в иное время из-за этого люди отвернулись бы от Иисуса, но теперь им было не до скандалов.

Несколько дней подряд горожане осаждали Иисуса, и каждого из них он спрашивал:

— Что, по-твоему, я должен сделать?

— Поведи армию на врагов, — просил один.

— Потряси землю, — призывал другой.

— Призови ангела смерти, как Моисей когда-то, — заклинал третий. — Мы пометим наши двери кровью, ангел увидит ее и пощадит иудеев. Разве не так было на Пасху?

— Моисей никого не призывал, — уверенно возразил Иисус. — Ангела послал Господь, и урок Пасхи в том, что решать только Богу.

Когда разочарованные просители удалились, Мария спросила напрямик:

— Ты можешь остановить римлян?

Иисус, укрывшийся от полуденного солнца под приземистой шишковатой оливой, недоуменно взглянул на женщину.

— Разве ты не слушала меня?

— Ты говорил, что все в руках Божьих, — отозвалась Мария. — Но ведь Бог вещает через тебя, значит, выбор за тобой?

Иисус отвернулся, не ответив, а чуть позже отвел Марию в лес. Они долго продирались через подлесок, пока не вышли на поляну.

— Вот тут мальчишка творил чудеса, я тебе рассказывал. И все были довольны. Никого не беспокоило, истинно чудо или нет.

Юноша принялся шарить в траве, что-то подобрал с земли и показал Марии. Сперва женщина решила, что это просто палка, но потом увидела, что вокруг палки обвилась черная гадюка — с разможенной головой.

— Все, что осталось от чуда, — задумчиво промолвил Иисус. — Людей обманывали, а затем обманщики убили несчастную тварь, чтобы никто ничего не узнал.

И что, подумалось Марии, это должно означать?

— Ты другой, — сказала женщина.

— А может, змея — это я, — произнес Иисус, не сводя взгляда с мертвой рептилии.

Проследив за его взглядом, Мария невольно опустилась на колени: змея, у которой вместо головы было месиво костей, покрытых засохшей кровью, неожиданно зашевелилась и поползла по палке к руке Иисуса. На глазах у изумленной женщины кости срастались, кровь исчезла, и змеиная голова вдруг сделалась целой. Наружу высунулся раздвоенный язык, змея зашипела, и Иисус бросил палку. Змея мгновенно скрылась в траве.

Мария перевела дыхание.

— Враг, — прошептала она.

Неужто происки дьявола? Иисус хранил молчание, но очевидно было, что преподанный урок обратился против него самого. Нечто тянулось к нему из-за рубежа смерти.

Минуло несколько дней. Иисус продолжал блуждать по холмам, а Мария готовила еду, которую оставляла у кострища вместе с водой. Она не ви-

дела, чтобы Иисус брал еду, но, когда просыпалась поутру, кувшин и блюдо обычно оказывались пустыми.

Наконец Иисус появился — прибежал, разбросал камни вокруг кострища и затоптал огонь, а затем произнес единственное слово, которое заставило Марию вскочить:

— Иуда.

Марии и прежде казалось, что она замечала знакомую фигуру на краю толпы, повсюду следовавшей за Иисусом, когда тот приходил в город. Но человек, мнившийся знакомым, не снимал с головы колпак и старался не приближаться к Марии. Впрочем, стоило начать задавать вопросы местным, как выяснилось, что имя Иуды тут хорошо известно.

— Иуда во всю набирает сторонников, — сказал Иисус. — Вот почему он ведет себя безрассудно. — У юноши не было сомнений, кто стоит за недавними убийствами.

На следующий день уличные оборванцы, знавшие, казалось, все и обо всех, привели Марию с Иисусом на окраину, самую дальнюю от расположения римского гарнизона, и указали на покосившийся амбар, окруженный загонами для овец. В тыльной стене амбара виднелась дверь. Иисус постучал, и открыл ему сам Иуда.

— Ты пришел. — В голосе Иуды не было и следа удивления. Он впустил бывших спутников внутрь, глядя на Марию и даже не косясь на Иисуса.

Задняя часть амбара была обставлена, точно жилой дом. На чисто подметенном земляном полу сидели кружком молодые мужчины. Завидев чужаков, некоторые потянулись к ножам, однако Иуда коротко дернул головой, и мужчины замерли.

— Тебя держат в плену? — спросил Иисус, и насмешка в его голосе заставила Иуду скривиться.

— Это верные, — сурово произнес Иуда. — Они готовы умереть за Бога. Разве ты пришел сюда не за этим?

Иисус кротко улыбнулся, показывая, что суровость Иуды ничуть его не задела, и сел на пол поодаль от верных. Мария присела за его спиной.

— Тебе мало насилия дома, и ты принес его сюда? — полюбопытствовал Иисус.

Иуда пожал плечами.

— А что мне оставалось?

— Верно. С чудесами-то у тебя ничего не вышло.

— У нас не вышло, — поправил Иуда. — Похоже, кстати, что кое-кто устроился неплохо.

Иуда, на взгляд Марии, ничуть не изменился. Те же всклокоченные волосы, та же густая борода, та же поношенная, грубо залатанная накидка. Зелот искоса посмотрел на Марию, потом повернулся к Иисусу.

— Присоединяйся ко мне. Нам предстоит много славных дел. Докажи, что ты умеешь и готов сражаться.

— Если бы я тебя послушал, — Иисус покачал головой, — мы оба стали бы пленниками.

Эта насмешка ужалила сильнее, и Иуда позволил прозвучать в своем голосе раздражению.

— Наш народ тоскует по свободе. С этим ты уж не поспоришь. Трусы и богатеи прячутся или прислуживают врагам. Ты заодно с ними? Или собираешься их возглавить?

— Я думал об этом, — еле слышно признался Иисус. — Ты прав. Трусливых и богатых я за собой не поведу.

Последние слова явно застали Иуду врасплох, и он на мгновение растерялся.

— Что? О чем ты?

— Я пойду за тобой. Поэтому и пришел.

Тонкие губы Иуды искривила недоверчивая усмешка. Он переводил взгляд с Иисуса на Марию и обратно, и потрясенное выражение лица Марии сказало ему многое.

— Ты не лжешь, — проговорил он.

Иисус чуть наклонил голову.

— Я не стану противиться тому, чего желает Отец мой.

Мария не сдержалась.

— Нет! — Она порывалась вскочить, но Иисус не позволил, положив руку ей на плечо.

— Ты свободна, — сказал он. — Решай сама, как поступить. Я говорил, мой путь предначертан. А твой?

Обычные слова, однако они больно ранили Марию. Иисус ее предал. Она-то верила, что он позаботится о ней, что она под его защитой...

Иисус словно прочитал ее мысли.

— Я себя-то защитить не могу, а тебя — и по-давно.

Мария рассердилась. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы это услышал Иуда. А тот вновь преисполнился самоуверенности.

— Зато я смогу тебя защитить. Оставайся. Он прогоняет, а я приглашаю.

Молодые мужчины, сидевшие на полу, не скрывали своих чувств. На Иисуса они посматривали настороженно, а когда поворачивались к Марии, их глаза вспыхивали восторгом и предвкушением.

Иуда широко улыбнулся.

— Не беспокойся, я сумею их удержать.

Марии захотелось заплакать. Взгляд упал на дверь, она принялась обдумывать побег. Опять бежать, в который уже раз с тех пор, как римляне убили ее жениха... Женщина заставила себя прижаться к Иисусу. Мужчины рассмеялись, а она прошептала на ухо своему двуличному избавителю:

— Что со мной будет?

Во взоре Иисуса не было жалости.

— Ты пострадаешь куда сильнее, если останешься со мной.

Он поднялся и протянул руку Иуде. Тот замешкался, но все же ответил на рукопожатие. Вполне очевидно, Иуда не понимал причин перемирия, но признавал, что оставлять Иисуса в соперниках для него небезопасно.

— Будешь моим помощником, — сказал он. — И никто тут не посмеет тебе прекословить.

— Кроме одного, — негромко возразил Иисус. На лице Иуды отразилось подозрение, но прежде чем он успел что-либо ответить, Иисус продолжил: — Я говорил, что не могу противиться Божьей воле. Господь привел меня сюда, потому что ты в беде. Среди вас скрывается предатель, замысливший недоброе.

Иуда вновь зримо растерялся.

— Я приду завтра, омывшись и очистившись, — прибавил Иисус и потянул Марию за рукав: мол, пора идти. — Дело не в том, что римлянам известны твои замыслы и что они уже отправили солдат искать тебя. Дело в том, что ты считаешь, будто в этом виноват я.

— Разве нет? — глухо спросил Иуда с язвительной усмешкой.

Иисус покачал головой.

— Если тебе и стоит меня опасаться, то лишь потому, что я пришел с миром.

Глава 11. Первый и последний

Иисус и Мария медленно удалялись от укрытия Иуды. Прощальные слова Иисуса посеяли в амбаре бурю, но наружу не просочилось ни звука благодаря толстым глинобитным стенам.

— Как можно приходить с миром к тому, кто мира не хочет? — спросила Мария.

— Не знаю, — отозвался Иисус. — Мои ноги идут туда, куда их ведут. И уста мои принадлежат не мне.

Это было правдой, но примириться с такой правдой оказалось нелегко. Как-то в детстве Иисус, которого отец взял с собой в дорогу, прилег под деревом и стал глядеть в небо. Иосиф двинулся дальше, не беспокоясь за сына — до ближайшего селения было подать рукой. Мальчик задремал — и очнулся от громких криков.

Крики доносились с дороги, где собралась целая толпа. Иисус прислушался и различил такие слова:

«Падите на колени предо мной, ибо в руке моей булава, и сокрушаю я единым взмахом наимогучие царства! Преклонитесь предо мной!»

К изумлению мальчика, некоторые и вправду опустились на колени. Посреди толпы виднелся мужчина в обносках, в которых еще угадывались одежды ребе. У мужчины была густая черная борода, а голова его непрестанно качалась взад и вперед, так что, казалось, вот-вот оторвется от шеи.

«Назови свое имя, ребе», — попросил кто-то из толпы.

«Глупец! — откликнулся мужчина и замотал головой яростнее прежнего. — Всяк, кто услышит имя мое, будет пожран пламенем! Разве не о том предупреждал я Моисея?»

Послушав еще немного, мальчик понял, что этот человек говорит как Бог. Любопытство заставило Иисуса подойти поближе. Человек повернулся в его сторону — и Иисус отшатнулся: издалека он не заметил, что щеки мужчины расцарапаны в кровь, а волосы испачканы свежим коровьим пометом.

По какой-то причине появление Иисуса смутило проповедника и вызвало у него что-то вроде припадка: он упал на дорогу и принялся грызть землю, его речи сделались неразборчивыми. Толпа разошлась, остались лишь те, кто стоял на коленях в ожидании откровения.

Это воспоминание грызло Иисуса. А чем он отличается от того человека? Он не может доказать, что Бог говорит его устами. Тот бедолага искренне считал себя пророком, так что...

Нет, теперь все иначе.

Надо поведать Марии о том, что случилось в горящем доме. Это единственное доказательство его правоты. Иисус так бы и поступил, но в этот миг из амбара, точно варево из котла, выплеснулись ученики Иуды. Иисус и Мария поспешно укрылись в тени и стали наблюдать.

Одни хватались за ножи, другие размахивали руками, а сам Иуда, вышедший вслед за учениками, явно пребывал в растерянности. Оскорбления и обвинения в измене сыпались одно за другим.

Наконец Иуда решил положить конец этому безобразию.

— Глупцы! Молокососы! Бегите домой, к мамочке! — Он выхватил нож и замахнулся на ближайшего из учеников, который шарахнулся в сторону. — Мне плевать! Никто из вас мне не нужен!

На улицы высыпали зеваки, благоразумно державшиеся на расстоянии. Продолжая спорить между собой, молодые zeloty ушли, их голоса стихли в отдалении, и на улице вновь установилось спокойствие.

— Вот и мир, — проговорил Иисус. — Всего-то и нужно, что выкурить ос из гнезда. — Он выступил из тени и окликнул Иуду. — Не злись. Позже ты поймешь, что это благословение.

Иуда, похоже, уловил в словах Иисуса насмешку, явную или мнимую, и оттого разъярился пуще прежнего.

— Зачем ты пришел? Чтобы все разрушить? Римляне не выпустят тебя из своих сетей. Или ты у них на содержании?

— Ты нашел предателя? — спросил Иисус, не обратив внимания на последний выпад.

— Ступай к дьяволу! Ты его выдумал.

— По-моему, твои ученики заподозрили друг друга, — промолвил Иисус, пропустив мимо себя и упрек в обмане.

— А что еще им оставалось? — прошипел Иуда.

— Значит, они все предатели, один вовлек всех прочих, это лишь вопрос времени. В римскую сеть угодил не я, а ты.

Услышав это, Иуда оскалился и подступил к Иисусу со сжатыми кулаками. Иисус улыбнулся.

— Ты слишком труслив. Настоящий воин взялся бы за нож, даже на глазах у людей.

Стоило ссоре завершиться, как зеваки скрылись, остались только самые любопытные, которые пристально следили за Иудой.

Иисус ничуть не боялся. Взяв Иуду под локоть, он произнес:

— Пора выбирать, и времени у тебя немного.

Внезапно Иуда сообразил, какой опасности себя подвергает — ведь любой из зевак мог оказаться римским осведомителем. В провинции зрело недовольство, а потому римляне всякую уличную стычку воспринимали как начало открытого мятежа и наказывали зачинщиков соответствующе. Иуда замер, потом настороженно огляделся.

— Зачем ты тратишь на него время? — вмешалась Мария. — Нам надо позаботиться о себе.

Иисус покачал головой, не отводя взгляда от Иуды.

— Ты с нами или нет? Решай.

— Она права, — хрипло выговорил Иуда, раскачиваясь на пятках. — Как польза вам от меня, а мне от вас?

— Я твой первый ученик, — ответил Иисус. — Куда ты, туда и я.

Иуда ему не поверил.

— Учить больше нечему и некому. Сам видел, все разбежались. И разрушать больше нечего, если и это ты затевал.

— Радуйся, что они тебя бросили, — промолвил Иисус. — Осталось пустота, которую Господь заполнит, если ты ему позволишь.

Иуда был слишком расстроен, чтобы принять эти слова Иисуса за насмешку. Не проронив ни

слова, он махнул рукой, повернулся и побежал в направлении полей и леса.

Мария отказалась идти за ним.

— Не пойду, это безумие, — прошептала она. Иуда никогда не вызывал у нее расположения к себе, а странная покорность Иисуса сбивала женщину с толка и изрядно сердила. Как ни старалась, она не могла понять, что им движет.

Зная наперед, что все тщетно, Мария тем не менее взмолилась:

— Назови мне хоть один повод, почему благословенный вроде тебя должен следовать за таким человеком, как Иуда!

— Я должен. Так хочет мой Отец. Такова его воля, а значит, тебе ничто не угрожает.

Марии отчаянно хотелось поверить в то, что Иисуса ведет Божья воля, но если так, в том и заключалась опасность. Ведомый Богом — словно лист на ветру или птаха, порхающая с ветки на ветку: ни цели, ни смысла...

Впрочем, сколь ни велики были сомнения женщины, страх перед римлянами их переселил. Мария с Иисусом побежали за Иудой, их сандалии громко стучали по камням, и этот звук отражался от стен домов, так что казалось, что погоня совсем рядом. Надо уходить из города, слава Иисуса как чудотворца еще не настолько распространилась, чтобы им дали приют.

Иуду они нагнали на окраине. Взошла луна, слегка рассеяв тьму, однако выяснилось, что Иисус ничуть не утратил приобретенной в странствиях способности находить дорогу в сумраке. Вскоре беглецы вышли к кострищу, которое Мария использовала прошлым утром. Как ни удивительно,

некоторые угольки по-прежнему тлели под густым слоем пепла, а потому все трое смогли обогреться и перекусить, прежде чем улеглись под ветвями олив.

Хлеб преломили в молчании. Сторонний глаз, пожалуй, не заметил бы отличий от прежних дней, когда они странствовали втроем. Все, что случилось недавно, мнилось дурным сном — и задержание, и тюрьма, и чудеса. Трое путников вновь сидели под звездами, размышляя каждый о своем.

Когда Мария прилегла в стороне от мужчин и завернулась в накидку, Иуда сказал:

— Я тебя знаю. В тебе нет ни хитроумия, ни лукавства. И козни строить не в твоём духе. Так что признавайся, что тебе нужно.

— Ты спрашиваешь об этом всякий раз, когда мы встречаемся, — откликнулся Иисус. — Быть может, ответ неведом никому из нас.

Иуда зябко передернул плечами, пошевелил угольки, чтобы пламя разгорелось.

— Думаю, я хочу услышать больше.

Иисус протянул руку и коснулся плеча Иуды.

— С того самого мига, как мы повстречались, ты был учителем, и я это принимал. Теперь со мной говорит Отец и велит мне следовать за тобой. Не для моей пользы, а для твоей.

— Опять?! — воскликнул Иуда, вскакивая. — Снова твои штучки! Кротки твои речи, но ты следуешь за мной. Да лучше я сгину в адском пламени, чем позволю тебе меня спасти!

— Даже если Господь избрал нас?

— Нас?

— Когда он посылает дождь, тот падает на все вокруг. Быть может, для его народа настала дол-

гожданная пора? Ты не узнаешь, если не сделаешь шаг и не распахнешь сердце.

Прежде чем Иуда успел ответить, Иисус протянул ладонь к кострищу. Пламя занялось мгновенно, как если бы в огонь подбросили сухих веток. Иуда застыл в изумлении.

— Пути Господни неисповедимы, — вымолвил Иисус. — Смотри.

Иуду не пришлось уговаривать: он заморожено наблюдал, как языки пламени склоняются в его сторону. Потом вдруг пал на колени и наклонился к костру, и его лицо опалило жаром. Он просидел так довольно долго, и на протяжении нескольких последующих дней его лицо напоминало цветом руки прачки.

Когда костер угас, Иуда не сумел выговорить ни звука. Он чувствовал себя так, словно его тело растворилось, а когда все же совладал с собой, то выдавил лишь: «Он говорил!» Иисус кивнул. Оба догадывались, что следующие слова Иуды могут стать решающими, быть может, роковыми.

— Он сказал, что если я раскаюсь, Бог одарит меня величием.

— А как раскаяться, он тебе не поведал? — спросил Иисус мягко, словно у перепуганного ребенка.

— Если и рассказал, я не понял. — Иуда покачал головой. — Что-то вроде: «Первый и последний».

— Хорошо.

— Ты понимаешь, что это значит? — Иуда уже устал удивляться.

— Это значит: первый в мире, но последний перед Богом. Мы оба стремимся стать первыми.

Я грешен не меньше твоего. Но нам показали путь к спасению. Стать последним. Сдаться. Как мы познаем волю Господа, если не откажемся от собственной? — Иисус поднялся, стараясь не касаться Иуды, которого била дрожь. — Холодно, да? А ты бежал без накидки.

Юноша снял свою белую рубаху и накинул Иуде на плечи.

— А ты будешь мерзнуть? — спросил Иуда тихо, досадуя на собственную слабость, но не делая и попытки отказаться.

— За мной приглядывают, — сказал Иисус. — Похоже, от меня ничто не зависит. — Он двинулся прочь и быстро исчез во мраке.

Иуда не стал спрашивать, что Иисус имеет в виду. Холод, пронизавший тело до костей, наконец-то начал отступать. Разгоревшееся пламя — знак Божий, но пугало не столько это, сколько чувство, что теперь Бог знает его, Иуду, до последней косточки. Огонь словно обнажил его и выставил на обозрение, и теперь от взора Бога никуда не скроешься.

Накатило отвращение к себе, пополам с унижением. Если Господу ведомо о нем все, означает ли это, что и Иисус знает? При этой мысли Иуду снова пробрала дрожь, и он плотнее запахнулся в рубаху. Надо поспать. Он провалился в сон почти мгновенно, однако проснулся приблизительно час спустя и замутненным взглядом уставился на луну. Впрочем, пробудил его не свет, а звук.

Поблизости от стана кто-то был. Иуда хотел уже окликнуть незнакомца, но слова застряли у него в горле, когда он различил призрачный силуэт и глаза — тускло светящиеся алым.

Страх сковал члены, а незнакомец не спешил приближаться, уселся на землю и вперил в Иуду пронзительный взгляд. А потом демон — кто еще это мог быть? — произнес:

— Иисус тебя знает. Он все замечает.

Иуда кое-как сумел совладать с охватившим его ужасом и выдавил:

— Кто ты? Что тебе нужно?

— Я хочу прославить тебя. Иисус велит сдаться Богу. Не поддавайся. Сдаться значит проиграть.

Существо словно вторило сомнениям, которые обуревали Иуду.

— Огонь поведал мне, что я буду спасен.

— Огонь не может решать за тебя, — отозвался демон. — Тянет сражаться, так сражайся. И кто вправе заставлять тебя меняться? Выбор за тобой. Решай.

Иуду подмывало крикнуть, что он выбирает спасение, однако сердце противилось. Он застонал, припал к земле, не в силах выдержать внутреннюю борьбу.

«Уходи, — взмолился он про себя. — Ну уходи же!»

Ничего не произошло. Незримые, но слышимые, сновали под покровом темноты ночные животные, вышедшие покормиться. Лунный свет упал на кострище, и Иуда понял, что остался в одиночестве. В эту ночь он слышал два голоса — один возвещал надежду, другой сулил беду. И то, что Иуда никак не мог разделить эти голоса, казалось сущим проклятием.

С рассветом начались странности. Иисус сделался молчаливее, а сам Иуда отчего-то разозлил-

ся. Покончить с тлевшим между ними соперничеством для него оказалось недостаточно. Он решил, не посоветовавшись с Иисусом, что надо идти вокруг Мертвого моря и искать укрытие. Возвращаться туда, где промышлял собранный им отряд зелотов, опасно, а оставаться в холмах означало обречь себя на полуголодное существование.

— Если ты и вправду верный ученик, покажи мне свои чудеса, — сказал Иуда. — Неужто Бог позволит ученику преуспеть, а учителю — нет?

— Если будет на то воля Божья, — ответил ему Иисус, опуская взгляд, точно слуга.

— Да ладно! — Иуда фыркнул. — Если не будет никакого чуда, значит, ты мошенник или врешь, что хочешь следовать за мной. Я прав?

По пути Иуда заставлял Иисуса выполнять всякую работу, навьючил на него мешок с запасной одеждой и припасами, каждый вечер требовал собирать хворост и подолгу искать в пустыне родники. А стоило Иисусу вернуться с кувшинами, наполненными водой, Иуда посылал его готовить еду. «Превращает его в женщину», — думала Мария, которой такая работа была привычна; теперь же Иуда не подпускал женщину ни к одному делу, а Иисус послушно выполнял все поручения. И это его смирение почему-то распаляло в Иуде злость.

Как-то утром Мария осталась наедине с Иисусом — Иуда отправился вперед, чтобы осмотреться. Перед уходом он ударом ноги взметнул пепел костра в лицо Иисусу под тем предлогом, что юноша не уследил за огнем, и тот потух.

— Чему ты улыбаешься? — удивилась Мария. — Он же превращает тебя в свою рабыню.

— Разве лучше рыдать? — отозвался Иисус. — Если женская доля — отчаяние, тогда половина всего рода человеческого должна отчаиваться. — Он стоял на коленях, связывая вместе тонкие покрывала и укладывая в мешок котелки и кувшины.

Мария разозлилась настолько, что выбила кувшины у него из рук.

— Объясни, зачем ты это терпишь, иначе я уйду! Лучше снова податься в блудницы, чем смотреть, как он над тобой измывается!

Иисус молча поднял глиняную утварь. Один кувшин раскололся, ударившись о камень.

— Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника¹, — произнес юноша, разглядывая осколки.

— Хватит бормотать! — прикрикнула Мария, чувствуя, как злость рассасывается, и присела рядом с Иисусом.

— Я не бормочу, а объясняю, как ты и хотела? Не узнаешь слов?

Женщина вздернула подбородок.

— Я кое-что знаю. Конечно, меньше, чем мужчины, но все равно... — Она прочла на память строки из того же псалма: — Служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом². — Потом покачала головой. — Так ты и поступаешь? Служишь Иуде со страхом?

— Разве иудеи не служили Богу со страхом, поколение за поколением? И что в итоге? Новые страдания, новые кары. Мы все — дети страха, а когда случается беда, этот страх перерастает в ужас.

¹ Пс 2:9.

² Пс 2:11.

— Но тебе же дана сила это изменить! Одно прикосновение — и все, я сама видела. — Марии хотелось взять Иисуса за руки, но она не осмелилась. Этот юноша не походил ни на одного из мужчин, которые встречались ей прежде.

— Если я воспользуюсь своей силой, люди станут меня бояться. Ведь они боятся Отца моего, и сила моя — от него.

Иисус затянул горловину мешка, уселся на связку покрывал и посмотрел на женщину.

— Если не желаешь служить Богу из страха, значит, надо служить из любви. Я хочу научиться этому, но стоит ли выбирать того, кого я уже люблю, скажем, тебя?

Мария словно утонула в этих словах, но спрятала свою радость за очередным вопросом:

— И ты выбрал ненавистного тебе?

— Иуда мне не ненавистен, — возразил Иисус с улыбкой. — И не только мне. Ведь в сердце его матери наверняка заключена любовь к нему.

— Ты же не его мать! Только посмотри, с каждым днем он обращается с тобой хуже и хуже!

— Если бы он обращался со мной хорошо, вера мне бы не понадобилась, правильно? — Иисус подобрал что-то с земли. — Знаешь, что это?

Мария покачала головой. Настроения разгадывать загадки не было, однако она понимала, что останавливать Иисуса бесполезно.

— Это семя, — сказал юноша. — Какого дерева, не знаю. То ли горчичного, то ли смоковницы. Они очень похожи. — Иисус бросил семечко в росший неподалеку куст. — Семя может упасть на скалу или на землю столь бесплодную, что она не дает жизни. Но возможно-то все. Придем мы сюда

лет через пять или десять, а посреди поля высится смоква. Сегодня семечко, а завтра она сможет накормить целую семью. Я — такое же семя, и Господь кинул меня среди сорняков. Однако он следит за мной. Упаду я на твердую землю или накормлю сотни — это решать Господу.

— И потому ты позволяешь Иуде помыкать собой? — В голосе Марии сквозила все та же горечь.

— Да. Если Бог заслуживает почитания, то не из страха, а из любви. Я не могу жить, боясь Отца. Я выбираю любовь.

Вернувшийся Иуда поведал, что наткнулся на деревню и в ней безопасно. Иисус забросил на спину мешок, и они двинулись в путь. День выдался жарким; на юге такое бывало часто, даже ранней весной. Все трое не обменялись ни словечком, пока не обогнали на дороге других путников.

Иуда выбрал Иисуса за то, что тот отвернулся, пряча лицо.

— Пусть видят! Мне интересно, узнают ли они своего спасителя.

Никто из путников Иисуса не признал.

Селение ничем не отличалось от тех, какие они уже миновали: нищета, грязь, пустые глаза местных, которые бродили по улицам, точно лицедеи из вертепа в ожидании начала представления, — а то никак не начиналось. Попрошайки пялились на чужаков. Иуда упорно шагал вперед, словно кто-то или что-то высматривая.

Наконец он заметил старого нищего, скрючившегося у стены, и грубо сорвал мешок с плеч Иисуса.

— Идем.

Иуда потянул юношу за ворот накидки — темной и слишком большой для Иисуса. Прежде эта накидка принадлежала ему, но он предпочел оставить себе белую рубаху юноши.

Нищий услышал шаги, настороженно вскинул голову, явно гадая, то ли протянуть руку за подаванием, то ли заранее съежиться на случай, если двое чужаков наградят его пинками и затрещинами.

— Добрые люди... — жалобно произнес он.

— И что же в нас доброго? — Иуда возвысил голос, чтобы его услышала вся улица. — Разве что мы здоровы.

— Увы, господин, я хвораю. Подайте на исцеление. — Нищий осмелел настолько, что подставил свою шапку. — Подайте хлеба убогому, и вы ублажите Господа.

Иуда присел на корточки рядом с попрошайкой, который разочарованно отвернулся, не услышав звона монет. Он коротко кивнул, и Иисус присел с другой стороны.

— Возьми его за руку, — велел Иуда.

Иисус подчинился и взял нищего за правую руку, а Иуда — за левую.

Нищий забеспокоился.

— Вы чего это? — Он дернулся, потом обмяк, обессиленный подагрой и множеством иных хворей. Руки его трепетали, точно крылья пойманной птицы.

— Не бойся, старик, — проговорил Иисус.

— И кому нужна твоя жалость? — процедил Иуда. — Господь поведал мне, что мы должны исцелить этого человека. Держи крепче. Я помолюсь, и мы все сделаем.

Он искоса поглядел на Иисуса, а тот неожиданно понял, зачем Иуде понадобилось проверять, узнают его или нет. В этой деревне никто ничего еще не знал, ни о чем не догадывался. И если старик после молитвы Иуды исцелится на глазах у местных, Иуда сможет разделить с ним, Иисусом, славу чудотворца.

— Готов? — спросил Иуда, несколько не устыдившись от того, что Иисус разгадал его намерение. Скривив губы в усмешке, он стиснул руку старика — просто удивительно, как старческие костяшки не обратились в пыль. — Я привел с собой своего лучшего ученика. Не волнуйся.

Глаза нищего расширились, он забормотал какую-то молитву, перемежая ее обрывками стихов Торы. Иуда тоже стал молиться, его голос был громким, слова звучали отчетливо:

— Господь, лишь в твоей власти исцелить этого человека. Ниспошли мне дар исцеления, не ради моей выгоды, но дабы мог я врачевать тех, кто нуждается.

Местные начали приглядываться к происходящему. Иуда не открывал глаз и не смотрел по сторонам.

— Чувствуешь, старик? Ты чувствуешь?

Несколько местных жителей отважились подойти поближе.

Старый нищий вздрогнул.

— Да, — прошептал он, — что-то чувствую...

Мария держалась поодаль, укрылась в дверном проеме чуть ниже по улице. Она видела, как Иисус выпустил руку старика, поднялся и огляделся. Заметив Марию, он махнул рукой, подзывая женщину к себе, но ждать не стал и пошел прочь. Мария

нагнала его у следующего дома и вручила мешок с утварью, который подобрала с земли.

— Я так и знала, что ты не станешь исцелять. Правда? Это же обман.

— Дело не в том, — спокойно ответил Иисус, не оглядываясь на Иуду. — Он может приказывать мне что угодно, а вот с Богом все не так просто. — Юноша улыбнулся. — Народ собрался. Интересно, как он будет выпутываться?

— Уболтает. Ничуть не сомневаюсь.

— Или Бог посмеется над нами и исцелит старика. Глядишь, Иуда уверует — если сердце выдержит.

Иисус пребывал в отменном настроении. Он забрал у Марии мешок и забросил себе за плечо. Впереди они заметили знак — белую горлицу, нацарапанную мелом на доске, с оливковой ветвью в клюве.

— Остановимся на постоялом дворе. Иуда найдет нас, когда все закончится.

Так и вышло. Иуда, целый и невредимый, отыскал Марию и Иисуса на скамье в общей зале постоялого двора и навис над ними, бледный от ярости.

— Назовите хоть одну причину, по которой я не могу прикончить вас здесь и сейчас!

— Я сотворил тебе чудо, которого ты хотел, — ответил Иисус.

— Мне повезло, старик оказался мошенником, так что, когда толпа начала ворчать, он тут же завопил, что я его исцелил. А потом быстренько удрал.

— Как и ты, — вставила Мария, но ее насмешка не подействовала: Иуда продолжал пристально

глядеть на Иисуса, который, поскольку сидел на низкой скамье, выглядел ростом ниже обычного.

— Может, ты все же его исцелил. Может, Господь тайно помог этому человеку, — сказал Иисус, не поднимая головы.

— Чушь!

— Иуда! — вклинился в разговор новый голос. Он принадлежал коренастому человеку, чье лицо скрывал колпак. По выражению лица Иуды стало понятно, что это один из разбежавшихся учеников, и его появление Иуду вовсе не обрадовало.

— Как ты нашел меня, Миках?

— Не важно. А вот почему ты не искал нас? — Тот, кого называли Микахом, отбросил колпак. Он был существенно старше тех юнцов, которых Иисус и Мария видели с Иудой. Смуглый лоб пересекал шрам.

— Неужели зелоты забрались так далеко на юг? — спросил Иуда, пропустив заданный ему вопрос.

Миках кивнул.

— Мы даже кое-кого захватили. Пошли. И приятелей своих прихвати. Вы привлекаете внимание.

Следом за зелотом все трое прошли в заднюю комнату, где Миках указал на погреб. Лестницу в подzemелье внезапно осветили два чадящих факела в руках двоих мужчин, которые тут же потянулись за ножами, но Миках поднял ладонь, и охранники послушно отступили. Миках повернулся к Иуде.

— У меня вести от Симона. Мы волновались за тебя. Потом получили весточку из Иерусалима, что ты не справился. Симон расстроился. Сильно расстроился.

Иисус покосился на Иуду, однако тот оставался спокоен. При обычных обстоятельствах скрытая угроза Микаха означала бы смертный приговор. Но Иуда заметил впереди нечто куда более серьезное: посреди сумрачного погребца стоял стол, и на этом столе лежал связанный по рукам и ногам человек с повязкой на глазах. Пятна крови на одежде доказывали, что его пытали.

Звук голосов заставил человека пошевелиться и застонать. Он даже попробовал что-то сказать, но из пересохшего горла вырвался только хрип.

Один из охранников выступил из темноты.

— Если расскажешь, что нужно, язык останется при тебе. — С этими словами он ударил связанного тыльной стороной ладони.

Голова пленника глухо стукнулась о стол, и он, по-видимому, потерял сознание. Иисус присмотрелся и различил на его груди инсигнию легиона.

— Римлянин. Вы захватили римлянина. — Иуда посмотрел на Микаха, который утвердительно кивнул. Иисус понял, что этот Миках — худший из худших, настоящий фанатик. — А почему выкуп не потребовали?

— Это гонец от прокуратора Понтия Пилата. В Риме его имя известно, а в следующем месяце его голову найдут на римской улице. Надо, чтобы они нас боялись — и наши продажные священники, и сами римляне. — Охранники дружно хмыкнули, явно одобряя действия Микаха, а тот криво улыбнулся. — Однако у нас есть незаконченное дельце, не так ли, Иуда? Ты не справился. — Последние слова он прошипел Иуде в лицо.

— Не я, а он, — Иуда указал на Иисуса. Мария было рванулась вперед, но Иисус перехватил ее и

заставил застыть на месте. — Миках, тебя не было на совете, когда Симон поручил мне проверить новобранца. Ну вот, я и проверил. Это он не справился.

— И почему ты от него не избавился? — с подозрением спросил Миках. — Мертвый товарищ лучше живого труса.

— Такой уж я добросердечный, — проговорил Иуда. — Решил, пусть попробует еще разок. Зря, наверное. — Даже перед угрозой смерти Иуда сохранял хладнокровие. — Он просил пощадить его, и я сказал, что позволю повторно пройти испытание.

Иуда вытащил свой нож и воздел над головой.

— Пусть прикончит римлянина. Ты отлично потрудился, и ваш пленник готов умереть. — Миках недоверчиво усмехнулся, но Иуда уже повернулся к Иисусу и вложил нож тому в руку.

— — Давай, убей врага. Сделанного не воротишь, но мы, по крайней мере, будем знать, что ты верен нашему делу.

Иисус хотел высвободиться, но Иуда крепче сжал его ладонь.

— Ты уверял, что мне сегодня помог Господь. Проверим, поможет ли он тебе.

— Поможет, — коротко ответил Иисус, встретив взгляд Иуды.

— Не нужно много храбрости, чтобы убить того, кто и так наполовину мертв, — произнес Миках, качая головой. Даже Иуда на миг утратил хладнокровие и взмахнул было рукой, однако Миках еще не закончил. — С другой стороны, иначе мне придется убить твоего новобранца. — Он откровенно оглядел Марию. — А раз твоя милая спут-

ница все слышала, то и ее тоже. Знаешь, чего я не люблю, Иуда?

Иуда помотал головой.

— Лишней мороки. Мне пришлось бы вытаскивать всего один труп, а теперь добавятся еще два.

Иуда промолчал, да и что было говорить? Они с Иисусом и Марией оказались в руках изувера. Миках явно наслаждался, а они не имели возможности что-либо предпринять.

Миках подошел к Иисусу.

— Ладно, убей его. Это не испытание, а так, посвящение. — Он взмахнул ножом. — Но и посвящение проходят не все.

Окровавленный пленник снова застонал, задержался, очевидно понимая, что его ждет. Иисус приблизился и занес нож точно над сердцем римлянина.

— Нет! — вскрикнула Мария.

— Ты хочешь, чтобы я воспротивился злу? — спросил юноша.

— Да, ты должен сопротивляться! Мы умрем вместе.

Мария плакала, не скрывая слез. Зелоты стояли рядом с ней с клинками наготове. Однако Иисус продолжал говорить так, словно в погребке они были вдвоем:

— Если бы Господь хотел уничтожить зло, ему следовало истребить весь род людской. Но он этого не делал и даровал нам взамен мир...

Никто не понял, что случилось, но внезапно связанный римлянин сел и воздел руки. Миках позднее клялся, что Иисус тайком разрезал его веревки. Так или иначе, римлянин освободился, открыл глаза и взглянул на Иисуса.

— Я готов, — прохрипел он. Слова прозвучали вполне отчетливо и накрепко запомнились всем, кто был в погребе.

Иисус положил ладонь на голову пленника.

— Да пребудет с тобой милость Отца, — проговорил он.

— Какого отца? — По лицу пленника струились слезы.

— Того, который привел тебя сюда, а теперь возвращает домой.

Иисус вложил нож в руки пленного, аккуратно, чтобы тот не порезался. Нож завис рукоятью вверх и вдруг напомнил всем те кресты, к распятию на которых римляне приговаривали мятежных иудеев. Пленник, наверняка достаточно навидавшийся распятий, невидящим взором уставился на нож.

— Почему? — выдавил он.

— Потому что перед Богом мучитель и жертва — одно, — сказал Иисус. Это были не его слова, они сами пришли к нему на уста, и он содрогнулся.

Полуобезумевший пленник решил, что ему предлагают уйти из жизни благородно, и дрожащей рукой нацелил острие ножа себе в сердце. Зелоты стояли недвижимо, дожидаясь, пока совершится самоубийство.

— Нет. — Иисус отвел нож от груди пленника. — Ты призван. — Он вскинул руку, и пленник издал прерывистый вздох, потом словно обмяк, нож выпал из его руки на пол. — Сделано.

Никто не посмел остановить его, когда он подошел к Марии и взял женщину за руку. Вдвоем они направились к лесенке, выводившей наружу, но тут Иуда очнулся и заступил им путь.

— Ты отправил римлянина на небеса. Ты не мессия! Ты безумец.

Три зелота встряхнулись, будто собаки.

— Мессия? — переспросил Миках, пристально глядя на Иуду и словно прикидывая, а не спятил ли тот.

Иисус покачал головой.

— Господь даровал свою милость тому, кого ты обрек на гибель. А значит, возможно, знаешь что? Что мессия пришел, но спасти он будет всех, и римлян в том числе.

Подобное кощунство ошеломило зелотов. На какое-то мгновение они будто превратились в статуи. Иисус отодвинул Иуду и повел Марию за руку наверх, откуда доносился гул пьяных голосов. Они чуть было не наткнулись на винную бочку, но сумели ее обойти, а в следующий миг исчезли.

Часть третья

МЕССИЯ

Глава 12. Чистые духом

Они вернулись в общую залу постоянного двора. Иисус видел, что Мария потрясена смертью пленника и боится той же участи для себя.

— Никто нас не видел, — произнес юноша твердо, — так что мы выйдем отсюда, как положено, никуда не торопясь. — Он придержал Марию за локоть. — Зелоты нас преследовать не станут, у них и без того достаточно хлопот с мертвым римлянином.

Когда они пересекали полутемную залу, затянутую дымом от чадившего очага в углу, где жарилась козлиная тушка, головы посетителей поворачивались им вслед. В чадном мареве пьяные лица выглядели зловеще, однако никто не попытался остановить Иисуса и его спутницу, и вскоре они очутились снаружи. Яркий солнечный свет не принес Марии облегчения — живот вдруг пронзила резкая боль, и женщина согнулась, точно переломившись в поясе. Иисус заметил напротив широкий дверной проем, выложенный камнем, — вер-

ный знак того, что это дом человека зажиточного. Он подвел Марию к проему и усадил на камни.

Долгое время они сидели в молчании, женщина обессиленно опиралась на Иисуса. Прохожие почти не глядели в их сторону, привычные к подобным зрелищам. Наконец, решив, что Мария вполне успокоилась, Иисус мягко спросил:

— Ты прежде не видела смерти?

— Такой — нет, — отозвалась Мария, качая головой, и содрогнулась.

Иисус задумчиво кивнул. Забота о Марии отвлекала его от собственных мыслей, но теперь предстояло понять, как быть дальше. Он верил, что следует воле Божьей, но ведь Бог ни от кого не убегает, а он только этим и занимался — с той ночи, как оказался в пещере зелотов.

— Безнадёжно, — проговорил Иисус. — Милость Божья пала на язычников, которые ненавидят и истребляют иудеев. А мне милости не досталось, и значит, кто я такой?

— Перестань. — Мария обняла юношу. — Сомнение погубит нас обоих.

Иисусу вспомнился нож в руках пленного римлянина, нож, почему-то напомнивший о кресте. Его самого потрясла не столько гибель пленника, сколько ощущение, что она предвещает нечто ужасное — что-то такое, чего не допустит никакой любящий отец...

Неожиданно объятия Марии показались удушающими. Какие бы испытания не уготовил Господь, он должен пройти через них в одиночестве. Иисус высвободился и отстранил Марию от себя.

— Со мной оставаться опасно. Я придумаю, как вернуть тебя в Иерусалим.

Марии хотелось броситься ему в ноги, умолить не покидать ее. Увы, таков ее жребий: рыдать и оставаться брошенной. От этой мысли женщина расстроилась и почувствовала вдруг крайнее изнеможение. Она прикрыла лицо платком, чтобы на нее не заглядывались чрезмерно любопытные прохожие.

Иисус присел на корточки и заглянул ей в глаза.

— От меня одни неприятности. Нужно верить, лишь вера нас спасет.

У Марии остался всего один ответ, тот самый, в котором она до поры боялась признаться себе самой. Женщина подняла голову, посмотрела в глаза Иисусу и прильнула губами к его губам. Ее порыв заставил Иисуса отшатнуться, и он чуть было не упал.

— Люби меня, — прошептала, нет, простонала Мария и снова прильнула к его губам.

Иисус почувствовал себя неловко. Еще никогда ни одна женщина не целовала его так. Он не стал отодвигаться. Терять ему нечего, и нечего притворяться, будто он слишком чист и свят для этого... Мария ждала, она не настолько обезумела от страсти, чтобы утратить женское чутье; миг, другой — и она поймет, стоит ли ей уповать на Иисуса как на любовника. Вера — пустое, если веры нет.

Мы ошибаемся, когда думаем, что Господь велик и бесконечен и превосходит мироздание. Бесконечность больше наибольшего, но и меньше наименьшего. Божественное вмешательство происходит в долю мгновения, между двумя вдохами. Между поцелуем и ответом на поцелуй.

Возбуждение, охватившее Иисуса, достигло сердца, и тут случилось нечто неожиданное — страсть

в сердце юноши претворилась в свет. Сердце наполнилось ослепительным светом, который вовсе не затушил его любовь к Марии, но словно устремился во все стороны, сметая рубежи и пределы, как волна, что накрывает с головой и растекается вокруг... Мария всхлипнула, и Иисус понял, что женщина тоже это почувствовала.

Ты — мой возлюбленный сын.

Слова пришли из ниоткуда, как в тот раз, когда он двинулся к горящему дому. Иисус вдруг ощутил несказанное облегчение оттого, что эти слова они услышали вдвоем с Марией. Заповеди Моисея повелевали каждому мужчине вступать в брак. Прежде юноша отгонял от себя такие мысли, но теперь осознал, что сможет исполнить заповеди иначе, сочетавшись браком через Бога.

Иисус взглянул в глаза Марии. На самом ли деле она услышала эти слова? Вправду ли ощутила свет, наполняющий тело, растворяющий его, словно лишаящий телесности и оставляющий лишь дух? Из взгляда Марии исчезли всякие следы страдания и отчаяния. Женщина откинулась назад и хотела было что-то сказать, но тут произошло кое-что еще.

На них упала тень, причем они почувствовали прохладу, когда человеческая фигура заслонила солнце, раньше, чем увидели подошедшего. Иисус словно разрывался на части. Он хотел прижаться к Марии, вернуть ощущение разделенного блаженства, ради которого пожертвовал бы чем угодно. Однако появление постороннего означало, и в этом он не сомневался, некую перемену в судьбе.

Лица незнакомца было не разглядеть.

— Господин, — сказал мужской голос.

Иисус сразу вспомнил того единственного человека, который обращался к нему так. Неужели Кверул ухитрился его найти? Юноша отстранил Марию, которая осталась сидеть в проеме дверей, и начал подниматься. Незнакомец нагнулся, чтобы помочь ему, и Иисус увидел, что лицом он смуглее и круглее, нежели старый патриций. Тем не менее Иисус дал незнакомцу тот же ответ, что и Кверулу при знакомстве:

— Никому я не господин.

— Или же всем.

Незнакомец оказался иудеем, облаченным в белую рубаху наподобие той, какую Кверул когда-то вручил Иисусу. Голос этого человека звучал почти торжественно, а глаза так и ловили каждое движение юноши.

— Ты превыше всего, что мне известно, и ты все, к чему я стремлюсь. Невероятно! — Незнакомец выглядел слегка растерянно, будто повторял эти слова про себя сотню раз, однако, произнеся вслух, внезапно понял, что они никуда не годятся. Иисус попятился, и незнакомец быстро прибавил: — Но это не ошибка, уверяю тебя. Идем.

Иисус оттолкнул чужую ладонь, пухлую, но крепкую. Он хотел было помочь подняться Марии, однако незнакомец его опередил. Женщина повисла на его руках, словно ее хватил удар от долгого пребывания на солнце.

— Почему я должен идти с тобой? — Иисус был уверен, что его отыскал один из тех тайных соглядатаев, как и предупреждал Кверул.

— Я вестник, отправленный за тобой, — отозвался незнакомец, — а ты — вестник, посланный в мир. Ты слышал о нас?

— Да.

— Тогда ты должен знать, что мы ждем тебя давным-давно и были уверены, что ты придешь.

— Почему? — настороженно спросил Иисус.

— Были знаки, предзнаменования. Кое-что нам поведали звезды, кое-что — пророки, а остальное — сам Господь.

— Не следует верить в знамения, а пророки вещали сотни лет назад.

— Разумеется. — Холодность Иисуса, похоже, ничуть не смутила незнакомца, радость которого становилась все более очевидной. — Просто невероятно, что я отыскал тебя. Я пришел один, но все мои товарищи молились об этом.

— Извини, но вы заблуждаетесь.

— Что? — Незнакомец отшатнулся, как от удара.

— Именно так. По-твоему, ты единственный иудей, не нашедший мессию? — Блаженство исчезло, в сердце света не осталось и в помине. — Я знаю, каково это — заблуждаться.

Мария между тем пришла в себя и явно смутилась от того, в каком положении застал ее незнакомец. Она оправила одежды и постаралась расчесать пальцами спутавшиеся волосы.

— Пойдем отсюда, — шепнула женщина Иисусу.

— Ни в коем случае! — воскликнул незнакомец, разобрав ее шепот. Он преградил путь, его глаза настойчиво искали взор Иисуса. — Уж кому, как не тебе, понять? Твоя дорога — вовсе не дорога радости. «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни»¹.

¹ Ис 53:3.

Стих из книги пророка Исаии заставил Иисуса поморщиться.

— Презренный не значит избранный. Дай нам пройти. — Юноша был готов оттолкнуть незнакомца, но решил подождать.

Закусив губу, незнакомец не сдвинулся с места.

— Никак не ожидал, что сложится вот так, — проговорил он. Чувствовалось, что он подыскивает новые доводы, но в голову ничего не приходит. В конце концов он посторонился, Иисус взял Марию за руку, чтобы успокоить, и повел дальше по улице.

Они отошли на несколько шагов, когда вновь прозвучал голос незнакомца:

— Ты боишься умереть. Как и все мы.

— Да, — коротко ответил Иисус, едва повернув голову.

— Боишься настолько, что готов погубить всех прочих? Насколько, что готов выставить лжецами наших пророков?

Мария почувствовала, что Иисус колеблется, и сильнее сжала его ладонь.

— Не слушай, мы не можем тут оставаться.

Иисус кивнул и двинулся дальше, однако незнакомец все не мог уговориться.

— Значит, Иерусалим падет в пыль из-за твоего страха? Отвечай, другие будут меня спрашивать. Давай, растолкуй, какими мы были глупцами, ожидая твоего прихода. Ну давай, что же ты?!

Незнакомец бежал за ними, оглашая улицу криками. Иисус остановился, выпустил ладонь Марии. Женщина вздохнула, а когда юноша покосился на нее, ее глаза сказали без слов: «Ты уходишь. Мы оба это знаем».

Иисус протянул руку, но было слишком поздно — Мария побежала прочь, подобрав полу платья, чтобы не споткнуться, и голые ноги придавали ей вид пустынной газели, что пытается ускользнуть от вышедшего на охоту льва. Незнакомец хранил молчание до тех пор, покуда Мария не исчезла в каком-то закоулке. Он заманил Иисуса в силки, но пока тот еще не запутался окончательно, и любой звук мог его встряхнуть и понудить к побегу.

Звали незнакомца, как выяснилось, Товия. Он привел с собой двух животных — крепкую лошадь под седлом и ослика, навьюченного мешками с припасами и разными товарами (по всей видимости, этими товарами он торговал по пути).

— Я долго странствовал в поисках тебя, — сообщил Товия. — Потому и запасся как следует.

Он предложил Иисусу выбирать. Юноша никогда не видел иудея верхом на оседланной лошади, только римлян, и знать не знал, как управлять этим животным. Поэтому он взобрался на ослика, подвинув ногами мешки. На дороге встречные, увидев их, улыбались — уж очень комично они выглядели: один восседал на горделиво выступавшей лошади, второй ерзал на спине навьюченного ослика, который так и норовил отбежать, стоило ему заметить пятно зеленой весенней травы.

Разговоров они не вели, каждый погрузился в собственные думы. Иисус все возвращался мыслями к Марии и к тому, что он почувствовал, когда женщина вырвала свою ладонь из его руки. А Товия старался осознать, что древние пророчества

начали сбываться. Лишь вечером, у костра, Иисус нарушил молчание.

— Мессия — человек? — спросил он спутника, глядя в огонь. — Или он может нарушать Закон, не опасаясь кары?

— Что? — Подобного вопроса Товия совершенно не ждал.

— Если мессия — человек, — продолжал размышлять Иисус, — он должен жениться. Таковы заповеди отцов наших. Но как быть, если Бог этого не позволяет?

Товия растерянно развел руками. Иисус повернулся к своему спутнику и негромко спросил:

— Что скажешь? Наблюдатели узнали хоть что-нибудь за годы молений?

— Дела и слова мессии ведомы ему одному, — помолчав, ответил Товия.

— Значит, он не человек, не мужчина. Я никогда не был с женщиной. Они для меня загадка. Я сам для себя загадка. Неужели тебе и нужен вот такой, запутавшийся, не ведающий, что творит?

Товия вскочил, на его лице промелькнул страх.

— Да как ты можешь такое говорить?!

— Я ничего не знаю, — просто сказал Иисус, и эти слова отчего-то заставили Товию забеспокоиться сильнее прежнего. Он принялся расхаживать взад и вперед у костра, в алых отблесках которого казался призраком — черным призраком, выступившим из мрака ночи.

— Нечестно так меня испытывать!

— Почему? Ты же уверял, что не ошибся.

— Так и есть!

Иисус засмеялся.

— А лицо у тебя виноватое. Садись. Я больше не буду тебя дразнить. Я все понял.

Понадобилось некоторое время, чтобы Товия успокоился и вновь уселся на ствол поваленного дерева у костра. Он не стал продолжать разговор, занялся вместо этого уборкой — чистил тряпкой посуду и складывал ее обратно в седельный мешок. Обложив костер камнями, они улеглись поблизости, и тут Товия спросил:

— Так что же ты понял?

— Вам нужен не мессия, а идол.

— Нет, — откликнулся Товия подозрительно быстро. Он, конечно, знал, что Закон запрещает поклонение идолам, знал с тех пор, как ему минуло то ли четыре года, то ли пять.

Иисус не обратил внимания на возражение.

— Идолу можно поклоняться в доме, тайком ото всех. Он не доставляет хлопот, не терзается сомнениями, так что можно поймать Бога в ловушку твоих личных грез. Что может быть лучше?

Товия плотнее завернулся в одеяло и что-то проворкотал.

— Что-что? — переспросил Иисус.

Товия пошевелился.

— Я всего лишь веду тебя к остальным. Именно это мне поручили. Понимать твои слова я не обязан.

— Не думаю, что тебя минует эта участь.

— Там поглядим.

Подведя черту этой фразой, Товия укрылся с головой и отвернулся. На следующее утро он угрюмо принялся доставать кувшины и блюда и готовить еду, да и на дороге продолжал помалкивать.

Иисус тоже хранил молчание, думая о своем. Он недаром накануне вечером заговорил о Марии; ему и вправду было любопытно услышать ответ Товии. Каковы его обязанности теперь, когда Бог все изменил? Может, тем, кто долгие годы молился о пришествии мессии, известно об этом больше, чем ему самому?

Местность оставалась голой и бесплодной, низина сменилась холмами, склоны которых покрывала жухлая трава. И потому Иисус немало удивился на следующий день, когда лошадь и ослик перевалили через очередной гребень: перед путниками раскинулся чудесный сад, листва деревьев в лучах солнца сверкала, точно россыпь смарагдов. Однако людей видно не было, и юноша спросил, где товарищи Товии.

— Мы совершаем омовение перед полуденной едой и молимся почти до самого заката. — Товия уже в который раз отделялся такими вот ответами, не вдаваясь в подробности.

Спускаясь по тропинке, которая вела к оазису, Иисус вдруг понял, что Товия и его товарищи, скорее всего, не кто иные, как ессеи. Эти люди по всей Иудее славились своим отшельничеством. В Галилее, впрочем, ессеев не встречалось, и там в них верили не больше, чем в римских божков. Ессеи жили у Мертвого моря, в пещерах и укрытиях, и даже в Иерусалиме, на Святые дни, выбирались крайне редко.

Близость дома заставила Товию приободриться. «Они знают, что мы едем», — бросил он. Подобно зелотам, ессеи несли дозоры, и, словно подтверждая это обстоятельство, вдруг послышался

свист, ничуть не напоминавший птичий. Интересно, подумалось Иисусу, ессеи столь же подозрительны, как zeloty? И столь же раздражительны? И что произойдет, когда он встанет перед ними?

Прежде чем он успел спросить, Товия сообщил:

— Тебя ждет пир.

— Уже? — усомнился юноша. — Мы же только перебрались через гребень.

— Что бы за наблюдатели мы были, полагаясь лишь на собственные глаза? — Уж чему-чему, а самоуверенности ессеев можно было позавидовать. При виде дома Товию, похоже, оставили всякие сомнения, которыми он терзался по дороге.

Когда они приблизились к саду, стали появляться люди, показались дома — куда более крепкие и красивые, чем глинобитные домишки, попадавшие по дороге. Ессеи в своих белых рубахах, которые тут носили все поголовно, выглядели в солнечных лучах бесплотными призраками.

— У меня была такая же рубаха, — сказал юноша.

— Мы знаем. Она связала нас с тобой. Ты получишь новую, когда омоешься и отдохнешь.

Товия привлек к себе не меньше внимания, чем Иисус. Он гордо восседал в седле, и поза эта означала, что он преуспел в порученном ему деле. Привезти мессию — все равно что изловить орла голыми руками. Люди глядели на Иисуса со слезами на глазах. Наверное, они принялись бы славить его, когда бы не очевидно присущее им чувство собственного достоинства. Матери даже прикрывали подолами платьев лица младших детей, чтобы детвора восторженными воплями не оскорбила гостя.

Тропа привела к большому дому — то ли приюту, то ли синагоге. Перед домом ожидали ста-

рейшины, все седобородые и в белых одеяниях. Прежде чем Иисус спешил, каждый из них подошел и коснулся его ног. Последний, совсем уж ветхий старец проговорил:

— Да не покинешь ты нас вовеки.

— Аминь, — выдохнула добрая сотня голосов в едином порыве. Иисус обернулся и увидел, что позади собрались все ессеи. До чего же они не похожи на прочих иудеев, всех тех крестьян, что впадали в безумие, узнав, кто он такой, вцеплялись в него, точно стервятники в падаль. Ессеи вели себя иначе, спокойно и даже величаво.

— Славься! — вновь слитно произнесли голоса.

Это ессеи, или же слово донеслось свыше? Товия повел Иисуса в дом, и старейшины расступились перед ним в знак уважения. Внутри Иисус увидел просторный зал с выбеленными стенами и высокими окнами. Походило на синагогу, но в зале не было алтаря и не лежали свитки Писания. Не считая низких и длинных деревянных скамей, расставленных рядами, единственным, что оживляло зал, были росписи на стенах.

И все эти росписи были посвящены ему и его жизни, прошлому и будущему.

Товия повернулся, ощутив, что Иисус замер.

— Теперь ты понимаешь, почему мы искали именно тебя.

Иисус едва расслышал его слова из-за стука сердца, грохотавшего в ушах. Он узнавал картины собственной жизни в Назарете — вот они с отцом режут камень, вот он сидит рядом с братьями и сестрами, а ребе повествует об исходе из Египта... Другие картины поражали не меньше: он на троне среди облаков, он въезжает на ослике в Иеруса-

лим, а люди устилают улицу перед ним пальмовыми листьями.

Кроме них двоих внутрь никто не зашел. Все ждали снаружи, предоставив Иисусу возможность остаться практически наедине с росписями.

— Откуда это взялось? — сипло спросил Иисус, умудрившись, впрочем, сохранить спокойное выражение лица.

— Никто не знает, — ответил Товия и, перехватив недоуменный взгляд Иисуса, пояснил: — Первая картина появилась, когда я был совсем маленьким.

Он указал на роспись в дальнем углу. Иисус с трудом узнал Марию и Иосифа, закутанных в зимние одежды. Мария кормила грудью новорожденного, но где именно, сказать было сложно. Больше всего это напоминало хлев или ясли. Чуть поодаль виднелись фигуры животных — коров и овец. Родители никогда ни о чем таком не упоминали.

— Ты говоришь, их рисовали не люди?

Товия утвердительно кивнул.

— Каждую зиму, в самый короткий день года, возникала новая. Нашим старейшинам было видение, что нужно построить этот дом с выбеленными стенами. Больше ничего не открылось, но мы — ессеи и потому подчинились. Иной цели в жизни у нас нет. Многие годы назначение этого места оставалось тайной. Нам велели держать двери закрытыми, а потом появилось вот это.

Он указал не на картину, а на одно из высоких окон. Иисус прищурился — сквозь окно проникали солнечные лучи, в которых весело порхали пылинки. Прямо под окном можно было разобрать надпись черными буквами: «Свет мира».

— Остальные появились почти сразу, — прибавил Товия. Под каждым окном, как заметил Иисус, была своя надпись. «Мессия», «Помазанник», «Агнец Божий», «Царь царей». Все эти слова были хорошо знакомы иудеям по древним пророчествам. — Как видишь, знаки и предзнаменования истолковать не так уж и сложно. Нужно быть слепцами, чтобы их проглядеть.

Товия усмехнулся. Замешательство Иисуса явно его позабавило.

Иисус приблизился к картине с Марией и Иосифом в яслях, провел пальцами по подолу грубой материнской накидки. Как в жизни... Мать надевала эту накидку каждую зиму.

— Твои люди чисты духом, — произнес юноша. — Вот почему вам открылось это.

Стук в ушах затих. Иисус обвел взглядом зал, задерживаясь на каждой картине. Один участок стены был затянут холстиной, скрывавшей роспись.

— А эта почему закрыта?

— Последняя. — Товия повел плечами. — Мы пришли, как положено, в самый короткий день года. Это совсем другая картина. Она не о мессии.

— А о ком? Я хочу посмотреть.

— Конечно.

Товия, помешкав, потянул холстину за угол, и та опустилась к его ногам.

— Мы не понимаем, — проговорил Товия. — Она еще не закончена.

Голый холм под затянутым тучами небом. Таких холмов в Иудее сколько угодно, и в самом деле непонятно, отчего эту роспись поместили вместе с остальными. Незримая рука, ее рисовавшая, остановилась на первых мазках; впрочем, подойдя по-

ближе, Иисус различил набросок, едва заметные очертания трех крестов на вершине холма.

— Мы правильно сделали, что завесили ее? — спросил Товия.

— Оставь так, — проговорил побледневший Иисус. — Я знаю, почему она не дорисована.

— И почему?

— Потому что закончить ее доверено мне.

Глава 13. Путник

Стоило Иисусу объявить о том, что он уходит, как эта весть распространилась по селению, подобно лесному пожару. Ессеи ждали его ухода пять лет. Никто не думал, что он останется с ними навсегда, ибо разве не предсказано, что спаситель покорит Иерусалим и вступит в храм в торжестве? И в тот самый день ессеев перестанут считать отступниками, изгоями, вера которых слишком чиста для остальных иудеев, пусть и ожидающих пришествия мессии. И то сказать, в своей непорочности они отвергали брак и оставались холостыми, во искупление первородного греха, совершенного Адамом и Евой, а новичков к себе принимали лишь после того, как те десять лет проведут в услужении.

Но со временем ессеи будут вознаграждены, Бог сполна одарит их за долготерпение и жертвы, которые они принесли.

— Мы войдем в храм следом за тобой, — сказал Товия. — Мы не бойцы, и оружия у нас нет, но кому оно потребно, правда? — Судя по затуманенному взору, он представлял себе, как римские солдаты разлетаются в стороны, едва Иисус поднимет руку.

Иисус покачал головой и ответил, что пойдет один.

— Думаешь, это разумно? — спросил Товия.

Что же это за мессия без войска? Ведь предсказано, что он придет как воин. И кем еще может быть мессия? Писание изобилует насилием, им пронизаны все священные книги, вспомнить, хотя бы, Исход с проклятием, наложенным на змея, и печатью Каина... И вся история Израиля есть насилие, борьба за выживание и кары небесные.

— Позволь мне пойти с тобой.

— Хочешь увидеть, как падут римские укрепления? Как я протрублю в *шофар*?

— У нас есть шофар, — обрадовался Товия, — можешь взять.

С тех пор как пали стены Иерихона, рог-шофар сделался непременной частью богослужений. Иисус положил руку на плечо собеседнику.

— Ты можешь пойти. Среди всех здешних ты заслуживаешь этого более прочих. Но я ищу того, что нельзя найти. А когда найду, ты не увидишь, что это. Ветер — и тот можно узреть, но не предмет моих поисков.

— Ветер можно ощутить, — усмехнулся Товия, — и пойти туда, куда он гонит.

Приготовления не заняли много времени. Подобрали вьючного ослика и привязали его к заднику повозки. Иисус отказывался от всех предложений как следует запастись пищей и снаряжением, а когда старейшины упомянули о неких схронах с мечами и доспехами, он сделал вид, что не услышал. Гонцы обходили близлежащие холмы и созывали тех ессеев, что жили в отдалении от Кумрана и берега Мертвого моря. Эти отшельники, собрав-

шиеся на главной площади Кумрана, выглядели неестественно бледными для жителей пустыни. Впрочем, многие из них проводили дни, корпя над свитками при свете свечей в своих сумрачных домах и пещерах, и потому до сих пор моргали, будто совы, от яркого солнца.

Иисус наблюдал за приготовлениями с отчужденностью, которой никто не мог объяснить. На пир в свою честь он пришел, но сидел за столом, почти не притрагиваясь к кубку с вином и задумчиво разламывая хлебную краюху. На следующий день он собрал в зале с картинами столько народа, сколько зал мог вместить; люди заняли все скамьи и набились в проходы, а снаружи нещадно палило солнце, так что дышалось с трудом. Иисус оглядел ессеев; почти все лица были ему знакомы, ведь он провел среди них пять лет, проповедовал во всех общинах, пировал с ребе и толковал вместе с ними Писание и *мидраши*.

Иисус учил, что истинное Писание — отнюдь не свитки Торы. «Если Бог повсюду, мы должны понять, почему его столь тяжело увидеть», — сказал он однажды, когда его нашли на краю поля, пристально глядящего на что-то в траве. Это оказалось гнездо жаворонка; птенцы только вылупились из яиц и слепо тыкались в разные стороны, принимая тень, что падала от Иисуса, за предвестие возвращения матери, раскрывали свои большие розовые клювы и жалобно попискивали, требуя еды.

Такие мгновения прозрения случались довольно редко. Иисус привнес в жизнь ессеев радость, которой они прежде не ведали. Он порастил ребе утверждением, что твари Божьи и поныне чисты

не менее, нежели в день, когда был сотворен Эдем. По его словам, грехопадения не было. «Посмотрите на птиц в небесах и на цветы в поле. Какую заповедь они нарушают?» Он учил, что невинность есть близость к Господу и что все живые существа рождаются невинными.

«Ева прогневила Бога, и нас лишили невинности», — возразил один ребе.

Иисус улыбнулся и ответил: «Женщины и вправду наделены тайной силой, но я сомневаюсь, что они способны разрушить созданное Богом. Мы всего лишь упали в грязь, и эту грязь можно смыть».

Ребе он не убедил, поскольку никому не позволено противоречить Торе. Однако простые люди ему поверили и полюбили его проповеди. Наружностью Иисус оставался все тем же юношей, который пришел к ессеям пять лет назад, но внутренне преобразился по воле Божьей, из зеленого побега сделался крепким стволом.

Иисус обвел взглядом собравшихся, дожидаясь тишины, и спросил:

— Я вас разочаровал? Должно быть, так, иначе вас подвел Господь, а это невозможно.

Люди озадаченно зашептались. Никто не ожидал подобного начала разговора.

— Не слышу ответа, — продолжал Иисус. — Если вы всем довольны, значит, обрели спасение? Хотите, чтобы я поверил, что иудеи счастливы?

Это что, испытание? Замешательство становилось все очевиднее; наконец кто-то отважился попросить:

— Господин, объясни свои слова.

Иисус вскинул руку, призывая к тишине.

— Вы хотите, чтобы я истребил врагов ваших и вернул эту землю Богу. Я ничего не могу сделать, пока вы не ответите мне на простой вопрос. Для чего я вам нужен? Почему вы еще не обрели спасение? Ну, говорите же!

Товия, сидевший в переднем ряду, хотел было подняться, но его опередил один из старейшин.

— Господин, иудеи сами не в силах обрести спасение. — Старец говорил с запинкой, пытаюсь совладать с растерянностью. — Римляне силой захватили нашу землю, их пошлины ввергают нас в нищету. Тысячи повстанцев погибли, их семьи казнили в назидание остальным. Ты же все это знаешь.

— И Бог это знает, — кивнул Иисус. — Так почему же он не вмешался?

Старец прокашлялся. Он имел немало возможностей убедиться в мудрости и прозорливости юного господина, но это еще не повод выставлять его нерадивым учеником.

— Бог ждет, куда мы искупим свои грехи. — Старейшина обвел рукой зал. — Все мы собрались во имя искупления грехов. И годами, проведенными в чистоте, мы заслужим милость Господню.

— Почему-то мне так не кажется, — нахмурившись, произнес Иисус. — Что у вас есть? Трава пополам с грязью — этим вы питаетесь; ваши овцы малочисленны и отощали от голода в бесплодной пустыне. Многим грешникам дано намного больше.

Люди замерли. Меньше всего они ожидали, что Иисус оболет их презрением. Впрочем, что бы они ни услышали в его словах, сам Иисус никого не

презирал. Вплоть до недавнего времени он делил с ессеями их труды, заботы и маленькие радости. Но как-то ночью, когда он бродил среди оливковых рощ, случилось нечто, поначалу показавшееся малостью: он поглядел на луну сквозь ветви самого старого дерева в роще, словно сплетенные в сеть, и луна мнилась рыбой, пойманной в эту сеть.

Внезапно сердце пронзила боль. Иисус продолжал смотреть на луну, и с каждым мгновением в нем крепло убеждение, что это зловещий знак, что ессеи падут, и никакая чистота их не спасет. Подобно луне, они очутились в ловушке. Малая группа не может искупить грехи прошлого. Минуют поколения, а иудеи останутся рабами. А единственная надежда по-прежнему скрыта за завесой тайны...

Той ночью Иисус осознал, что должен уйти из Кумрана и раскрыть эту тайну, и что не может позволить ессеям следовать за собой.

Юноша взмахом руки призвал собравшихся к молчанию.

— Господь видит все. В смирении таится высокомерие, за чистотой прячется гордыня. Вы прониклись ложной верой, будто люди способны очиститься до конца, а худшая ваша ошибка — верить, что я смогу спасти Израиль. — Иисус не обратил внимания на то, что шепотки в зале начали перерастать в негодующий ропот. — Я пришел как друг. И вовсе не хочу уходить врагом. Но если вы ждете, что я обрушу стены Иерусалима, как Навин обрушил стены Иерихона, ваши ожидания тщетны.

Ессеи вскочили, возбужденно загомонили, слышались женские причитания. Товия, один из немногих, остался сидеть; он склонил голову и

молился — вероятно, о том, чтобы юный господин открыл свои намерения.

— Что же? — воскликнул Иисус. — Теперь вы обратились против меня? Несколько злых слов, и ваша любовь переродилась в ненависть? — Быстрым движением руки он смахнул со стола, служившего алтарем и покрытого богато расшитой парчой, металлические браслеты, амулеты и фрукты. Потом запрыгнул на стол, раскинул руки и крикнул, перекрывая гомон: — Сядьте! Ну же, уймись!

Многие слишком разошлись, чтобы подчиниться, однако женщины и наиболее рассудительные из мужчин успокоили самых разгоряченных. Дождавшись относительной тишины, Иисус продолжил:

— Я уйду не ради себя, но ради вас. Вы хотите, чтобы я спас иудеев. Но иудеев не спасти, пока мир остается таким, какой он есть. Нам нужен новый мир, ни больше и ни меньше.

Никто не понял, о чем он говорит, однако в этих его словах крылся проблеск надежды, и потому люди вновь зашевелились.

— И откуда возьмется новый мир, господин? — спросил кто-то.

— Не знаю, — ответил Иисус. — Знаю только, что я не тот, кем вы меня возомнили. Я не воин, который повергнет супостата. — Он склонил голову, и этот жест смирения не остался незамеченным.

Товия поднялся, не в силах долее молчать.

— Другие, не мы, нарушили завет. Мы всем сердцем стремимся чтить Господа. Мы повинuemся заповедям, стараемся искупить всякий грех, пусть самый малый.

В зале одобрительно зашептались.

— Вы — чистейшие из всех, кого я видел, — проговорил Иисус, — и Богу это приятно. Но за вашу чистоту он вас не спасет.

— Что это значит? Что Бога не умилоstitивить праведной жизнью?

— Бог превыше праведности. — Иисус покачал головой. — Бог — это тайна.

— И ты ее не раскрыл?

— Еще нет. Но я ближе к ней, чем в тот день, когда пришел сюда.

Товия огляделся; в зале кто-то застонал.

— Ты не можешь оставить нас в отчаянии. Мы признали тебя учителем, так обучи же нас.

— Увы. — Иисус вновь покачал головой. — Дайте мне уйти. Забудьте, что я жил среди вас.

Он спрыгнул со стола и направился к двери. Женщины снова запричитали, мужчины понурились. День, начинавшийся с праздника, завершался горем.

Товия нагнал Иисуса.

— Посмотри, что ты наделал! Вернись. Ты лишил нас надежды.

— Успокойся, Товия. Никто ни в чем не виноват. — Несмотря на всеобщее уныние, Иисус оставался спокойным и собранным. — Приведи повозку. Мы уходим немедленно.

Товия выпучил глаза, не в силах поверить услышанному, и юноша прибавил, уже не столь резко:

— Так будет лучше для всех. Слова Бога порой заставляют рыдать. Уж тебе ли этого не знать?

Если Товия и рассердился, он отвернулся слишком быстро, чтобы по его лицу можно было это заметить. Он двинулся к соснам, в тени которых

стояла повозка, и вскоре вернулся, ведя в поводу мула, запряженного в постромки. Иисус уселся в повозку, рядом с двумя овечками, которых они брали с собой на случай, если закончатся припасы. Товия взмахнул кнутом, и мул медленно тронулся мимо деревьев, увешанных разноцветными кусками материи, — так ессеи собирались провожать мессию на его торжественном пути в Иерусалим.

Овцы заблеяли, словно ощутив, что их увозят прочь от дома. Иисус принялся что-то нашептывать животным, а на Товию даже не взглянул. Юноше не хотелось, чтобы Товия заметил, сколь тяжело дались ему жестокие слова в зале.

Ессеи, истово помолившись, разошлись лишь к ночи. Некоторые настолько истомили себя молитвой, что остались ночевать прямо в зале. Большинство отправились в свои уединенные убежища в холмах, преисполненные печали. Ночь минула, а поутру те, кто спал в зале, пробудились и увидели, что росписи на стенах исчезли, а побелка вдруг сделалась такой же свежей, как в тот день, когда ее нанесли.

Покинув селение ессеев, Иисус велел держать ближе к Иордану, что внушило Товии надежду: быть может, они в конце концов попадут в Иерусалим или же, в крайнем случае, отправятся на родину господина, в Галилею.

— Ты не хочешь попрощаться с матерью? — спросил Товия.

— Моя мать и так знает, где я, — отозвался Иисус, не поворачивая головы.

Хуже всего, если Иисус двинется к злополучному Шелковому пути, ведущему от Нила в неизвест-

ные земли. Сызмальства Товия слышал рассказы о роскошных женщинах, которых носят на носилках под золотыми покрывалами, царицах, которых римляне обратили в блудниц. Их верблюды увешаны серебряными колокольцами, а аромат роз и амбры сопровождает этих женщин всюду, куда бы они ни направлялись. По Шелковому пути идут караваны с пряностями, которые доставляют и шелк, сотканный, по слухам, какими-то червями, на ощупь глаже шкуры новорожденного ягненка и такой тонкий, что через него все видно. Но где заканчивается этот путь, неведомо; там тьма...

На третий день дороги Товия догадался, что они едут в Сирию, едва ли не опаснейшую среди окрестных земель, печально известную своими контрабандистами и разбойниками в масках. Он бывал в Сирии много лет назад, когда ходил искать мессию, и каждый шаг в тех краях мог оказаться последним. Иисус же оставался спокоен и даже не расспрашивал ни о чем встречавшихся им купцов. Когда повозка замирала на очередном перекрестке, он лишь молча кивал в избранную им сторону, и теперь от Дамаска их отделяли два дня пути.

Ночью Товия решил высказать все, что у него накопилось.

— Ты оставляешь позади наш народ, — проговорил он, шевеля палкой уголья костра.

— Но не Бога. — Иисус, казалось, призадумался. — Ты веришь, что у иудеев один Бог, а у прочих народов свои божества?

— Я слышал, чему ты учил. — Товия покачал головой. — Бог един для всех народов. Вот только — разве язычники его не отвергли? Они отри-

нули Закон, а иудеи его соблюдают. Потому мы и считаемся избранным народом.

Иисус не ответил. Подобный спор возникал уже не в первый раз. По правде сказать, Товия примирился бы со словами Иисуса, если бы тот вел себя иначе...

На следующее утро Иисус забрал у Товии поводья.

— Ступай, отвяжи осла. Поедешь верхом.

— Один? — удивился Товия. — Ты меня бросаешь?

— Рано или поздно тебе встретится караван, идущий на юг, — произнес Иисус отстраненно. — Присоединись к нему.

Насколько Товия знал, за Дамаском начинались дикие места, все равно что преисподняя, но возражать, похоже, было бесполезно. Поэтому он молча взобрался на повозку и уселся на солому, покрывавшую днище. Иисус промолчал.

— Не надо было выпускать овец, — проворчал Товия. — Кто-нибудь их все равно съест, и лучше бы это были мы.

Около часа спустя они остановились у мутного источника. Животных пустили утолять жажду, а Иисус сказал:

— Я могу защитить твою душу, которую знаю лучше, чем ты сам. Но тело защитить не могу. Твое место среди иудеев. Как ни крути, ессеи нашли себе прибежище, даже под властью римлян.

— Значит, ты советуешь спасти тело и потерять душу? — Товия горько рассмеялся. — Последнее наставление, да?

Так, не напрямую, он осмелился возразить Иисусу. И эти его слова будто послужили сигналом к

нападению. Разбойников было шестеро — должно быть, целая семья сирийцев, промышлявших грабежом на дороге, чтобы добыть средства к существованию; они прятались в густом кустарнике близ родника и выскочили из засады, оглашая воздух воплями и размахивая длинными ножами. Товия сделал единственное, что могло сохранить ему жизнь, — упал на колени и закричал:

— Пощадите! Пощадите!

Потом сунул руку в мешок, собираясь достать скудный запас монет, однако разбойникам, видно, почудилось, что он лезет за оружием, и самый молодой из них метнул короткое копье с кованым наконечником. Копье пронзило горло, брови Товии изумленно поползли вверх. Он издал полу-вдох-полувсхлип и повалился наземь.

Смерть наступила мгновенно. Товия так и остался лежать, его взгляд был устремлен в небо.

Сирийцы шумно переговаривались на местном наречии. Один наклонился над телом Товии, извлек припрятанный кошель, оружия не нашел и, похоже, слегка смутился, но самый высокий из шайки, вероятно, старший брат этого разбойника, пнул тело, показывая, что ничуть не жалеет о содеянном. Потом повернулся к Иисусу и выкрикнул тому в лицо что-то неразборчивое. Иисус не ответил, продолжая глядеть перед собой, но прочие разбойники расхохотались.

Тот, кто пнул тело Товии, потянулся за кошельком Иисуса.

Юноша тихо произнес:

— Нет.

Разбойник недоуменно покосился на свою руку, которая вдруг словно застыла. Никто не понял,

что произошло, но он отскочил и, судя по тону, выбранился. Прочие притихли. Некоторое время спустя старший прикрикнул на своих соратников, те ответили. Разгорелся спор, сопровождавшийся тыканьем пальцев в сторону Иисуса и размахиванием ножами. Похоже, большинство разбойников было за то, чтобы прикончить его, но старший противился — хотя в таких шайках старшими, как правило, становятся самые жестокие...

Иисус между тем встал на колени над телом Товии и произнес:

— Радуйся, что все случилось быстро. Ты бы разгневался, узнав, что никто не прочитал над тобой Каддиш.

Окрестности родника были слишком пустынные и бесплодные, чтобы провести положенные обряды; да и лопаты, чтобы выкопать могилу, не было, поэтому Иисус снял свою белую рубаху и завернул в нее тело Товии, закрывая убитого от солнца. Но оплакивать погибшего, как того требовал ритуал Каддиш, не стал.

— Освобождаю тебя от пут земных, — прошептал юноша. — Ступай с радостью к Отцу моему.

Он не оглядывался, ибо тишина за спиной доказывала, что разбойники ускользнули. И не имело значения, пустились ли они в бега или укрылись в своем убежище. Иисус воздел руку, благословляя мертвеца. Душа отлетела, и теперь это всего лишь мертвая плоть. Юноша посмотрел на повозку; оба животных — и мул, и осел — беспокоились, напуганные появлением чужаков и запахом крови. Они тревожно прижимали уши, словно опасаясь за свои шкуры.

Иисус развязал постромки мула, затем снял поклажу со спины осла. Отсюда он пойдет пешком. Присев под пальмой, он выпил воды из кожаного бурдюка и неожиданно улыбнулся собственным мыслям. Тайна влекла его вперед и вперед и как будто подчинялась неведомым причудам. Вроде бы мессия должен знать, что ждет впереди, однако Иисус ничего подобного не ощущал. Более того, рассудок был пуст, как если бы Бог захотел, чтобы он шел по нехоженным тропам.

Когда солнце перевалило за высшую точку, Иисус закинул за плечо бурдюк с водой и поднялся. Он кивнул телу Товии и пошел прочь, ничуть не подивившись тому обстоятельству, что белую рубаху, покрывавшую тело, пропитала кровь. Другой на его месте наверняка бы заинтересовался, почему тело человека, убитого копьем в горло, продолжает кровоточить и через несколько часов после смерти; причем кровоточило не горло, а ладони, лоб и глубокая рана в боку. Но Иисус просто ушел.

Бесконечная дорога на восток текла, будто река, заполненная людьми. И никто не догадывался, кто такой Иисус. При нем не было ни товаров, ни верблюдов, значит, не купец. Он не разбивал шатра, подобно кочевникам, и не замирал на обочине в молитве, как священники. И святых реликвий, какие носят при себе паломники, у него не было. Вдобавок паломники движутся к определенной цели, как тот перс, с которым Иисус встретился по пути.

— Что ищешь, брат? — спросил перс.

— Себя, — ответил Иисус.

Перс рассмеялся.

— А откуда знаешь, что не оставил себя дома?

— Не знаю.

Дорога пролегла по непривычно красивой местности: холмистая зеленая равнина была усеяна пятнами золотистых диких цветов, и выглядело все так, будто солнце опустилось на землю. Перс оказался торговцем камнем. «Для стройки?» — спросил Иисус. Перс покачал головой, развернул кусок шелка и показал Иисусу осколок ляпис-лазури — синее Тирского моря; ничего прекраснее юноша в жизни не видел. Такие камни добывались в одном-единственном месте. Перс указал на юго-восток: мол, очень, очень далеко. Его род вот уже десять поколений ходит по этой дороге с востока на запад и обратно и сумел обогатиться благодаря всего дюжине подобных камней.

— Я богат, торговать мне нет нужды, — продолжал перс, — но я слышал о Великой Матери из Эфеса, у которой тысяча сосцов. Хочу ей поклониться.

— Почему? — спросил Иисус.

— Потому что не хочу умереть, не отыскав бога.

— А откуда ты знаешь, что не оставил его дома?

Перс усмехнулся, показывая, что оценил шутку, спешил и остаток дня шагал рядом с Иисусом, ведя коня в поводу. Он предполагал, что его одинокий спутник — иудей, но на прямой вопрос Иисус не ответил.

— Скажи хотя бы, почему ушел, — не отставал перс.

— Трудно объяснить. Я ни от чего не бегу и ни к чему не иду. Если Бог повсюду, его нельзя ни

потерять, ни отыскать. И все же я должен странствовать.

— Либо ты заглянул туда, куда большинство не заглядывает, — отозвался перс, — либо, уж прости, ты деревенский дурачок.

— Дурачок, пожалуй, захотел бы поиграть с твоими синими камешками. — Иисус улыбнулся. — Там, откуда я пришел, никто меня не распознал, хотя одни мне поклонялись, а другие презирали.

Ни словом, ни жестом не выдав своего намерения, Иисус вдруг свернул с дороги и направился к ближайшему пятну желтых цветов. Перс остановился, размышляя, как поступить. Пожалуй, несколько часов разговора способны скрасить дорогу (он-то знал, что эта дорога тянется до самого края мира, а здесь лишь короткий ее участок), но вот есть ли смысл беседовать с безумцем? И все же он ждал.

Около часа спустя Иисус вернулся на дорогу и двинулся дальше, будто никуда и не сходил.

— Я знаю, куда тебе надо. — Перса явно позабавило выражение лица спутника. — Идти несколько месяцев, но когда достигнешь земли, где лошади сотнями бегают без упряжи, поверни на юг. Там из земли растет горб. Как доберешься до него, начинай взбираться.

— Откуда ты знаешь? — спросил Иисус.

— Не думай, я не прорицатель. — Перс развел руками. — Просто ты напоминаешь мне других, кого я встречал. Их называют «одержимыми богом», и они приходят с тех гор. Ты должен взобраться так высоко, что дышать станет невозможно. Снег будет ослеплять тебя, и ты решишь, что

«смерть» — лишь иное название белизны, которой не видно конца. Обычные люди теряют рассудок, если задерживаются там надолго, но немногие становятся одержимыми богом, а это совсем другое дело. — Он пожал плечами. — Если верить им, конечно.

Приблизительно через час они достигли развилки, и перс свернул на дорогу к копиям, а Иисус остался на главной. В словах случайного попутчика имелся резон: он и вправду мог быть одержимым Богом, если это означает раствориться в Божественном до такой степени, что все прочее перестает иметь значение.

На протяжении многих месяцев некто незримо опекал Иисуса. Когда он бывал голоден, появлялась еда, обычно словно по воле случая — он набредал на покинутый стан, где находил позабытую краюху хлеба, или натыкался на задранного хищным зверем ягненка. Иисус съедал хлеб, жарил мясо, возносил хвалу Богу и шел дальше.

Вот только Бог перестал его направлять. Он больше не слышал голоса у себя в голове и двигался наобум. Однажды Иисус присел под раскидистым кедром и призадумался. Покинутым или одиноким он себя не чувствовал. Быть может, Бог требует чего-то, что он пропустил? Ответа не было, и Иисус заключил, что следует за тайной столь глубокой, что у нее нет голоса, за чем-то столь невыразимым, что даже неопалимая купина, явившаяся Моисею, по сравнению с ней кажется заурядной. И все же он был признателен персу за наставления. Быть может, пора слышать слова Бога в каждом голосе. Или это уже предел безумия?

Несколько дней спустя Иисус увидел кочевников и пошел следом за их кибитками, в которых они, точно моряки, плыли по бескрайнему травяному морю. В этой земле привольно резвились сотни косматых коньков. Кочевники двигались с востока. Иисус сумел запомнить лишь несколько слов их гортанного, напевного наречия. Они взмахами рук предлагали ему садиться в кибитки, где жались друг к другу, в окружении цыплят и овец, молчаливые женщины и дети. Иисус с любопытством разглядывал круглые женские лица, намазанные жиром, — вероятно, для красоты.

Деревня встретилась кочевникам лишь через несколько недель пути. Мужчины неожиданно схватились за оружие, зажгли факелы и с гиканьем помчались к кучке домов. Завидев их, местные тут же разбежались. Кочевники разграбили деревню дочиста, забрали свечи, украшения, выделанные шкуры, скот забили и закоптили и с тем же равнодушием перебили всех местных мужчин и мальчишек, которых сумели изловить.

Потрясенный этой жестокостью Иисус молча помолился за погибших, с которых кочевники содрали всю одежду. Хоронить они никого не собирались и побросали тела в одну кучу с внутренностями забитых животных. К кибитке, в которой ехал юноша, подошли несколько кочевников, тащивших за собой ягненка и двух телят. Всех троих привязали к кибитке, чтобы забить по дороге, когда кончится другая еда. На Иисуса никто и не посмотрел.

Он не боялся этих людей, несмотря на их жестокие повадки и на кровь на руках, которую они размазывали по лицам, вытирая лбы и губы. Но все же не мог понять, почему они его не убили.

Между тем караван пришел в движение. Женщины принялись раскладывать награбленное на солоне, устилавшей дно кибитки.

И тут Иисус понял. Его, словно незримый саван, окутывало спокойствие. Терять ему больше было нечего, поэтому он сделался как бы невидимым, этаким дуновением внутри ветра. Сколь удивительна эта перемена, ниспосланная Богом! Иисус осознал, что, если захочет, может годами странствовать по свету в таком неразличимом обычному взгляду облике.

Но он не мог себе этого позволить. Быть благословенным в проклятом мире непереносимо. Это он знал твердо, и когда травяное море закончилось, Иисус расстался с караваном и ускакал на черной лошади, подаренной ему на прощание кочевниками. Как и говорил перс, юноша повернул на юг и со временем достиг горба, растущего из земли. Он начал подниматься, и на каменистой пустоши, где из съедобного росла одна трава, Бог перестал наделять его пищей. Но Иисус продолжал путь. За линией снегов исчезла и скудная трава, и он погрузился, как и предсказывал перс, в безжалостное белое безмолвие. Единственным признаком участия Бога, побуждавшим двигаться дальше, было то обстоятельство, что, вопреки лютой стуже, он не замерз до смерти.

Наконец, после недели непреклонного подъема, продвижение Иисуса остановил снежный заряд, ударивший, будто невидимый, но могучий кулак, с наступлением сумерек. К тому времени Иисус уже провел в горах достаточно времени, не оголодал и не обезумел, но и одержимым Богом не сделался. Буран и злобные завывания ветра заставили Иису-

са остановиться, огня у него не было, луны сквозь снежную пелену не разглядеть...

Он спешил, хлопнул лошадь по боку, и животное побрело прочь. Безжалостная белизна, ослепительная днем, с падением тьмы сделалась поистине губительной. Сугробы намело уже в половину человеческого роста, однако Иисус упрямо пробивался сквозь них, с усилием разводя руками, как пловец, борющийся с течением.

Вскоре он утратил остатки сил и, не имея возможности убежать, опустился на колени и начал молиться. Опустив подбородок на грудь, он мог дышать — снег не забивал ноздри.

Минуты, казалось, растягивались в часы. В конце концов он оказался погребен под снегом.

Таким я его и нашел, благодаря храмовому служке, который следующим утром углядел сугроб непривычной формы.

Глава 14. Ответы

Иисусу понадобилось четыре дня, чтобы повесть историю, которую я пересказал на предыдущих страницах. За это время он научился заваривать чай немногим хуже моего (причем уже на второй день все понял и перестал проявлять излишнюю щедрость, когда достаточно малой щепотки). Более того, он научился всему, что составляло мой скромный быт. По правде сказать, это было нетрудно, ведь каждый новый прием пищи походил на предыдущий, словно соблюдался некий ритуал. Накрошить кизяка и развести огонь в каменном очаге. Вскипятить в котелке талую воду. Бросить в нее полоски сушеного мяса. Добавить

просо (предварительно выбрав из него долгоноси-ков) и варить до тех пор, пока в котелке не останется клейкая масса.

Если измерять время котелками с едой, история жизни Иисуса заняла двадцать три котелка. Я слушал, никак не выказывая свое отношение к повествованию; мои глаза оставались закрытыми, но я не спал.

Мы съели двадцать третий котелок, Иисус поднялся, чтобы принести чай, и сказал:

— Что же, узнал ли ты что-нибудь обо мне?

— Я знал все, что мне нужно, еще до того как ты заговорил. — Я пожал плечами. — А вот научил ли тебя чему-нибудь твой путь? Это куда важнее.

Иисус усмехнулся.

— Думаю, да. Я повидал много необычного. Поначалу я был искателем истины, но все, мною найденное, обращалось в прах на моих устах. Бог через меня творил чудеса, но я был к ним непричастен.

— А теперь?

— Теперь я исчез и едва нахожу себя.

— Плохо это или хорошо? — спросил я.

— Не знаю. — Иисус замялся. — Честно говоря, я надеялся, что Господь меня возвысит...

Пожалуй, выражение его лица одних заставило бы засмеяться, а других — пожалеть беднягу.

— Возвышение происходит, когда в мире не остается ничего, способного тебя удержать, — сказал я. — Терпение, мой друг. Бог уже стер тебя почти дочиста, я вижу лишь крохотное пятнышко.

Я взялся за четки, висевшие у меня на шее, и принялся их перебирать.

— Знаешь, когда мы встретились, мне почему-то вспомнился зверек, обитающий в этих горах, заяц-беляк.

Иисус рассмеялся.

— Никогда такого не видел.

— Летом, когда снега сходят, шкурка у него буреет, и он сливается с камнями и землей, так что лисы его не замечают. Зато зимой, когда начинаются бураны, шкура белеет; правда, лисы тоже белеют, поэтому зайцу все равно грозит опасность, и борьба за выживание продолжается.

— Не понимаю, — признался Иисус, ставя на пол котелок с чаем.

— Поймешь.

И тут я начал размахивать руками, будто отгоняя назойливых мух. Иисус вопросительно посмотрел на меня.

— Отваживаю демонов, — пояснил я. — Приглядись.

Сперва у него ничего не получилось. Но потом, прищурившись, он сумел различить в лучах света, проникавшего сквозь окно, призрачные тени.

— Они тебя изводят? — спросил Иисус.

— Напротив. Они так меня любят, что не выносят разлуки. Прочь, прочь! — Я наклонил голову и взглянул на него. — А как у тебя? Одарил ли тебя демонами твой бог?

— Никогда не думал, что демоны — это дар... Ты слышал об Иове? — Я покачал головой, и Иисус пояснил: — В священных свитках моего народа говорится, что Бог и дьявол как-то поспорили. В стране Уз жил человек по имени Иов, веривший в Бога всем сердцем, настоящий праведник. И вот дьявол

побился об заклад, что совратит с праведного пути любого, даже Иова.

— Так-так, — проговорил я. — И этого бога ты называешь благим? Не стану спрашивать, кто победил.

— Потому что уже знаешь ответ?

— Нет, потому что заклад еще действует. Только на сей раз они спорят из-за тебя.

Иисус посмотрел на меня поверх плоски с чаем. Он следовал за тайной до конца, и дорога привела его в жалкую хижину в горах, засыпанных снегом. Кто я такой, в самом-то деле? Его сомнения легко читались на лице.

— Не имеет значения, кто я такой, — сказал я. — Ты же хочешь, чтобы победил твой бог, верно?

— Конечно.

— Ну, не уверен. Я бы сказал, что победить могут оба. Еще чаю?

Иисус покачал головой.

— Почему? — спросил он. — Неужели иудеи прокляты вовеки?

Ему явно пришла на ум пресловутая печать Каина.

— Дьявол, о котором ты упоминал... Как его зовут?

— Сатана. Также мы называем его просто Враг.

— То-то и оно. — Я задумчиво кивнул. — Ты хочешь прекратить страдания. Хочешь, чтобы во всем мире остались лишь чистота и добродетель. Бог услышал твои молитвы, послал тебе чудеса, наделил силой и способностью прозревать истину. Так что же тебя останавливает? Вовсе не проклятие. Ты столкнулся с врагом, с тем, кто подталки-

вает род людской в ином направлении, вопреки твоему желанию вести людей к богу.

Я помолчал, потом взмахнул рукой — надоедливые демоны подобрались чересчур близко.

— Знают, что я толкую о них. Демоны вечны, и твой Сатана тоже, а пока он существует, твой бог не может взять верх.

— Почему?

— Потому что люди — не вечны. И враг выбирает их одного за другим.

Иисус опустил голову. Похоже, я подтвердил его худшие опасения.

— У меня было двое близких... Мужчина, отчаянно стремившийся спасти иудеев, и женщина, готовая сдать из-за любви ко мне. Это происки Сатаны?

— Кого же еще? Мужчина тебе завидовал, а женщина хотела владеть тобою безраздельно. Демоны умеют ослеплять людей, и те не замечают свет, даже когда он бьет им в глаза.

— С нею мне было хорошо, — задумчиво проговорил Иисус. — Она была одновременно матерью и женой, я видел в ней всех женщин разом. И что в том дурного?

— Тогда найди способ жениться на всех женщинах сразу, — посоветовал я. — Для тебя это возможно. Когда любовь женщины сродни любви бога, всех женщин начинаешь мнить богинями.

Я поднялся.

— Пошли, попробуем загнать одного из тех зайцев, о которых я тебе рассказывал.

Иисус явно растерялся, однако спорить не стал: он понимал, что его удел — подчиняться тайне,

дорога к которой завершилась в наших горах. И на какой-то миг я сделался воплощением этой тайны и заговорил от ее имени.

Мы закутались в шкуры и вышли наружу, в люющую стужу. День выдался ясный, снег сверкал так что глаза сразу заболели. Иисус прикрыл лицо рукой и пошел за мной. Мы довольно долго топтали свежавыпавший снег, потом я остановился и поднес палец к губам. Постояв, я осторожно двинулся дальше, ступая как можно тише, чтобы наст не скрипел под ногами.

— Вон там, — указал я. — Ближе подойти не получится. Видишь его?

Иисус посмотрел в ту сторону, куда я показал, но снежная белизна слепила, и его зрачки подернулись голубым, не в состоянии воспринять столь яркий свет.

— Нет.

— Уверен? Это крупный самец.

Иисус снова поглядел в ту сторону и поспешно отвел взгляд. А я продолжал смотреть, и это его несказанно изумляло.

— Ладно. Закрой глаза, дай им отдохнуть. Не хочу вести тебя домой за руку.

Он послушно зажмурился и присел на корточки, не отнимая ладони от лица. Подождав немного, я сел рядом.

— Отличный урок, правда?

— Урок чего? — не понял он.

— Просто урок. Ты не видишь зайца, потому что он белый, и снег тоже белый. А люди не видят тебя, потому что ты — бог в боге. Мироздание наполнено божественным светом, но этот свет ос-

лепляет, и люди не различают бога, когда он появляется во плоти.

Иисус наконец убрал ладонь от глаз.

— Не говори так. Человек не может стать Богом. Мой народ обвинил бы тебя в святотатстве.

— Неужели? — Я позволил себе рассмеяться. — Значит, бог должен повиноваться установлениям людей, которые не способны даже его увидеть?

— По-моему, ты говорил, что они слепнут потому, что видят его повсюду, — поправил Иисус и вдруг скривился: должно быть, от снежной белизны у него разболелась голова.

— Я сказал то, что сказал. Люди не знают, что видят бога повсюду. Они думают, будто видят деревья, холмы и облака. Такова их слепота, она скрывает явь за завесой иллюзии. — Я встал. — Ты напугал зайца, и он удрал. Пошли домой.

Иисус молча подчинился. Разумеется, мысль о возвращении в хижину, где тепло и сумрачно, показалась ему вполне своевременной. Тем не менее сомнения продолжали его терзать.

— Ты не должен называть меня богом.

— Как скажешь. Все равно я бы скоро перестал.

— Почему?

Я повернулся к нему, белый пар вылетал у меня изо рта и оседал льдинками на подбородке.

— Ты станешь превыше бога. Признай это. Сколько можно прятаться?

— Что?! — Иисус, похоже, был потрясен до глубины души. — Я буду слушать тебя и разгадывать твои загадки, но не вынуждай считать тебя безумцем!

— Ты хочешь изменить мир, — сказал я, пропустив его выпад мимо ушей. — Сам так говорил. Что ж, а бог удовлетворился тем, что создал белый свет, и больше ни во что не вмещивается. А раз ты хочешь изменить мир, значит, ты собираешься стать превыше бога.

Иисус развел руками, признавая логику моих рассуждений, и я кивнул. Остаток пути я напевал себе под нос. Иисус молча следовал за мной. Пурга замела тропку, что вела вниз, да и, расставшись со мной сейчас, он лишал себя возможности узнать, во-первых, как я приручил демонов, а во-вторых, как избежать смерти в бесцельных скитаниях по бескрайней снежной белизне, где рождаются одержимые Богом.

Тем вечером Иисус съел свою плоскую просяного варева в молчании. И я, человек, предпочитавший уединение любой компании, не торопился нарушать тишину. Я знал, что разум Иисуса пытается воспринять все то, что было сказано днем. Хижина была такой крохотной, что спали мы на полу, почти бок о бок, и наши плечи едва не соприкасались. Мы оба лежали на спине и смотрели в потолок, и каждый знал, что другой еще не спит.

Намного позже полуночи Иисус спросил:

— Почему ты поселился здесь?

— Пришлось. А иначе я покончил бы с собой.

Да уж, я полон неожиданностей, но никогда не вываливаю все сразу.

— Я даже прихватил с собой нож, на случай, если мне все же понадобится это совершить. Он вон там.

Я указал на полку в углу. Впрочем, Иисус не видел моего жеста, ибо в хижине было темным-темно.

— Почему?

— Потому что я подобен Иову — и тебе. Я огляделся по сторонам и увидел, что во всем белом свете идет война между богом и демонами. А люди слепо шарахаются от наслаждения к боли. Они зовут бога, хотя бог повсюду. И какой смысл жить в таком мире, если не можешь его изменить?

— Но ты все же не убил себя...

— Нет. — Я хмыкнул. — Глупое желание прошло в первую же седмицу. Тут было настолько холодно, что самоубийство, подумалось мне, будет благодеянием, а я был не в том настроении, чтобы оказывать благодеяния.

Судя по шороху, Иисус повернулся ко мне.

— Я такой же... необычный, как ты?

— Разве нет?

Мы оба засмеялись, потом он сказал:

— Значит, если не убил себя, надо менять мир?

— Да.

— Как?

— Как и собирался с самого начала. Все происходит быстро, смею тебя уверить. Сколько лет ты провел с ессеями? Пять? Познав истину, ты сможешь изменить мир в мгновение ока.

— Какую истину?

— Ту, которую я тебе открою. Ту, которая обычному человеку покажется бессмыслицей. Ты этого не сознаешь, но люди, подобные тебе, рождаются на свет чрезвычайно редко. Ты рожден, чтобы служить богу, но не это делает тебя особенным. Рождались и другие, многие другие, жаждавшие слу-

жить богу. А ты похож на перо на краю обрыва. Хватит легкого дуновения, чтобы ты взлетел.

Иисус, закутавшийся в плотную шкуру, лежал на полу моей хижины и внимал. Было холодно и темно, как в горной пещере. Он прислушивался к старческому голосу, нашептывавшему ему в ухо. Неужели это и есть откровение? Он терпеливо ждал.

Прежде чем я успел что-либо прибавить, дверь хижины распахнулась, и Иисус сел. В дверь проник лунный свет, очертивший контуры фигуры в проеме.

— Не тревожься, — сказал я хладнокровно. — Этого следовало ожидать.

— Кто это? — прошептал Иисус. Фигура в дверном проеме не шевелилась, очертаниями она отдаленно напоминало человеческую, но не возникало сомнений, что это совсем не человек.

— Твой враг забеспокоился, — сказал я, — и хочет меня остановить.

На мгновение в сознании Иисуса возник образ зайца, на которого прыгает лисица; заяц беспомощно задержался в пасти хищника, потом затих и обмяк. В следующий миг фигура в проеме исчезла и очутилась внутри хижины. Лик луны затянуло облаками, и определить присутствие чужака стало возможно только по шлепанью ног по полу.

«Мне пора бояться?» — мысленно спросил меня Иисус.

— Нет, — ответил я вслух, — если ты тот, кем себя считаешь.

И возвысил голос:

— Ты тоже послушай. Может, чему научишься.

Ответом мне было рычание, и хижина вдруг наполнилась резким звериным запахом. Ужас сковал тело Иисуса.

Он задрожал, но я положил руку ему на плечо.

— Успокойся. Не обращай на него внимания. Тебе ведомо, что бог повсюду. Но следующего шага ты до сих пор не сделал, почему и скитался по свету, покуда не пришел ко мне. Я надею тебя знанием, которое позволит совершить этот шаг. Если бог повсюду, значит, он и в тебе. А если он в тебе, то и ты повсюду. Понимаешь?

Иисус содрогнулся, будто от судороги. Похоже, мои слова его задели. Он больше меня не слушал, зато услышал кое-кто другой. Бог молчал много месяцев, а вот теперь вернулся — и заговорил устами Иисуса, с которым словно слился воедино.

— Ты не изменишь мир, оставаясь человеком. И человеку никуда не деться от войны между добром и злом.

Чужак снова зарычал, в темноте, словно факелы, вспыхнули его налитые кровью глаза. Но угроза была тщетной. Голос между тем продолжал:

— Лишь тот, кто познает явь за гранью добра и зла, узнает меня. Я во всем, без различия. Сатана желает, чтобы ты поверил, будто он правит там, где меня нет. Но даже он носит в себе бога.

Демонический зверь придвинулся ближе и устремил взгляд в лицо Иисусу.

— Враг не хочет, чтобы об этом узнали, — вещал голос, — ибо подобное знание разрушит его власть. Он и себе в этом не признается, ибо если в нем есть бог, война между нами завершена, а он живет войной.

Демон оглушительно взвизгнул, и от стен хижины отразилось эхо. По щекам Иисуса катились слезы. Я прошептал ему на ухо:

— Последний удар должен нанести ты сам. Этому не научить, это идет изнутри. Слушай внимательно.

Иисус с трудом совладал с собой, а голос, ненадолго умолкший, заключил:

— Лишь тот, кто видит демонов как тварей божьих, воистину свободен. Добро и зло исчезают. Завеса падает, и ты видишь божественный свет — изнутри, снаружи, повсюду. И раздувшийся, гниющий труп благословен не менее, чем радуга. Нет иной яви, кроме этого света, и этот свет в тебе. Твоя душа есть душа мира. В твоём воскрешении мир возродится.

Все то время, пока звучал голос, Иисус, сам того не сознавая, задерживал дыхание. Теперь он выпустил долгий вздох. Я ощутил, как опустевшие легкие моего гостя заполнило теплое свечение. Его тело словно растворилось, и на моих глазах Иисус начал понимать, что именно происходит. Всякий опыт, приобретенный им за годы жизни, уходил, воспоминания изливались потоком, точно стая птиц снялась с ветвей дерева на заре.

— Отпусти их, — прошептал я. — Потеряйся. Это единственный способ найти себя.

Поток стал мощнее, а демон с алыми глазами вдруг двинулся к двери. Не зная почему, Иисус поднялся и шагнул ему вослед. Я не стал его останавливать. Демон исчез. Был ли это и вправду Сатана или всего-навсего чей-то призрак? Иисус, как был, обнаженный, выскочил из хижины и побежал босыми ногами по снегу, ломая наст и глу-

боко проваливаясь. А вокруг расстилалась белизна, столь ослепительная, что лунный свет, казалось, лился и сверху, и снизу.

Позволь мне увидеть тебя.

Иисус послал эту мысленную просьбу вдогонку врагу. Алые глаза вспыхнули вновь, призрачное тело начало обретать форму. Иисус на бегу раскинул руки, словно собираясь обнять демона. Но тот снова исчез, и руки Иисуса обняли пустоту. Он замер, тяжело дыша, и в зыбком лунном свете ему вдруг почудилось, будто он плывет над землей. Лишь наст, студивший пятки, подсказывал, что он по-прежнему стоит на твердой поверхности.

Несколько дней Иисус пребывал без сознания, только исходил потом. Когда он наконец открыл глаза, я ощутил его слабость и смятение.

— Ты вдохнул демонический дым, — сказал я спокойно. — Он не причинил тебе вреда, но оставил след.

Я положил ему на лоб повязку, смоченную в отваре из трав.

— Не похоже, чтобы он полюбил меня, — проговорил Иисус, приподнимаясь, — как любят тебя твои демоны.

— Еще рано. Сатане есть что терять, куда больше, чем простому бесу. Некоторое время он будет тебя избегать. Но рано или поздно вы встретитесь снова.

Когда лихорадка счастливо минула, Иисус начал свыкаться с мыслью, что все изменилось. Он ощущал внутри пустоту, как если бы бог вновь его покинул.

Я занимался повседневными делами, и Иисус по мере сил старался мне помогать. Но чувствовалось, что сердце зовет его в иные края. В этой хижине произошло нечто невероятное, в этом он не сомневался, но ничего не мог поделать с внезапно накатившими скукой и тоской.

— Когда разгадал тайну, все кажется таким обыденным, — сказал я. — Мне это знакомо.

Иисус попросил меня объяснить. Мы сидели на пороге, наслаждаясь теплом: солнышко пригревало, близилась весна, бескрайние снежные поля еще слепили глаза, но капель становилась все громче и предвещала теплые деньки.

— Познать бога значит стать богом, — сказал я. — Людям не нравится такое слышать. Они-то привыкли считать, что бог восседает на небесах, среди облаков. Но стать богом вовсе не означает сотворить мир. Бог уже это сделал, вычленил время из вечности, создал небо и землю из вселенской пустоты. Я лишь хочу сказать, что стать богом значит понять, из чего ты состоишь.

Я улыбнулся.

— По счастью, я узнал это до того, как превратился в немощного старца.

Это был наш последний — или почти последний — разговор на эту тему. Несколько дней спустя я упаковал в кожаный мешок полоски сушеного мяса и толику проса.

— Держи, — сказал я, когда Иисус вернулся, умывшись снегом. Он кивнул. Иных приготовлений не требовалось. Иисус мог уйти, когда захочет, но я предложил разделить на прощание котелок чая.

Я провел ладонью над котелком, на сей раз во все не отпугивая демонов.

— Видишь пар? — спросил я. — Он не похож на воду в котелке и уж тем более на снег, который я собрал и растопил. Не похож ни на реку, ни на капли дождя, ни на море. Но наружность обманчива. Пар, лед и вода — одно и то же. Познать это означает освободиться от невежества.

Иисус понял, что я имею в виду, но на его лице отразилось беспокойство.

— Я по-прежнему чувствую себя самим собой. Почему?

— А кто говорил, что быть богом просто? — Я пожал плечами.

— Не шути, — усмехнулся Иисус.

— А кто говорил, что бог не умеет шутить? Он присматривает за мирозданием, а в таком деле без шутки не обойтись.

Я понимал, что он жаждет ответа.

— Всякое знание имеет пределы. Любое достоверное знание лишь отщипывает кусочек от горы невежества. Ты пришел ко мне, желая познать истину. И тебе это удалось, но твое знание несовершенно. Дай ему созреть. Что бы ни случилось, помни: либо все вокруг — чудо, либо пустота.

В этот миг появился храмовый служка. Недавняя пурга почти похоронила деревню под снегом, сообщил он, и потому он сумел прийти лишь сейчас.

— Мы с монахом молились за тебя, — прибавил он, явно обрадованный тем, что я еще жив. Даже в здешних суровых краях нынешняя зима выдалась на редкость студеной.

— А зачем вы молились? — спросил я с улыбкой. — Боялись за мою душу? Я же говорил, что позабыл взять ее с собой. Слишком тяжело нести, да и места в мешке занимает много.

Мальчишке не понравилось, что я его дразню.

— Я хочу, чтобы ты после смерти попал на небеса. А пока жив, молитвы не повредят. Так говорит монах.

Я поблагодарил служку и вложил в его ладонь монетку — плату за благовония, а потом велел ему отвести моего гостя сначала в деревню, а затем до тех мест, где снег сошел и земля обнажилась.

Иисус ушел без долгих прощаний. Служка слишком долго просидел взаперти из-за пурги, и теперь ему хотелось бегать и прыгать, так что он резво припустил по едва заметной тропе. Иисус двинулся следом, ни разу не оглянувшись. Он знал, что я не стану стоять на пороге и глядеть ему в спину.

Не думал он и о том, что мальчишка что-либо заметит, но в виду деревни служка неожиданно спросил Иисуса, почему он не попрощался со старцем.

— Я прощаюсь, лишь когда ухожу, — объяснил Иисус. — Но теперь в целом мире мне неоткуда уходить и некуда идти. Теперь нет.

Мальчишка пожал плечами. Судя по его лицу, он решил, что пришлец чересчур долго дышал скудным горным воздухом. Или сделался одержимым Богом. Монах как-то обмолвился, что такое возможно.

Через несколько часов они достигли ущелья, в котором солнечные лучи словно попадали в ловушку между каменных стен. И потому снег там растаял, и показалась ведущая вниз дорога.

— Тебе туда. — Мальчик ткнул пальцем. — Не заблудишься.

Иисус кивнул и неторопливо пошел вниз. Мальчик следил за ним, пока фигура пришлеца не скрылась из вида. Этот человек оказался немногослов-

ным, даже имя свое не назвал, отделался какими-то загадками. «Альфа» и «Омега» — ну что это за имя? И разве бывает имя из двух слов?

Глава 15. Свет мира

После того как Иисус покинул мою обитель, мне оставалось лишь следить за ним издалека. Рассказы о нем весьма разнятся, а я поведаю о том, что видел сам.

Двое верховых следовали течению Иордана через пустыню, по которой река вилась, точно громадная пятнистая змея. Эти двое держали путь на север от Иерусалима, к Тиберии, пышной столице, в которой проводил разгульные дни и ночи лишенный реальной власти царь Ирод. На самом деле он не правил, а был куклой, за ниточки которой дергали римляне.

— Смотри, вон там. Что это? — Один из верховых, сухощавый римский ветеран-конник по имени Лин похвалялся, будто происходит из патрицианского рода, но на деле родился на задворках Остии, городка, близ которого Тибр выносит в море свои воды и портовую грязь.

— Где? — спросил второй всадник, иудей, разморенный жарой и потому слегка отставший.

Лин молча ткнул пальцем в сторону брода вверх по течению реки: с обоих берегов к воде полого спускались каменистые скаты.

— Неприятности? — уточнил он негромко. Его правая рука, облаченная в кожаную рукавицу с медными заклепками, указывала на группу местных жителей, собравшихся у брода. Эти люди просто стояли у реки, а их скота нигде не было видно.

— Это не мятежники, — проговорил иудей. — Те не дерзнули бы показываться в открытую. И потом, с ними женщины и дети.

Иудей — наш старый знакомый Иуда — позволил себе усмехнуться. Лин разъярился из-за такого пустяка, как местные крестьяне в его излюбленной ивовой роще! Вдоль Иордана таких рощ было в изобилии, но именно в этой Лин скрывался от Ирода.

Раз в месяц Лину с Иудой поручали доставить в Тиберию дань Ироду. Большую часть дани составляли доходы храмовых менял, и первосвященник Каиафа велел Иуде не спускать глаз с этих денег. А римляне, подозревавшие всех и вся, настаивали на том, что Иуду должен сопровождать их человек.

Иуда ездил этой дорогой много раз, и всегда все повторялось: едва показывался брод, Лин принимался зевать и объявлял, что не прочь вздремнуть вон в той рощице. Иуда соглашался, потом долго лежал с закрытыми глазами, а римлянин, убедившись, что напарник спит, поднимался, доставал из седельных мешков пригоршню серебряных монет и прятал их за пазухой. До сего дня Каиафа списывал недостачу на неизбежные потери и советовал Иуде: «Заставь его поделиться с тобой, а в следующий раз мы увеличим сумму».

Однако Иуду подобные проделки интересовали не слишком. Ему потребовалось почти пять лет, чтобы проникнуть в храмовую стражу. Время от времени он хвалился сам себе: вот чего при желании может добиться бывший мятежник. Большинство прежних товарищей по отряду Симона за эти годы погибли в бесплодных набегах. Увы, zeloty обречены.

— Поехали, — сказа Иуда. — Я вижу лягушек, плещущихся в грязи. Вы, римляне, верите, что лягушки — исчадия преисподней. Может, где-нибудь поблизости вход в ад?

— Лягушек? — переспросил Лин, его глаза сузились. — Ты что, смеешься надо мной? — Тут и он увидел местных в воде. — А почему они моются здесь? По-моему, у вас есть особые места для омовений.

— Да, миквы, — подтвердил Иуда. — Честно говоря, не знаю.

Он не стал делиться с Лином тем, что лишь недавно услышал сам, — вестями насчет нового обычая совершать омовение в открытых водоемах. Это называлось «креститься». Начиналось все с тайных омовений в холмах, но постепенно обычай распространился и укрепился.

— Они смывают грехи. Так говорят.

— Почему бы просто не принести жертву в храме, как делают все? — проворчал Лин и упреждающе вскинул руку. — Не надо, не объясняй. Никто вас, иудеев, не понимает, особенно вы сами.

— Это точно, — согласился Иуда, подождал, пока Лин немного успокоится, и предложил: — Поезжай вперед, а я напою коня. Того и гляди с ног свалится от жары.

Лин помешкал. В одиночестве куда сподручнее потрошить мешки, однако ему казалось, что с этим новым обычаем что-то не так. Все больше и больше иудеев приходили к рекам смывать грехи, якобы готовясь к пришествию некоего полководца, который поведет их на Иерусалим. С другой стороны, разве способен один солдат (даже с иудеем, который верен, как кошка при казарме) справиться

ся с двумя или тремя десятками местных, пусть они и не прячут ножи под рубахами?

— Уверен? — спросил Лин.

— Я же иудей, и они иудеи. Без тебя мне будет гораздо спокойнее.

Лин дернул поводья и направил коня в сторону от брода. Местные продолжали мыться; ими явно предводительствовал кудлатый человек с густой бородой, стоявший по пояс в воде. Вот он подзвал к себе мальчика и окунул того в воду с головой. Мальчик вынырнул с довольной улыбкой.

— Грязные животные! — процедил Лин.

Иуда тем временем хотел было спешиться, но тут заметил, что к нему идет мужчина, прежде сидевший под деревьями на берегу. Его волосы и борода были мокрыми от купания.

Сколько лет прошло? Впрочем, время не имело значения. Иуда узнал бы Иисуса даже в крошечной тьме.

— Не трудись, — сказал Иисус. — Ты поедешь, а я пойду рядом.

Иуда откинулся в седле, покосился на тех, кто остался в тени деревьев. Все они стояли на коленях и истово молились.

— Смотрю, ты нашел себе приятелей, — ядовито проговорил он.

— А ты удрал от убийц.

Иуда кивнул и пустил коня неспешным шагом. Из-под копыт вылетали облачка пыли. Иисус шел рядом, держась за поводья. В его взгляде не было упрека — да если бы и был, Иуда ни о чем не сожалел.

— Это ты их крестишь?

— Нет, не я. Мой родич. Люди верят, что он святой. Некоторые даже твердят, будто он мессия.

— Это у вас семейное, значит. — Иуда фыркнул.

— Наша встреча не случайна, — печально произнес Иисус, не поднимая головы. — Я должен поговорить с тобой.

— О чем? Разве я для тебя опасен? — В голосе Иуды прозвучала горечь, удивившая его самого.

— Я уже предлагал тебе спасение, но ты его не принял. — Иисус словно вел дружескую беседу. — Я знаю, почему ты отказался. Внутри тебя шла война. Ты примирился с собой?

— Эй, хватит! — Иуда приподнялся в седле. — Проваливай обратно к тем глупцам, которые тебе верят.

— Откуда тебе знать, что ты не из них? — Иисус говорил кротко, однако Иуда ощутил нарастающее раздражение. Его сердце словно пронзил черный коготь. — Война должна завершиться, Иуда. Времени почти не осталось. Ты отмечен смертью. Прими меня, и я тебя спасу. Прими сейчас, иначе будет поздно.

Иуда молчал, не находя слов для ответа. Боль в груди сделалась резче. Верно, Иисус наложил на него заклятие, чтобы подчинить. Или же Лин подсыпал яда в вино, чтобы избавиться от лишних глаз... Кровь отхлынула от лица Иуды, он съежился в седле, не в состоянии хотя бы шевельнуться.

Иисус протянул руку и коснулся груди Иуды. Боль сразу же утихла, коготь будто вытащили.

— Ты не веришь мне, — сказал Иисус. — Оглянись.

Иуда обернулся и увидел всего-навсего песчаный вихрь, плясавший над землей. В здешних краях это было привычное зрелище — безобидный круговорот пыли, песка и веток.

— Подумаешь, — вымолвил Иуда. Он знал, что Иисус обладает особой силой, так что вызвать вихрь ему наверняка труда не составляет.

— Ты не понимаешь. Смотри же! — Иисус устремил взгляд на вихрь, а тот вдруг завертелся яростнее прежнего и вырос в размерах. Мгновение спустя он раздулся настолько, что конь Иуды испуганно шарахнулся в сторону. Песок летел животному в глаза, забивал ноздри. А Иисусу пришлось перейти на крик, чтобы быть услышанным: — Внемли, Иуда! Я люблю тебя, и ты должен меня принять!

Иуда был поражен, однако избавиться от бывшего высокомерия оказалось непросто.

— Все промышляешь чудесами? Это всего лишь ветер. Он вот-вот спадет.

Тут послышался странный звук, что-то наподобие душераздирающего вопля, и звук этот исходил изнутри вихря. Конь Иуды встал на дыбы и сбросил седока. Иуда рухнул наземь и будто ослеп от пыли.

— Чтоб тебе пусто было! — воскликнул он в сердцах, потянулся за поводьями, но его пальцы ухватили пустоту. Конь ускакал, словно растворился в знойном мареве, как те волшебные лошади, которых творят бродячие маги.

Вихрь между тем все рос и рос, а Иисус помог Иуде подняться.

— Сатана не вправе владеть тобой! — крикнул он Иуде в ухо. — Препоручи душу Богу! Прими меня!

Даже перед лицом смерти Иуда остался самим собой. Он раскрыл было рот, чтобы отказаться, но Иисус внезапно выпрямился и широко раскинул

руки. Ладони его начали светиться, словно свечи, чье пламя разгоралось все ярче. Свет сделался нестерпимым для глаз, а затем из ладоней выметнулись ослепительные лучи.

Иисус промолвил:

— Я Единый. Бог не отверг тебя в милости своей.

Иуда повалился лицом в пыль. Он отчетливо слышал слова Иисуса, несмотря на завывания ветра и вопли, доносившиеся изнутри вихря.

— Принимаю, — простонал он и потерял сознание.

Иисус даже не посмотрел на него. Песчаный вихрь набрал такую силу, что мог бы подхватить и унести лошадь. Иисус повернулся и твердой поступью направился к вихрю. Ступил внутрь, где оказалось на удивление спокойно, огляделся, воздел руки; свет, исходивший из его ладоней, потускнел.

— Повелеваю тебе — затихни! — произнес юноша, и свет его ладоней сделался ярче.

Вихрь заворчал, в пелене песка и пыли возникли два алых глаза. Затем проступили очертания фигуры, почти человеческой, как в тот раз, когда Иисус впервые встретился с Врагом лицом к лицу.

— Повелеваю! — повторил Иисус. — Я знаю, ты пришел, чтобы затушить свет мира.

Сатана, как ни старался, не сумел сдвинуть с места Иисуса. Призрачная фигура качнулась и насмешливо сказала:

— Склоняюсь пред тобой, господин. Позволь служить тебе.

— И чем же демон может мне послужить?

Оглянись.

Иисус послушался. Пелена песка и пыли куда-то исчезла, взорам явилось неожиданное зрелище. Он словно вознесся в небо на спине орла, под ногами раскинулась Палестина, от края до края. Иисус увидел Галилейское озеро, лазоревый яхонт, сверкающий в лучах солнца и окаймленный зелеными холмами и полями.

Все твое.

Иисус покачал головой.

— Какое мне дело до этого? Я не вижу ничего настоящего. — Его окатило, будто волной, сердитым недоумением. — И ты — настоящий ли? — Он раскинул руки, и его ладони исторгли свет. — Что еще ты можешь мне дать?

Я могу научить тебя делать хлеб из камней. В мире не останется голодных. Ты накормишь толпы людские.

— И что с того? Ты же похитишь их души.

Картина изменилась. Иисус очутился на макушке высочайшей из башен Иерусалимского храма. Земля была так далеко, что голова кружилась от высоты. Паломники и жертвователи казались черными точками.

Я сброшу тебя вниз, и ты умрешь. Это для тебя настоящее? Или ты веришь, что Бог тебя спасет?

— Мой Отец не станет вмешиваться. Если ты кинешь меня к нарисованным львам, разве захочу я спасения? — Иисус снова вскинул руку, и свет, вырвавшийся из его ладони, был таким ярким, что Сатана — призрачная, зыбкая фигура — отшатнулся. На миг установилась оглушительная тишина, в следующее мгновение сменившаяся грохотом. — Отрекись от своей гордыни! Или свет Господа испепелит тебя!

Пылевой вихрь яростно задрожал — так дергается змея, если стиснуть ее в руке. Иисус закрыл глаза и начал представлять себе мир. Сперва он вообразил Назарет, а когда перед мысленным взором возник каждый дом, наполнил все ярким светом из своих ладоней.

— Да прогонит сей свет всякую мнимость, — помолился Иисус. — Да рассеются видения Сатаны.

Глинобитные стены домов и грязные дворики Назарета словно засветились изнутри. Иисус перевел мысленный взор на окрестные холмы, на сосны и оливковые рощи, и они тоже засияли.

Что ты творишь?

Иисус не ответил. Поле его зрения становилось все шире, он узрел Галилею целиком и напоил ее светом. Старый спор за душу Иова отныне не имел значения — не по той причине, что Иисус что-то сказал или сделал, не благодаря какому-либо чуду, призванному поразить неверующих. Нет, все это осталось в прошлом. Ему открылась глубочайшая из тайн.

Когда от человеческого естества остается лишь свет, мнимость исчезает. Иисус разливал свет повсюду, оглядывал мироздание и прогонял иллюзии, замещая их Божественным. Понадобилось время, однако он никуда не спешил. Враг, поначалу глумившийся, начал молить о пощаде. Свет загнал Врага в самый дальний уголок мироздания.

Наконец труд был завершен. На него ушло сорок дней и сорок ночей. Иисус расправил плечи. Но Враг, превратившийся в черное пятно, не думал сдаваться.

Все преходяще. Люди вернутся ко мне.

Иисус покачал головой.

— К тебе вернутся тела, но души людские спасены во веки веков. Ты проиграл. — Он опустился на колени рядом с черным пятном и спросил с улыбкой: — Гадаешь, почему я тебя не убил? Наступит день, когда ты полюбишь меня. Рано или поздно.

Песчаный вихрь жалко пискнул и исчез. Обернувшись, Иисус увидел Иуду, недвижимо лежащего на земле. Вопреки всему, что случилось, он вернулся к тому, с чего начал. Сорок дней Бог хранил Иуду. Иисус прикоснулся к телу, и Иуда резко сел. Для него минуло всего мгновение.

— Я уберег тебя от беды, — сказал Иисус. — Отныне ты можешь следовать за мной.

— Кто ты? — тихо спросил Иуда, растерянно оглядываясь.

— Иисус, твой господин.

— Убирайся. — Иуда оттолкнул руку Иисуса и кое-как поднялся. — Знать не знаю никакого Иисуса и никому рабом не буду!

Пожалуй, когда бы не охватившее его смятение, Иуда ударил бы Иисуса. Пальцы его руки сжались в кулак, глаза воинственно сверкали.

И тут Иисус понял: ему Сатана повредить не мог, зато мог отвести глаза всем остальным и затуманить их память. Последний фокус. Иисус потрянул руками, снимая пелену мнимости с глаз Иуды. Тот взмахнул кулаком, будто отводя удар.

— Все в порядке, — негромко сказал Иисус. — Ты пойдешь за мной, потому что любишь, по собственной воле.

— Люблю? Чужак, ты спятил?

— Ступай с миром, — промолвил Иисус, опуская руки. — Иного я сделать не могу.

Иуда пошатнулся. Позади раздался стук копыт, и показался верховой — Лин, который вел в поводу коня Иуды.

— Хилые из вас, иудеев, конники, — бросил римлянин. — Если бы твоя лошадь ускакала, конюший спустил бы с тебя три шкуры.

Иуда кивнул. Должно быть, он впал в беспамятство, когда конь его сбросил. А что это за спятивший незнакомец? Иуда повернулся, но дорога была пуста, и ничто не нарушало тишину знойного полдня.

Иаков-прядильщик славился своим мастерством по всей Магдале, но когда старик женится на молоденькой, о нем что только не говорят. Иаков знал, что над ним потешаются, однако ему было все равно. На склоне лет Бог наконец-то послал ему утешение.

— Мария, — позвал он, не повышая голоса, зная, что его услышат и за шумом прялки. Жена не замедлила появиться. Ее волосы были обсыпаны мукой, щеки тоже побелели — ведь сегодня день выпечки хлебов. — Окажи мне услугу, принеси еще краски, а то у меня закончилась.

Мария кивнула.

— Схожу к красильщику. — Она вытерла руки тряпкой и пошла за накидкой.

Когда Мария вернулась в родное селение, местные встретили ее не слишком радушно: она часенько замолкала, даже в разгар торгов на базаре, прикрывала лицо столь усердно, что многие замужные могли бы поучиться, а стоило какому-нибудь из молодых мужчин хотя бы покоситься на нее, мгновенно осаживала дерзкого. И за краской

обычно просила не посылать ее одну, потому что Элия-красильщик был привлекателен и холост. Иаков мирился с такими странностями, понимал, что его молодая жена куда уязвимее для сплетен, чем он сам.

«Так уж заведено, — говаривал старик, ласково поглаживая ее руку. — Агнцу не тягаться со старым бараном». Пальцы его огрубели от многих лет за прялкой, и Мария едва сдерживалась, чтобы не отпрянуть: ее кожа была слишком нежной для таких прикосновений.

Женщина вышла из дома и выбрала кружной путь, хотя мастерская красильщика находилась всего через две улицы. Дважды в неделю она ходила в эту мастерскую, и всякий раз ее провожали любопытные взгляды и досужие шепотки. А кружной путь вел через загоны для домашнего скота позади домов.

Добравшись до дома Элии, Мария помедлила. Отчасти ей хотелось поглубже вдохнуть запах красителей, особенно сладкий аромат шафрана, из которого получался золотой цвет. Но имелась и иная причина нерешительности. Мария передернула плечами и откинула задвижку.

Элия почувствовал ее появление еще прежде, чем увидел. В мастерской было дымно, в многочисленных котлах варились травы и дикие цветы — деревенский красильщик не мог позволить себе такую роскошь, как ляпис-лазурь или голубой камень. Элия, обнаженный до пояса, как раз вынимал из одного котла свежескрашенную пряжу. Когда он стал перекидывать пряжу на сушилку, брызги краски попали на тело, отчего кожа пошла лиловыми пятнами.

— А, это ты. Погоди немного.

Снова это унижение. Она знала слишком многих мужчин, чтобы по-настоящему злиться на красильщика, но не могла понять, отчего Элия всякий раз заставляет ее ждать, прежде чем обнять. Словно недостаточно того, что она обманывает мужа; нет, красильщик не упускает случая показать, что это она пришла к нему, а не наоборот.

Мария повернулась и направилась в спальню. Сняла накидку и платье и прилегла на низкое ложе. Мягко — красильщик не скупился и набивал свои тюфяки руном молодых барашков. В мгновения блаженства, когда Марии было так хорошо, что она забывала о стыде, ей нравилось ощущать спиной эту мягкую шерсть.

Элия встал в проеме, обтирая тряпкой тело. Мария спросила, чему он улыбается.

— Обычно мужчина тревожится, что к нему пристанет чужой цвет или запах. А у нас тревожишься ты. Как ты объяснишь мужу синие губы?

Подобно многим привлекательным молодым мужчинам, Элия знал себе цену, но вовсе не кичился собой; Мария и вправду его привлекала, и он наслаждался их встречами, целовал ее груди, а если было время, доставал потрепанный свиток Песни Песней и читал ей стихи. Мария была ему признательна за нежность и доброту. Вот если бы только...

Когда все закончилось, Элия принялся оттирать бороду, и капля краски с тряпки упала на шею женщины. Элия заметил это и провел по шее Марии своими мокрыми пальцами.

— Посмотри на меня.

— Не хочу.

— Почему?

Мария не ответила, высвободилась из его объятий и принялась одеваться. Элия рассмеялся.

— Странная ты. Не надо было за него выходить. Жила бы сама по себе и горя не знала.

Неожиданно в дверь громко постучали. Элия приподнялся на ложе, его лицо помрачнело.

— Кто там? — спросила Мария. Ее голос дрогнул.

Элия осторожно выглянул в окно.

— Мужчины. Четверо. Уходи через заднюю дверь, а потом я их впусти.

Должно быть, мужчины заметили лицо Элии в окне, потому что стук сделался громче и настойчивее. Элия, и не подумав одеться, потащил Марию к задней двери. Впрочем, все уловки оказались тщетными, и местные сплетники раскинули сеть надежно: едва дверь распахнулась, красильщик увидел другую четверку, с палками в руках, у загона для овец.

Без единого слова они схватили Марию и поволокли ее прочь.

— Нет! — воскликнул Элия, но мужчины на него даже не посмотрели. Элия повел плечами, затем прикрыл дверь и вернулся в дом.

В Магдале не было стены, у которой побивали камнями, как в Иерусалиме. Поэтому Марию отвели к заброшенной мельнице, а перед этим заставили пройти через всю деревню. Мария не плакала и не опускала головы, хотя деревенские женщины плевали ей под ноги и осыпали проклятиями. Кто-то побежал за Иаковом, обманутым мужем, но тот не пришел.

Толпа распалялась все сильнее. Восемь мужчин подобрали каждый по камню и, судя по их виду,

готовы были забить Марию прямо здесь и сейчас. Женщина опустилась наземь, ее плечи дрожали.

— Что вы делаете, братья?

Все повернулись к тому, кто задал этот вопрос, и Мария тоже. Иисуса она не узнала.

— Правим суд, — ответил чужаку один из старейшин.

— И в чем она провинилась?

— Она прелюбодействовала, и мы поймали ее, когда ложе еще не успело остыть от греха! — Старейшина настороженно оглядел Иисуса, очевидно прикидывая, не может ли тот оказаться римским осведомителем.

— Ребе нам позволил! — крикнул кто-то в толпе. Пусть это ложь, но теперь чужак дважды подумает, стоит ли вмешиваться.

— Но ребе здесь нет, — сказал Иисус, по-прежнему не глядя на Марию. — И почему же? — Не дождавшись ответа, он продолжил: — Может, потому, что смертоубийство — тоже грех? Я же среди иудеев, верно?

— Уходи, незнакомец. Мы в своем праве, — прозвучало из толпы.

— Коли так, я с вами заодно. — Иисус нагнулся и поднял с земли камень вдвое крупнее его кулака. — Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень. Ему нечего бояться, наш Отец карает лишь виновных. Ну?

Мужчины стали переглядываться. Иисус уронил камень, который держал в руке, и тот с громким стуком упал на кучу камней, приготовленных для казни.

— Заключим сделку. — Иисус подошел ближе, наклонился, взял Марию за руку и поднял на но-

ги. — На этой женщине больше нет греха. Но если кто из вас снова заподозрит ее в греховности, я вернусь и сам потребую наказания.

Гнев толпы сменился раскаянием, однако слышались и недовольные голоса.

— Ты не можешь давать таких обещаний, — изрек старейшина.

— Я обещаю это и ей, и всем вам. Разве не записано, что однажды придет некто и освободит род людской от греха? Пора этому поверить.

— Ты что, называешь себя мессией? — поразился старейшина. Толпа зароптала.

— А кого ты ждал? — вопросом на вопрос ответил Иисус. — Великана на огненной колеснице? Такое уже было.

Мария посмотрела на него тем же смятенным взором, что и Иуда при их последней встрече. Она попыталась высвободиться, но Иисус прошептал ей на ухо:

— Ты хотела владеть мною. Не помнишь?

Женщина вздрогнула.

— Какое тебе дело до этой блудницы? — не отступал старейшина. — У нее есть муж, и она жестоко его оскорбила.

— Со мною сочеталась браком ее душа, и я не оскорблен, — промолвил Иисус и двинулся сквозь толпу, ведя за собой Марию. — Я принес весть Божью и наполню мир светом. Но сперва нужно очистить эту женщину.

Мария брела как в забытьи, сознавая лишь, что их не преследуют. Вскоре они миновали дом Иакова: дверь заперта, окна закрыты ставнями. Иисус заметил ее взгляд.

— Оставь это в прошлом. Бог уготовил мне и тебе иной путь.

Они покинули селение и остановились у ручья, в котором Мария, по-прежнему тревожно озиравшаяся, смогла смыть с лица грязь и слезы.

— Не забудь вон то синее пятнышко, — с улыбкой сказал Иисус.

Мария покраснела от стыда, но, когда она опустилась на колени у ручья и плеснула водой в лицо, смылись не только грязь и слезы. Вокруг ее головы в отражении возникло вдруг золотистое свечение, а над ним простерлась ладонь Иисуса. Мария судорожно всхлипнула и обернулась. На кратчайший миг голову Иисуса окутало то же сияние, а затем исчезло.

— Кто же ты? — благоговейно прошептала женщина.

— Тот, кого ждал мир. Я пришел к тебе первой.

— Почему?

— Потому что знаю, как навеки избавить тебя от греха.

Можно было ожидать, что Мария вновь заплачет, и по ее щекам потекут слезы облегчения и благодарности; во всяком случае, что пережитый ужас так или иначе проявит себя. Однако женщина не заплакала.

— Что ты сделал со мной? — спросила она.

— Я подарил тебе новую жизнь, — тихо ответил Иисус.

Эти слова он будет повторять снова и снова, пока не наступит урочный час. Горький час — но этого Мария знать не могла. Зато ей выпало утешать многих людей, которых Иисус избавлял от греха...

«Что с нами?» — бормотали эти люди, когда к ним возвращался дар речи (а большинство его утрачивали словно напрочь).

«Он убил вас прежних, и вы возродились к новой жизни».

Хороший ответ, не правда ли? Вот только ученики, старательно запоминавшие все слова Иисуса, почему-то его забыли. Впрочем, слова мало что значат. Иисус распахнул окно в вечность, и Мария заглядывала туда до конца своих дней.

Известие о казни добиралось до Назарета много дней, так что деревня долго ни о чем не подозревала. Пасхальная неделя принесла пир, который затянулся глубоко за полночь. К всеобщему удивлению, на это пир пожаловал даже слепец Исаак. Его привела за руку младшая дочь Абра. Он не мог видеть украшения — отрезки атласа, подвески с драгоценными камнями и разноцветные флажки, хранившиеся до этого дня в кедровых ларцах, равно как и столы, прогибающиеся от яств, — но старец помнил, как все выглядело в те годы, когда он еще был зрячим.

— Это угощение для ангела смерти? — спросил он.

— Бог уберег иудеев от ангела смерти, — ответила Абра слегка растерянно, — и вывел нас из Египта. Ты же знаешь. — Она развела руками, извиняясь перед собравшимися за отца. — Простите, он совсем старый.

— И хворый, — прибавил Исаак со смешком. — Старый и хворый.

Угощение было обильным, Абра перепробовала все и заснула прямо за столом. Другие дочери

Исаака давно разошлись по домам, так что слепец возблагодарил Бога за возможность уйти. Опираясь на палку, Исаак покинул селение и заковылял к холмам, ведомый смолистым ароматом сосен.

На окраине он немного замешкался. Куда Бог направляет его стопы? Легкий ветерок коснулся правой щеки; значит, надо свернуть налево. Исаак вновь вознес хвалу Господу. Он повернулся и побрел дальше, дважды едва не упал, запнувшись о камень, а потом остановился и стал терпеливо ждать нового знака. Но того все не было, а затем обостренные слепотой чувства уловили чье-то присутствие.

— Иисус? — проговорил Исаак. Недавно перенесенная хворь лишила его остатков сил, и он понимал, что дальше идти не в состоянии.

— Я здесь, — прозвучал голос Иисуса.

— Ты снился мне прошлой ночью. — Исаак зашарил руками перед собой, стараясь нащупать ладонь Иисуса.

— Не торопись. Еще рано.

Исаак кивнул. Во сне он видел все: и терновый венец, и кровь на челе Иисуса, и тяжелый крест на плечах, и злобствующую толпу... Проснувшись, старик понял, что дрожит. На глаза наворачивались слезы, но перед Аброй он не мог позволить себе такую слабость.

В голосе Иисуса, впрочем, не было печали, и Исаак решил не предаваться скорби.

— Я говорил, у тебя есть дар. Может, даже меня превзойдешь. Но это пусть Бог решает.

Щеки Исаака коснулось теплое дыхание, и старец испытал великое блаженство, словно наяву ощутив детскую невинность и тепло материнства.

Пожалуй, иными словами это ощущение не передать.

На сей раз старик не сдержал слез, и те полились по щекам.

— Я тоже сегодня умру?

— Но я не умер, — мягко возразил Иисус. — И отныне никто не умрет.

— Это хорошо. — Исаак облегченно вздохнул.

Его ноги подкосились, и он опустился наземь. Каменистая почва показалась ему мягче пуха. Перед глазами что-то замерцало. Неужели то, что люди называют светом? Он видел такое разве что во сне... Этот загадочный свет словно наполнился жизнью. Ошеломленный Исаак вскинул голову и увидел стоящего над ним Иисуса, в белых одеждах и с лицом, исполненным сострадания. Слепец онемел.

— Господь отверз твои очи, чтобы ты узрел тайну, — промолвил Иисус. — Я ходил по земле как сын человеческий, и сейчас он страждет. Ученики рыдают у подножия креста. Римляне потешаются и мучают его.

— Я видел это, — сказал Исаак. — Страшное зрелище.

Иисус покачал головой.

— Для меня это не более чем сон. К тебе я пришел не как сын человеческий, но как Сын Бога. Возрадуйся же! — Как хотелось Исааку поверить этим словам! — Ты уверуешь прежде прочих. Или не ты всегда говорил, что Бог повсюду?

— Верно. Пусть даже ты демон, посланный искушать меня, в тебе есть Бог.

— Я мессия, Исаак. Долгое ожидание завершилось. И мира, и твое собственное.

Внезапно фигуру Иисуса окутал яркий свет, непереносимый для глаз и все же восхитительный. А затем Исаак ощутил, что Иисус заключил его в объятия и поднял на руках, как ребенка. И слепота вернулась.

— Ты со мной? — спросил слепца Иисус. — Я иду к Отцу.

Исаак ощутил крайнее изнеможение, у него не было сил ответить, но все же он сумел выдавить одно слово. Теплое дыхание Иисуса опустилось на его лицо, точно благословляя, и пала тишина.

Абра проснулась с чувством вины, отчаянно желая, чтобы сестры позаботились отвести отца домой. Но старика нигде не было. Мужчины отправились на поиски и нашли его тело в у подножия холмов. Завернутый в саван труп принесли в Назарет, и женщины запричитали.

На глазах Абры выступили слезы, она начала молиться об ушедшем, но сама не причитала. Исаак был стар и хвор. Господь, забрав его, оказал ему милость. Абра вышла из дома, присоединилась к процессии и дотронулась до савана. Белизна последнего одеяния человека принесла успокоение. Должно быть, Град небесный бел, как этот саван...

Сердце наполнилось скорбью, но умиротворение не проходило. В конце концов, скоро в мир придет мессия. Все в Назарете так говорят, а значит, надо верить...

Эпилог

Как я уже говорил, местные относятся ко мне с подозрением. Они считают, что я занимаюсь черной магией, а я воспринимаю их как досадную помеху, поэтому близко мы не сходимся. Со временем многие из них обо мне позабыли. Теперь я для них все равно что шишковатое дерево, неведомым образом выросшее на продуваемой ветрами вершине. Шишковатое, корявое, бесплодное, цепляющееся за жизнь из чистого упрямства.

Многие, но не все. Храмовый служка — уже достаточно взрослый, чтобы стать монахом — наверняка удивился, когда я исчез. Одним весенним утром он подошел к моей хижине с вязанкой хвороста и обнаружил, что входная дверь широко распахнута. Судя по тому, как ветер обошелся с моими скудными пожитками, дверь не закрывалась достаточно давно.

Никто меня в тех краях больше не видел.

Внизу, куда жители гор не отваживались спускаться, караваны с наступлением весны стали передвигаться куда чаще. Я спустился туда и сел на обочине, наблюдая. Однажды проезжавшая мимо повозка остановилась, и с нее спрыгнул человек.

Сделал несколько шагов, преклонил колени; в руках он сжимал маленький деревянный крест.

Я подождал, потом сказал:

— Я знавал его.

— Что? — Человек явно опешил. — Я первым из учеников прибыл сюда.

— Подумаешь. — Я пожал плечами. Потом махнул рукой, приглашая путника присоединиться: в котелке над костром заваривался чай. Он принял мое приглашение и начал рассказывать. Оказалось, он стал учеником Иисуса почти сразу, как тот вернулся на родину. С уст путника легко слетали досужие рассуждения о мессии и о чудесных обращениях по всей стране. Многие видели воскресшего Христа, сказал он. От собственного рассказа путник, которого звали Фомой, пришел в такое возбуждение, что позабыл о чае.

Когда я ему напомнил, Фома загадочно улыбнулся.

— Человек одним чаем не проживет.

Я спросил об Иуде. Фома поразился тому, что какой-то дряхлый старик, смахивающий на обезьяну, слышал об Иуде, и покачал головой.

— Предатель. Демон, по которому веревка плакала.

Иуда повесился, швырнув в лицо Каиафе его сребреники.

— Он повесился на дереве, что стояло в полном цвету, — прибавил Фома, — и за одну ночь белые цветы сделались кроваво-красными.

Я кивнул.

— Выходит, Иуда исцелится, а ты станешь блаженным. Хорошо. Лишь через порок появляется добродетель.

Фома настороженно посмотрел на меня.

— Все так и было. После воскресения Иисуса я вложил пальцы в его раны...

Я пошевелил костер под котелком, и кизяк противно задымил.

— Истина не менее таинственна, чем сам бог.

Из повозки Фому окликнули: мол, они отстали от каравана. Фома неохотно поднялся и задал на прощание коварный, как ему, верно, казалось, вопрос:

— Ты последуешь за моим учителем, если я докажу, что он восстал из мертвых?

— Нет, — ответил я. — Я последую за ним, потому что должен.

Фома растерялся, однако подождал, пока я сниму котелок и прихвачу мешок. Я мог бы забраться в повозку, но предпочел идти следом. Мы шли сквозь безжалостные бури, я вместе с Фомой страдал от насмешек и камней, которыми нас осыпали в деревнях, жадно слизывал капли влаги с грязной тряпки, ибо источники пересохли...

Куда мы шли? Я не спрашивал, мне было все равно. Этому я научился у Иисуса. Я побудил его изменить мир, и он преуспел. Свет сопровождал нас повсюду. Я спал под открытым небом. Звезды казались воротами в иные миры. Порою я погружался в дремоту и оказывался на зыбкой линии между этим миром и потусторонним. Там я встречал Иисуса. Мы не разговаривали, просто омывали тела в сиянии, побеждающем всякие иллюзии.

Фоме о своих путешествиях вне тела я не рассказывал. Он бы мне поверил, но вот тому, что Иисус спас Иуду, верить бы отказался.

— У тебя великая душа, — сказал я Иуде. — Ты с готовностью принял обличье злодея. Должно быть, ты очень любишь Иисуса.

Иуда ничуть не возгордился.

— Земля — чадо Божье, — ответил он. — Как можно отказать в помощи ребенку?

Думается, без Иуды не было бы этой новой веры, христианства.

Конечно, теперь она не такая уж и новая. Любое плакучее дерево называют деревом Иуды. А Фома известен как Неверующий или как Блаженный. Все это необходимо. Для чего? Для того мгновения в жизни каждого человека, когда завеса спадает, и из-под нагромождений богатства и бедности, здоровья и болезней, жизни и смерти мироздание возглашает единственное слово:

— Осанна!

К читателю

Иисус и путь просветления

Повествование окончено, Иисус достиг просветления. Он видит Бога как чистый свет, проникающий во все уголки мироздания. В Новом Завете Иисус всех своих учеников, включая Иуду, называет «светом мира», а в моей книге Иисус прозревает Бога даже в человеке, который его предаст. Ничто не существует вне Бога, в том числе и зло, воплощенное в Сатане.

Но так ли на самом деле чувствовал Иисус? Так ли он стал мессией? Многие читатели со мною не согласятся, и на то у них найдутся веские причины. Христиане (и не только они) воспринимают Иисуса в статике: он обладает всем и сразу и не эволюционировал, он родился божеством в вифлеемских яслях и божеством остается.

Статический Иисус пребывает вне человеческого опыта, что делает его уникальным — единственный Сын Бога, — но также создает пропасть между ним и другими людьми. И на протяжении двух тысяч лет эту пропасть не удавалось преодолеть. Миллионы людей почитали Христа, не испытав сами преобразования. За исключением горстки святых, христианство не приобщало верующих к «све-

ту мира», хотя сам Иисус говорил именно об этом и стремился к этому, как и к тому, чтобы царство Божье установилось на планете еще при его земной жизни. Подобно Будде и иным просветленным личностям, Иисус хотел, чтобы его последователи также достигли просветления.

Следовать учению Христа означает обрести состояние сознания, схожее с тем, какого достиг он сам. Для меня дорога к подобному состоянию есть путь просветления. И потому в моей книге Иисус постоянно сталкивается с сомнениями и противоречиями. Он гадает, почему Бог столь часто позволяет злу одерживать победы. Он ощущает себя неспособным изменить окружающих. Он разрывается между любовью к мужчинам и женщинам и божественной любовью. Иными словами, мой Иисус намеревается разрешить величайшие загадки жизни и прежде всего поэтому он лишен статичности, которой, к сожалению, в избытке наделен Иисус библейский.

Ересь? Кошунство?

Я отлично сознаю, что ревностные христиане безоговорочно принимают Священное Писание и вряд ли откажутся от того образа Христа, какой у них сложился. Тем не менее даже Новый Завет порождает немало вопросов. Попробуйте поставить себя на место человека первого века нашей эры — совсем не обязательно иудея, — который никогда не слышал об Иисусе, пока однажды не заметил большую толпу на площади и не подошел послушать бродячего проповедника. Просто так, из любопытства.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»¹.

Секундочку! Как бы мы ни притворялись, Нагорная проповедь обращена вовсе не к невинному, девственно чистому сознанию. Каждое ее слово глубоко укоренилось в западной культуре и давным-давно воспринимается как идеал и обещание.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное»².

Слова прекрасны, но сколь легко их отвергнуть, не правда ли? Нищие духом отнюдь не кажутся блаженными; по большей части их игнорируют, если не проклинают. И миллионы плачущих не находят утешения. А землю, судя по всему, наследуют богатые и наиболее безжалостные.

Есть что-то неправильное в Евангелии, которое не соответствует истине. Или, если это прозвучало слишком уж сурово, в Евангелии, которое требует от человека больше, чем мы готовы отдать. А Нагорная проповедь продолжает настаивать: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»³.

Разве возможно добровольно следовать подобным предписаниям? А как же война со злом во имя добра? Борьба с преступностью и «правильные» войны основываются на послышке, что злу

¹ Мф 5:3—5.

² Мф 5:8—10.

³ Мф 5:38—39.

необходимо сопротивляться. Но знаменитая фраза Иисуса по поводу подставления другой щеки диктует иной образ действий: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»¹.

В качестве свода заповедей повседневной жизни Нагорная проповедь сбивает с толка. Иисус призывает слушателей не строить планов на будущее и не беречь деньги: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут»². Если воспринимать эти слова буквально, Христос даже советует своим последователям не зарабатывать на жизнь: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»³

Проповедь как будто противоречит всем нашим представлениям о том, как следует жить. Почему же Иисус требует от нас идти против человеческой природы? Честно говоря, мне не кажется, что он добивался именно этого. По-моему, он стре-

¹ Мф 5:39—42.

² Мф 6:19—20.

³ Мф 6:25—26.

мился преобразить людей; добиться того, чтобы они вознеслись над собственными эгоистическими желаниями и потребностями. Нагорная проповедь — как и Новый Завет в целом — побуждают стремиться к более высокому уровню бытия, который обретается лишь через богоподобное сознание, через состояние, в котором человеческий разум соединяется с божественным.

Однако христианство как вероучение повернулось спиной к столь радикальной трансформации. Протестантская трудовая этика опровергает призыв Христа не планировать вперед и не заботиться о будущем. Католики мнят себя истинными христианами и считают, что протестанты не следуют Христу, но как они сами исполняют знаменитую заповедь, также изложенную в Нагорной проповеди? Я имею в виду следующие строки: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»¹. Следуй католики этой заповеди, мы бы никогда не услышали ни об инквизиции, ни о крестовых походах.

Призыв возлюбить врага своего, когда я его слышу, всякий раз вызывает у меня слезы, ибо напоминает мне один эпизод Второй мировой войны. Нацисты арестовали иезуитов, мужчин и женщин, и согнали их в концентрационные лагеря вместе с

¹ Мф 5:43–45.

евреями, цыганами и гомосексуалистами. Одна монахиня стала жертвой извращенных и жестоких медицинских экспериментов, которые проводил неизвестный доктор Йозеф Менгеле, пресловутый «Ангел смерти» концлагеря Освенцим. Ему помогала в этих экспериментах некая женщина. Сознавая, что страдания близятся к концу и она умирает, монахиня сняла с себя четки, висевшие у нее на шее, и протянула ассистентке Менгеле. Та с подозрением спросила, что это значит. Монахиня ответила: «Это дар. Примите его с моим благословением», — и вскоре умерла.

Прекрасный пример непротивления злу; вдобавок он объясняет, почему постижение учения Иисуса требует более высокого уровня сознания. Не многие из нас способны отнестись к преднамеренному злу с состраданием; нужно, чтобы сострадание, как у этой монахини, стало частью природы. Более того, сострадание должно вытеснить все, что таковым не является, то есть инстинкты, побуждающие сопротивляться, бороться, сражаться и проклинать зло, посмевшее запятнать нашу жизнь.

Иисус, каким мы его знаем, — итог преображения, и он хотел, чтобы и другие преобразились. Без преображения учение Иисуса не просто радикально: его заповедям попросту невозможно следовать — не считая, разумеется, тех мгновений, когда мы, неожиданно для самих себя, становимся вдруг добрее, сострадательнее и нежнее обычного.

На какой же путь звал людей Иисус? Отчасти этот путь хорошо известен. Христос велел своим ученикам молиться, верить в Бога и в то, что вера способна творить чудеса, а миру нести любовь и утешение. Миллионы христиан до сих пор стара-

ются жить по этим правилам, но все же что-то упускают — ведь мы по сей день не наблюдаем всеобщего преобразования тех, кто исповедует христианство. Подобно прочим людям, христиане подвержены искушениям, склонны к насилию, эгоистичны, мыслят узко и отвергают любовь; при этом собственное поведение они оправдывают именно вероучением, которому следуют. (И в этом они не одиноки — всякое организованное религиозное сообщество создает собственную этику, прикрывающую человеческие пороки праведной риторикой.)

Недостающее звено

Путь к просветлению намного сложнее того наброска, который начертал Иисус; многое мы проглядели, поскольку не оценивали учение Христа с позиции высших уровней сознания. Войти в царство Божье вовсе не означает дождаться смерти и затем присоединиться к Богу. Это преобразование здесь и сейчас, благодаря которому человек внутренне переходит на иной уровень. Нагорная проповедь описывает преобразенный мир, который зиждется на том, что всякий человек будет следовать учению Христа. Призыв обратиться к себе звучит знакомо (этого требует даже спиритическая традиция), но что нам делать, когда мы окажемся «внутри»? Вот оно, недостающее звено. В общем и целом, процедура преобразования ничуть не изменилась с тех пор, как Иисус ходил по этой земле.

Шаг 1. Сдвиг восприятия.

Нагорная проповедь занимает три главы Евангелия от Матфея и затрагивает множество тем.

Однако Христос, что нетрудно заметить, постоянно возвращается к одному и тому же положению: реальность Бога противоположна материальной реальности. Вот почему именно кроткие унаследуют землю, вот почему злу не следует противиться, вот почему нужно возлюбить врагов. Чтобы осознать это, необходим сдвиг восприятия, аналогичный тому, который осуществил Христос, чтобы достичь единения с Богом.

Шаг 2. Милость Господа распространяется на всех.

Говоря, что первые станут последними, Иисус вовсе не имел в виду материальный мир; он разумел милость Божью, которая, подобно дождю, проливается на всех, равно праведных и неправедных. Птицы и цветы полевые — не люди, но Провидение заботится о них, и если мы полагаем, что жизнь есть борьба, значит, мы не постигли Бога. Будучи повсюду, вездесущий Бог позволяет всем ощущать свое присутствие.

Шаг 3. Внешность обманчива.

Враг выглядит врагом, но в глазах Господа вас двоих объединяет любовь. Чтобы осознать это божественное уравнение, нужно перестать судить по внешним признакам. Нагорная проповедь обращается к душе, а не к телу.

Шаг 4. Принять любовь Бога.

Иисус постоянно повторяет своим слушателям, что они не одиноки и их не бросили. Не нужно в поте лица добывать средства к существованию. Бог любит своих детей, и для них доступно все.

Шаг 5. Видеть глазами души.

Чтобы обрести новую жизнь, надо не упустить возможность преобразиться. Прежние ожидания

и убеждения лишают нас подобных возможностей. Иисус отмечает все бытующие установления, пусть даже это заповеди Моисея. Он настаивает на том, что человеку требуется иное восприятие, иное внимание, идущие из глубины души.

Используя такие слова, как «внимание» и «восприятие», я подчеркиваю то обстоятельство, что реальность меняется благодаря не поступкам в материальном мире, но в силу перемен, происходящих внутри личности. Иисус учит, что царство Небесное внутри, то есть в сознании (или в разуме, если угодно). Говоря, что нельзя служить двум господам и необходимо выбрать между Богом и маммоной, он имеет в виду, что материальные стимулы — богатство, статус, семья, власть и тому подобное — принципиально отличаются от стимулов души.

В Новом Завете не содержится подробного описания пути к царству Небесному, и потому мы вынуждены обратиться за этим опытом к великим традициям Востока и Запада, чтобы заполнить пробел. Почти во всех традициях, и неявно — в христианстве, реальность делится на три уровня: материальное, духовное и божественное.

Материальный мир есть прибежище тела и всего физического. Здесь мы отдаем кесарю кесарево, то есть платим цену, какой бы та ни оказалась, за повседневное бытие. Этим уровнем реальности управляют желания и устремления к достатку, статусу, власти и прочим материальным ценностям, и мы служим ложному богу, воплощением которого выступает маммона.

Царство Божье есть мир духа, где все, к чему мы привыкли в материальном мире, отрицается и

отвергается. Самореализация — не цель, но данность. Здесь действуют духовные законы, а физических ограничений не существует. Иисус порой называет этот уровень реальности небесами и неоднократно привлекает людей их благами. На небесах все купаются в любви, никто не проливает пот в бесконечных трудах, убогих и слабых ждет роскошное пиршество. Всякое неравенство исчезает, поскольку тут нет личностей, только души.

Бог, или Абсолют, есть источник, из которого возникает реальность. Он превосходит не только материальный мир, но и небеса, будучи бесконечен и беспределен. Христос говорит о «мире Божиим, который превыше всякого ума»¹, подразумевая, что реальность Бога непостижима для человеческого рассудка.

Эти три уровня взаимосвязаны. Материальный мир, царство Небесное и Абсолют воедино и ежесекундно присутствуют внутри нас и вовне. Верить, будто существуешь исключительно в материальном мире, — серьезная ошибка, которую и пришел исправить Иисус. Он предложил спасение, то есть распахнул дверь в иные уровни реальности, в мир духа и в Абсолют. Причина, по которой спасение кажется столь простым («стучите, и отворят вам»²), следующая: эти якобы утраченные человечеством уровни никуда не пропадали, мы просто решили, что они нам более не доступны.

Спасение имеет и практическую ценность. Поняв, что материальный мир подвластен Богу, перестаешь бороться с препятствиями на жизненном

¹ Флп 4:7.

² Мф 7:7.

пути. Ведь материальный мир, как выясняется, не причина всего, а лишь следствие. Он получает сигналы с духовного уровня. Каждый человек воспринимает импульсы души, и наши мысли и поступки суть средства их «материализации». Поскольку же мы несовершенны, наши жизни представляют собой череду наслаждений и страданий. Душа хочет только добра, но это возможно, лишь если царство Божье наступит на земле, к чему и стремился Иисус.

Пусть все три уровня реальности присутствуют всегда и везде, человек должен подняться к высшим областям сознания, чтобы воспринять мироздание в единстве. Говоря: «Я и Отец — одно»¹, Иисус сообщал, что для него вполне естественно воспринимать все одновременно. И что же он видел? Нечто вроде каскада: Абсолют наверху, ниже царство Небесное, затем душа и в самом низу материальный мир.

Обратимся к примерам. Вот счастье. Многие уверены, что счастье приносят — во всяком случае, способны принести — материальные ценности. Новая, сверкающая машина делает человека счастливее, чем побитая колымага с мятым бампером. Чем больше денег, тем больше счастья, поскольку можно купить больше удовольствий. И непрерывное наслаждение, пускай оно и недостижимо, выглядит совершенством.

Однако Иисус учил, что счастье земное есть лишь бледное отражение духовного восторга. Степень счастья уменьшается по мере того, как человек отдаляется от Бога. Господь — истинное бла-

¹ Ин 10:30.

женство, нечто вроде беспредельного восторга, который ничто не в состоянии умалить. Этот беспредельный восторг изливается в царство Небесное и наполняет души, но необходимо умалается, иначе души не смогут его воспринять. И потому счастье, обретенное душой, является неполным. А когда восторг Абсолюта нисходит в материальный мир, мы ошибочно принимаем его за переменную, за что-то, подверженное приливам и отливам, за нечто хрупкое и мимолетное. Когда обстоятельства складываются не в нашу пользу, мы мним себя лишенными счастья и уже не можем различить его истинный Источник.

Дорога домой

Поскольку его взору Источник был доступен, Иисус видел реальность как постоянное проявление Божества. Почему нечто истинно, прекрасно или могущественно? Потому что Бог обнимает собой истину, красоту и могущество. Сознать это рассудком пользы мало, нужно это прочувствовать, и Иисус неустанно делился с людьми своим опытом прочувствования. Он творил чудеса, чтобы показать, насколько эфемерен материальный мир. Он упорно отрицал правила повседневной жизни, чтобы люди ощутили вкус небес.

И все его проповеди и наставления служили единственной цели — помочь роду людскому найти дорогу домой. Для первых его учеников-иудеев история человечества представляла собой непрерывное изгнание. Адама и Еву изгнали из Эдемского сада. Дети Израиля пребывали в изгнании в Египте и перенесли вавилонское пленение. Все эти

катастрофы символичны, в них отразились утраты души, лишенной общения с Богом. Проще говоря, Иисус описывал небеса как дом, а Бога как отца, который задает пир в честь готовых возвратиться блудных сыновей и дочерей.

Иисус знал, что блудные дети Бога не сумеют найти путь домой по метафизическим вехам. И потому сам выступил примером человека, одновременно физического и духовного — Бог, душа и смертный, слитые воедино. Иисус не просто принес на землю Божественный свет, он сам был этим светом. (Опасаясь разъярить христиан, я все же назову его «гуру» — это слово на санскрите означает «разгоняющий тьму».) Сказав, что никто не войдет в царство Небесное иначе, чем через него, Иисус вовсе не имел в виду конкретного человека, родившегося в Назарете в 1 году нашей эры. Везде в евангелиях, где речь ведется от первого лица, следует понимать, что Иисус говорит как Бог, душа и смертный воедино — не потому, что Христос уникален, а потому, что реальность также триединна. (Его слова «прежде нежели был Авраам, Я есмь»¹ — отсылка к вечности как источнику мироздания.)

Теперь мы гораздо отчетливее представляем себе путь, которым шел Иисус и которого он желал для всех людей. Необходимо нарушить клятву верности материальному миру, послушаться души и в конце концов прийти к источнику бытия, то есть к Богу. Отрицание материального мира, отказ от его соблазнов не имеют ничего общего с этим путем, равно как и благочестие и упорное стремле-

¹ Ин 8:58.

ние вести праведную жизнь в укор тем, кто такой жизни не ведет. Иисус не одобрял подобные притязания и отверг «профессионалов», жреческие касты фарисеев и саддукеев, — он называл их лицемерами, поскольку они досконально изучили букву Божественного Закона, но забыли о духе. Не говоря уже о том, что фарисеи, подобно всем прочим жрецам и священникам, укрепляли собственные статус и власть, не допуская людей к спасению. Они всячески защищали собственное высокое положение и отнюдь не пытались наставить паству на путь, по которому возможно идти в одиночку, не прибегая к помощи религиозных авторитетов.

Мне кажется, диагноз, поставленный Иисусом две тысячи лет назад, верен и по сей день. Нахождение пути домой — основа духовного существования, да и бытия как такового. И как же нам исцелиться, как преодолеть пропасть, из-за которой мы чувствуем себя покинутыми Богом и отрезанными от собственных душ?

Обретение Бога через трансценденцию

Иисус говорил ученикам, что если они обретут Бога, то все остальное приложится. Здесь я вижу самое надежное подтверждение того обстоятельства, что он имел в виду не патриархального старца, восседающего на небесах, но источник бытия. Подобный источник невозможно отыскать при помощи человеческих органов чувств, его нельзя найти и при помощи рассудка. Единственный способ — трансценденция, «выход за пределы».

Христианской традиции известны различные методики выхода за пределы, и верующие практикуют их по сей день. Например, добрые дела, «милость к падшим», благотворительность, молитвы, посредством которых личная проблема перестает быть личной, наконец, аскеза и монашество, отказ от материальных благ, удовольствий и эгоистических желаний.

Однако я сомневаюсь, что Иисус подразумевал именно эти ограниченные методики трансценденции, ведь ни одна из них не меняет реальность. Бог скрыт от нас, он не говорит с нами, и потому мы вынуждены довольствоваться общением с собственными мыслями о нем. Трансценденция же означает выход за пределы органов чувств и сознательного пространства разума. И тут мы наблюдаем разделение традиций: западная, на которую сильное влияние оказало христианство, предпочитает размышления о природе Божественного, тогда как восточная, во многом основанная на древнеиндийских духовных практиках, ориентирована на медитацию.

Различие между этими двумя методами трансценденции не столь уж, впрочем, велико. И в медитации, и в размышлении разум успокаивается и выходит за пределы повседневности. Это достигается посредством концентрации на мысли или образе и отпускании разума «на волю». При медитации на мантру, например, звуки постепенно становятся все тише и, в конце концов, растворяются в тишине. В христианском размышлении над образом, к примеру над Святым сердцем, образ также мало-помалу тускнеет, приобретая при этом

сокровенное эмоциональное значение. Медитация тяготеет к абстрактности, поскольку мантры лишены смысла, а размышление фокусируется на любви, сострадании, всепрощении или иных атрибутах Божества.

Для многих более эффективной оказывается менее абстрактная медитация, например медитация сердца. Нужно сесть, закрыть глаза, позволить сознанию опуститься в грудь и удержать фокус на сердце. Скорее всего, перед мысленным взором начнут возникать различные картины; когда это произойдет, постарайтесь снова сосредоточиться. Однако не принуждайте себя, не прогоняйте эмоции или ощущения. (И не пытайтесь представить сердце воочию или ощутить сердцебиение — мы говорим не об органе тела, а об источнике тонкой энергии.)

Поначалу эта медитация не принесет тишину и даже, вероятнее всего, не позволит успокоиться. Все зависит от состояния вашего энергетического центра, который у большинства людей переполнен конфликтами. На поверхность всплывут подавленные воспоминания и некогда отринутые чувства. Пусть. Рано или поздно восприятие сместится, и вы ощутите свое сердце как средоточие нежности и любви. Проникая в собственное сердце, ищите чувствительность. Чем острее будет это ощущение, тем ближе вы подступите к тишине. Со временем преобразится и тишина. Она откроет двери незримому присутствию. Это присутствие не пассивно, оно живое, и чем дольше вы будете его ощущать, тем ярче оно станет проявлять атрибуты Божества, из которых любовь и нежность — лишь

два очевидных. Бог также могуч, вездесущ, всеведущ, бесконечен, вечен и несотворен. Ваша цель заключается в том, чтобы обнаружить источник этих качеств внутри себя и принять их как данность.

Жизнь земная начинается на небесах

Если вы уже достигли единения с Божеством — финала духовного пути, тогда пребывание в неподвижности внутри собственного «я» окажется наивысшим блаженством. И не потому, что вы покинули сей мир, но потому, что Абсолют, источник всего, содержит в себе удовлетворение всех желаний. Слова молитвы: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки»¹ указывают на место, откуда исходит всякая энергия, всякое блаженство и всякая творческая сила.

Однако трансценденция состоит из множества этапов и позволяет ощутить тонкий уровень реальности, область души. На этом уровне, в отличие от уровня Абсолюта, или Бога, имеются образы, мысли и ощущения, которые непосредственно связаны с повседневной жизнью. Любовь с первого взгляда, например, есть непосредственная передача энергии с этого уровня реальности, равно как и внезапное осознание истины (озарение) или тот феномен, который в просторечии описывается фразой «словно обухом по голове ударило».

Все это лишь отдельные проблески, плоскость же целиком находится внутри нас. И тут самые важные желания — любовь, творчество, истина,

¹ Мф 6:13.

красота и сила — обретаются в форме семян (метафорически, разумеется), ожидая урочного срока прорости в материальном мире. Чтобы они проросли, необходимы тонкие действия, то бишь действия на уровне души. Звучит эзотерически, но представьте себе что-либо, чего вы упорно добились и что принесло вам удовлетворение и радость. Тонкие действия таковы:

Любовь и восторг
Оптимизм
Целеустремленность
Сосредоточенность
Умение не отвлекаться
Спонтанная активность
Радость от достигнутого
Отсутствие сопротивления,
внешнего и внутреннего.

Эти качества присущи любым устремлениям, будь то желание влюбленного разделить жизнь с возлюбленной, научный проект, реализации которого ученый посвятил многие годы, или мечта садовника вырастить самую красивую розу на свете. Ни одно из этих устремлений не зарождается в материальном мире, все они суть духовные семена. А устремления, от которых мы быстро отказываемся, которые нам наскучивают или попросту оказываются нежизнеспособными, суть непроросшие семена. Мало просто принять сигнал от души, нужно холить его и лелеять и сделать частью своей жизни.

Мы рассуждаем о тонких действиях. Воспользоваться этими действиями на духовном пути ничуть не сложнее, чем в семейной жизни, карьере

или, если уж на то пошло, на футбольном матче. Путь христианина может быть описан в данной терминологии, которая вовсе не является эзотерической; на самом деле эти термины воспринять куда легче, нежели традиционные концепции милости и веры.

Любовь и восторг. Найдите, что полюбить, в фигуре Иисуса или, если они привлекают вас больше, в фигурах Девы Марии и святых. Откройтесь ощущению, что Бог любит вас, что вам доступно все, чем только может поделиться с детьми любящий отец. Даже если ваша текущая реальность не позволяет принять подобное ощущение, постарайтесь открыться. Любовь — не просто чувство, которое приходит и уходит. Это постоянное качество вашего «я», зарождающееся в источнике бытия. Вам предназначено любить, ибо вам предназначено быть. Осознайте это и удерживайте осознание. Представьте самое драгоценное, что есть в вашей жизни, как воплощение любви, как дар, который вы получили не случайно, не по стечению обстоятельств или потому, что усердно трудились, а как неотъемлемое свойство.

Вообразите себе Бога как дерево, ветви которого ломаются от плодов, и толика этих плодов принадлежит вам. Или как солнце, закрытое облаками. Вам не нужно трудиться, чтобы найти солнце, нужно всего лишь подождать, пока облака рассеются. Храня в сознании этот образ, намного легче восторгаться жизнью, поскольку неведомое перестанет вас страшить — превратится в источник грядущих радостей.

Оптимизм. Живите положительными ожиданиями. Дело не просто в настроении, да и в пустые

грезы впадать не следует. Осознайте, что на уровне души в почву брошены бесчисленные семена свершений. Некоторые из них пытались прорасти и не сумели, об этом говорит наша память. Мы помним обиды и разочарования, но цепляться за них нельзя, иначе они будут повторяться. Прошлое бросает в почву души дурные семена, а разум питает их страхом и гневом.

Оптимизм фокусируется на добрых семенах и тем самым побуждает их прорасти. Строго говоря, я рассуждаю не о позитивном мышлении. В последнем рекомендуется всячески переламять негативные мысли, чтобы те в итоге сделались благими. На самом деле дурные семена прорастают дурными делами. Но когда результат причинит вам боль или принесет разочарование — отойдите в сторонку и сосредоточьтесь на другом семени, которое вполне может оказаться добрым. Совершенства здесь не достичь. Все мы проращиваем дурные семена вместе с добрыми. Однако, сохраняя оптимизм, вы приучаетесь подпитывать именно добрые, и этот сдвиг восприятия сулит немалую пользу. (Я знавал математического гения и спросил однажды, каково это — размышлять на доступном ему уровне абстракций. К моему удивлению, он ответил, что практически не размышляет. Так откуда же, спросил я, взялись эти хитроумные решения математических задач? «Я спрашиваю ответа и ожидаю, что ответ будет верным, — сказал он. — А в остальное время мой разум спит».)

Целеустремленность. Многие люди, озабоченные духовным развитием, с подозрением относятся к желаниям, однако желания способны облег-

чить продвижение по духовному пути. Такое желание должно быть сфокусированным, то есть ориентированным на цель. (Однажды гуру сказал мне: «Ветер не наполнит твои паруса, покуда ты не выберешь направление, куда плыть».) Слишком многие люди хотят наполниться светом (ощутить любовь, восторг, блаженство, близость к Богу), не фокусируясь на этих качествах. Между тем Бог всегда в движении, ведь «Бог» — лишь иное название всепорождающей творческой силы, и творение происходит постоянно.

Если вы хотите добиться духовного успеха, приготовьтесь двигаться. Индийский мудрец Джидду Кришнамурти прекрасно сказал, что истинная медитация идет двадцать четыре часа в сутки. Он имел в виду, что тонким действиям необходимо посвящать *все* время бодрствования, только так можно достичь цели. Медитация не означает статики. Невысказанное желание обладает могучей силой, в особенности силой намерения. Направьте мысли к цели и не теряйте фокуса, попросите реальность развернуться так, чтобы желаемое произошло, а затем подождите и посмотрите, что получится. Передача Богу даже пустякового желания позволит вам осознать, что реализация вовсе не обязательно сопровождается изнурительной борьбой. Для большинства из нас отлично подойдет такой метод: раз в день оторваться от всяких дел, подавить в себе суетливые стремления, отстраниться от ситуации, в которой вы ощущаете какие-либо затруднения, и подождать спонтанного решения, которое способны выдать высшие уровни сознания. Когда добьетесь первых успехов, вы

поймете, что этот способ постепенно превращается для вас в образ жизни.

Сосредоточенность. В отсутствие какого-либо осознанного желания сосредоточенность представляет собой одно из самых важных качеств разума. Это удобрение, которое подталкивает к росту семена души. Повторюсь, под «семенами» мы разумеем потенциал тонкого душевного импульса к материализации в физическом мире. Прежде чем любой материальный объект, будь то дом, дерево, облако или горный хребет, обретет зримую форму, его атомы существуют в состоянии чистого потенциала. Это состояние «разогревается» слабыми вибрациями и приобретает материальность. (В физике превращение невидимой, «виртуальной» частицы в видимый электрон называется коллапсом волновой функции. Это базовый процесс, посредством которого проявляется мироздание, то возникая, то пропадая из бытия со скоростью тысячи раз в секунду.)

То же самое верно в отношении будущих событий вашей жизни. Бесконечное множество вероятностей существует в качестве чистого потенциала, и из этого множества считанные единицы переходят в «вибрационное» состояние семян, а затем ждут возможности воплотиться. Воплощение происходит, когда ваш разум цепляет какое-либо семя и сообщает ему: «Эй, я выбираю тебя». Все события вашей жизни, имевшие для вас какое-либо значение, следовали этому алгоритму преобразования — от незримого потенциала к полноценной манифестации. Поэтому, чем сильнее сосредоточенность, тем увереннее вы будете выбирать грядущие со-

бытия (в индийской традиции йоги это умение называется «опора на одну сущность»).

Умение не отвлекаться. Необходимым дополнением к сосредоточенности является умение не отвлекаться. Этим умением в полной мере наделены, к примеру, влюбленные: они не только хотят проводить все время с предметом обожания, но и обнаруживают, что все прочее вдруг становится пустым и скучным. Это умение не требует усилий. В духовной сфере главным отвлекающим фактором является собственное «я». Укорененное в физическом мире, оно блуждает повсюду, и его пожирают мимолетные желания. Его буквально раздирают на части страхи и упования, оно подвержено фантазиям и бесплодным сожалениям.

Способность «я» привлекать внимание не следует недооценивать. В конце концов материальный мир бесконечно разнообразен, органы чувств не устают предоставлять нам все новые и новые феномены. От беспрестанных требований «я» обратить на него внимание невозможно отделаться, оно настаивает на удовольствиях, успехе и победах. Этого противника надо одолевать постепенно. Что может с ним справиться? Лишь ощущение мира, любви, покоя и блаженства на высших уровнях сознания, на которых уже нет и следа погони за наслаждениями материального мира. Лишь преобразование утишает «я» и ставит на место. Надежнее всего запастись терпением, ибо по мере того, как будет происходить преобразование, вы ощутите, что «я» начинает терять хватку. И помните: «я», «мне», «мое» — не единственные способы познания реальности. Можно достичь блаженства,

выйдя за пределы «я», и со временем это обязательно случится.

Спонтанная активность. Духовный путь — не путь стараний. В буддизме есть понятие «неделания». Иисус говорил о том же, когда учил, что не стоит заботиться о завтрашнем дне. Знаменитая цитата из Нагорной проповеди о птицах небесных, которые «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы», представляет собой отличную иллюстрацию жизни: в природе, когда требуется, энергия проявляется спонтанно и без усилий.

В детстве вы заставляли себя входить в кабинет стоматолога и изнемогали от дел, вам порученных, если они не доставляли удовольствия. Зато в игре вы ощущали прилив энергии, верно? Иисус разумел именно это состояние. Он хотел, чтобы люди не заботились о завтрашнем дне и не трудились в поте лица, ибо это худшее, что может быть: повседневная борьба есть результат отделения от Бога. И потому, когда вы чувствуете спонтанный выброс энергии — но не ранее, — совершайте важные поступки, влекущие за собой перемены в жизни. Если же вам скучно, на душе пусто, мрачно и уныло, или просто царит равнодушие, — остановитесь и напитайте себя. В этом отношении духовный путь наиболее практичен, поскольку позволяет подключаться к источнику вселенской энергии. Если вам достанет отваги жить жизнью, которую вы любите, все будет хорошо.

Радость от достигнутого. Протестантская трудовая этика велит не ждать вознаграждения, а Эзоп в своей басне описывал горе стрекозы и счастье муравья. А вот Иисус придерживался совершенно

противоположного взгляда. Жизнь не откладывает удовольствия на потом, она наслаждается ими здесь и сейчас. Тому, кто отделен от Бога, это кажется невозможным. И потому напоминайте себе, что мирской путь — не путь Бога, и не поддавайтесь побуждению планировать, контролировать, набирать и копить.

Все эти действия превращают время в вашего врага. Но Бог пребывает вне времени, и вы — тоже. А тот, кто пребывает вне времени, ничего не ждет. Он не принуждает себя к скуке сегодня в надежде на радость завтра. Хватайтесь за любую возможность порадоваться достигнутому. Когда видите что-либо прекрасное — наслаждайтесь. Когда ощущаете любовь, скажите что-нибудь приятное тому, кого любите. Будьте щедры всегда и везде. Не сдерживайте благих позывов. Не бойтесь перехвалить, передать, перелюбить — эти опасения рождены материальным миром. На уровне Бога чем больше вы отдаете — любви, щедрости, доброты, творческой силы, — тем больше получаете.

Отсутствие сопротивления, внешнего и внутреннего. А как же Враг? Нельзя забывать о той незримой силе, что противостоит Богу, отвергает блаженство и отрицает любовь. Нет никакой необходимости персонифицировать эту силу в дьяволе или в злодейке-судьбе. Истина в том, что люди — актеры в театре, где разыгрывается пьеса о добре и зле, свете и тьме. Противодействие стимулирует творение, так уж заведено. Но осознание этого весьма далеко от ощущения необходимости борьбы с тьмой, внешней или внутренней. Мы настолько привыкли бороться, не говоря уже о насилии и войнах, что едва слышим слова Иису-

са: «Не противься злему». Зло же отчаянно сопротивляется, и потому тщетно использовать против него ту же тактику.

Духовный путь подразумевает принятие всего, что встречается на пути. Семена души прорастают самым загадочным образом. Нельзя предсказать, обернется ли очередное препятствие добром или бедой. Нас убеждают, что все происходит не без причины. Тем не менее боль и отчаяние отрицаются, поскольку вряд ли способны привести к исполнению заветного желания. Значит, принимать все как есть и не оказывать сопротивления — не железное правило. Удар, как ни крути, ведет к драке, и люди бьются, сражаются, прибегают к насилию. А когда зло повержено, пусть временно, радуются, что победило добро — возможно, Бог.

Высшие уровни сознания побуждают не сражаться, а искать мирные способы решения конфликта. И это подводит нас к совокупности правил, вобравших в себя многое из того, о чем говорилось выше. В любой ситуации неплохо на мгновение останавливаться, оглядываться и задавать себе такие вопросы:

«Счастлив ли я тем, как все складывается?

Легко ли это для меня?

Принесло ли это правильный результат?»

Вроде бы простые вопросы, однако в них заключена суть учения Иисуса. Бог предоставил жизни течь легко и свободно, он хочет, чтобы мы обрели блаженство и чтобы семена души прорастали из земли, как полевая трава.

Во всякий миг измеряйте свою жизнь одной и той же меркой. Жизнь слишком сложна, чтобы идти от события к событию. Завтра наступает

слишком неожиданно, чтобы у нас имелась возможность репетировать. Значит, надо учиться жить здесь и сейчас, и лучше всего этому научит собственная душа. Реальность нисходит от Божественного к мирскому, и все же, каким-то чудом, мирское остается божественным. То же чудо привносит радость в юдоль слез и бессмертие в долину смертной тени. Одно от другого отличить нелегко, и потому нам необходимы вдохновенные учителя, такие как Иисус. И стыдно было бы осознать подобную истину и не воспользоваться преимуществами, которые она открывает.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Часть 1 ИЩУЩИЙ	10
Часть 2 ЧУДОТВОРЕЦ	96
Часть 3 МЕССИЯ	185
Эпилог	256
К читателю	260

Литературно-художественное издание

Дипак Чопра

ИИСУС: ИСТОРИЯ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Ответственный редактор *К. К. Ковешников*
Выпускающий редактор *О. К. Юрьева*
Художественный редактор *Н. Г. Кудря*
Технический редактор *Л. Л. Подъячева*
Корректоры *Н. В. Волохонская, Е. П. Николаева*

ООО «Издательство «Мидгард».
198020, г. Санкт-Петербург, Нарвский пр., д. 18
URL: www.midgardr.ru. E-mail: info@midgardr.spb.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

*Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru*

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала
Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,
ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара»,
пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская,
д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,
ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Подписано в печать 22.04.2009.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 4000 экз. Заказ № 10126.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

NY PUBLIC LIBRARY THE BRANCH LIBRARIES

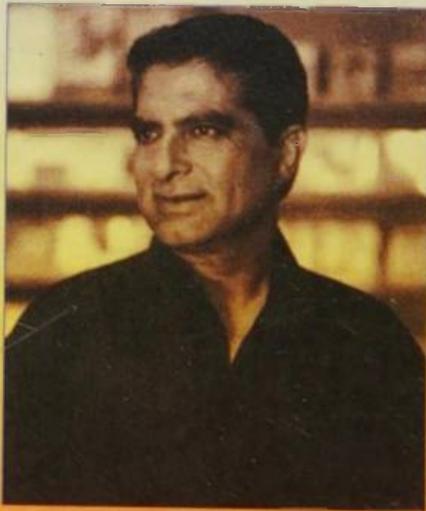

3 3333 24936 6648

НЕ РАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, СТАВШЕГО МЕССИЕЙ

Не существует официальных фактов о юности и молодости *Иисуса*, о «потерянных годах» между его рождением и крещением в реке Иордан в тридцатилетнем возрасте. Эта нерассказанная история дала возможность автору описать жизнь обычного человека и step by step открыла то, что *Иисусу* суждено было стать мессией.

Перед Вами не художественная биография, а путешествие в царство чудес, проникновение в их природу. И в конце пути – полное просветление.

Дипак Чопра – основатель *The Chopra Center for Wellbeing*, автор многих книг, ставших бестселлерами, включая романы «Будда: история просветления» и «Третий Иисус», разошедшихся миллионными тиражами.

ISBN 978-5-699-35136-7

9 785699 351367 >

The New York Public Library
MID-MANHATTAN LIBRARY
WORLD LANGUAGES
COLLECTION
455 Fifth Avenue
New York, NY 10016

MMWL